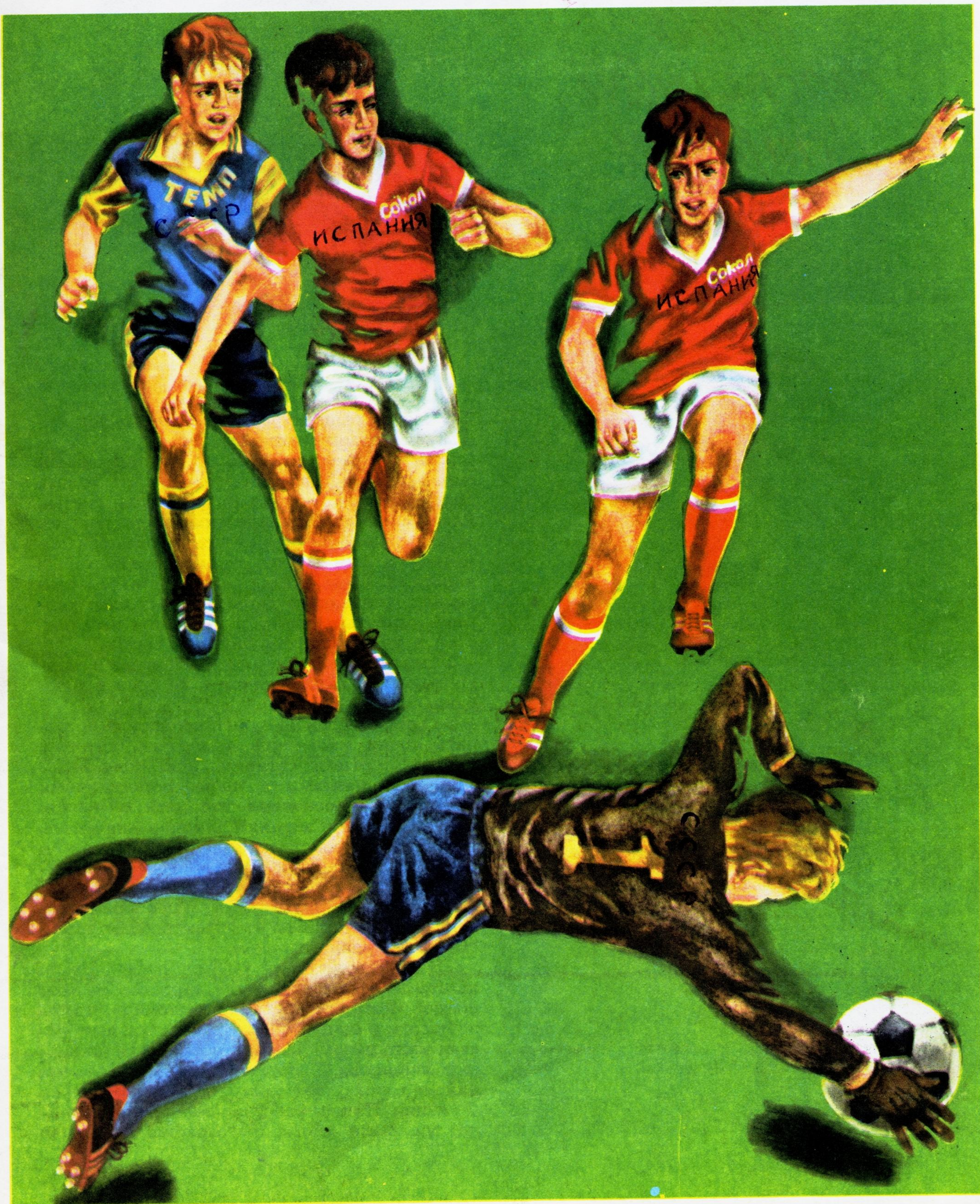

ПИОНЕР

6

1982

Счастливые дети счастливой страны

Весна пришла.

Леночка Гессен.

В жизни бывают встречи, которые остаются в памяти навсегда.

...Стояла поздняя осень. В вашингтонском парке около Капитолия, где любят гулять дети, пожилой негр сгребал опавшие листья. Рядом с ним в песочнице играл мальчуган лет десяти-одиннадцати. Мне захотелось познакомиться с ним и его отцом. Разговор был короткий. Отец сказал, что у него большая семья, одиннадцать детей, всех их надо кормить, одевать, обувать, а заработок невелик.

«А в какой класс ходит ваш сын?»

Мужчина как-то странно улыбнулся и горько заметил: «Джон никогда не брал в руки букваря».

Во время нашей поездки приходилось встречать сотни мальчиков и девочек, которые продавали газеты, сигареты, кока-колу, работали официантами в кафе, помощниками лифтеров. В основном это дети с черной кожей. Дорога к знаниям для них — на замке. И все это происходит не где-нибудь, а в одной из богатейших стран мира — Соединенных Штатах Америки. Почти двадцать три миллиона взрослых американцев практически неграмотны. Вот что несет людям общество, где правит капитал.

...В Париже стояла ранняя весна. Цвели каштаны. И тысячи юных туристов со всех концов Франции приехали в столицу, чтобы побывать в самых достопримечательных местах этого неповторимого города. Шли школьные каникулы. В парке Монтрей, в рабочем районе города, проходил фестиваль пионеров Франции. На нем работала советская выставка, где были книги, фотографии, альбомы,

Егор позирует.

Марина.

плакаты, рассказывающие о жизни советских ребят. Сюда можно было прийти и поиграть, сконструировать модель автомобиля, запустить ракету. Каждый день сюда приходили три маленьких француза. Мы их называли гаврошами. Вначале они стеснялись, а потом осмелели и задавали множество вопросов: «Сколько платят родители ваших ребят за то, что они учатся петь и танцевать? Бесплатное ли посещение библиотек? Где отдыхают ваши ребята? И сколько платит семья за это?»

Мы с удовольствием отвечали на вопросы французских мальчишек, рассказывали им о пионерской организации. И нам было о чем сказать: только прошлым летом в пионерских лагерях отдохнуло почти 14 миллионов ребят, в большинстве своем по льготным путевкам. В нашем замечательном «Артеке» ежегодно отдыхают 25 тысяч пионеров. А сколько родных братьев и сестер у «Артека»! Для наших ребят

работают пять тысяч дворцов и домов пионеров. Каждый четвертый фильм — детский. Вы получаете свыше 70 детских газет и журналов. Издательство «Детская литература» выпустило более пяти миллиардов экземпляров книг.

Французские мальчуганы немало удивлялись, разглядывая фотографии о жизни ваших сверстников, удивлялись и завидовали.

На нашей планете живет 1 миллиард 558 миллионов детей. Каждый третий гражданин Земли ребенок. Вдумайся в такие цифры: ежедневно умирает от голода 80 тысяч детей, ежегодно 100 тысяч детей слепнут из-за нехватки витамина А. В мире сейчас 200 миллионов детей-рабов, которые обречены на тяжелый, изнурительный труд. Все эти страдания несет детству его злейший враг — империализм.

1 июня — Международный день защиты детей. В этот день поднимутся флаги в тысячах пионерских лагерей. Ты вместе со своими друзьями зажжешь костер, пойдешь в поход, еще раз вспомнишь, как вся страна торжественно отметила 60-летие Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Будь же всегда признателен и благодарен стране, которая подарила тебе счастливое детство. Цени и приумножай то, что Родина дала тебе.

— Дети — наша любовь, наша надежда, наше завтра, — писал товарищ Леонид Ильич Брежнев в Международный год ребенка.

Счастья тебе, наш читатель!

С. ФУРИН.

Рисунки народного художника СССР Н. ЖУКОВА.

Выходит с 15 марта 1924 г.

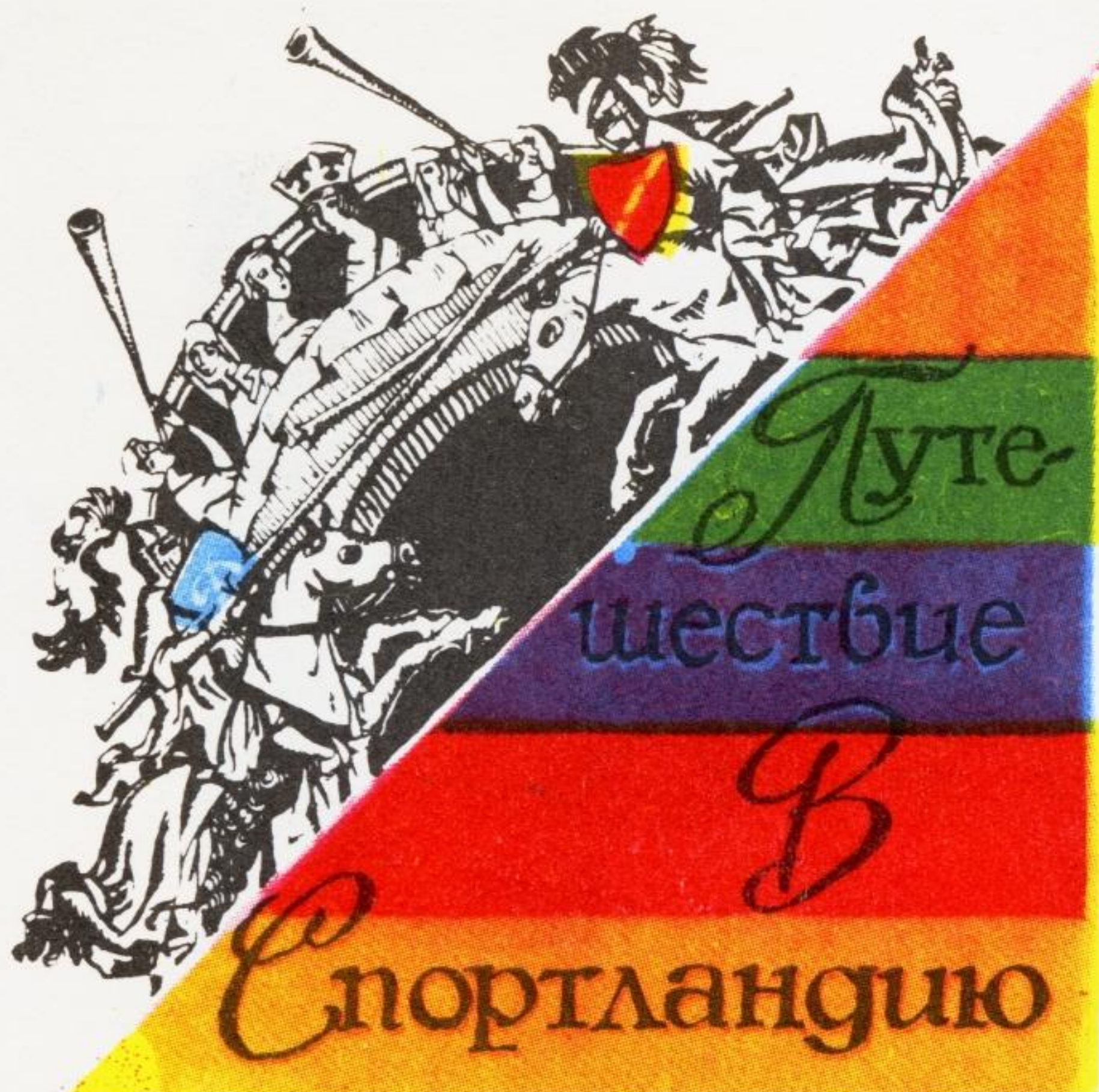
ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ИЮНЬ 6

Москва 1982 г.
Издательство «Правда»

Заседание клуба ведет
мастер спорта международного класса
Ренат ДАСАЕВ

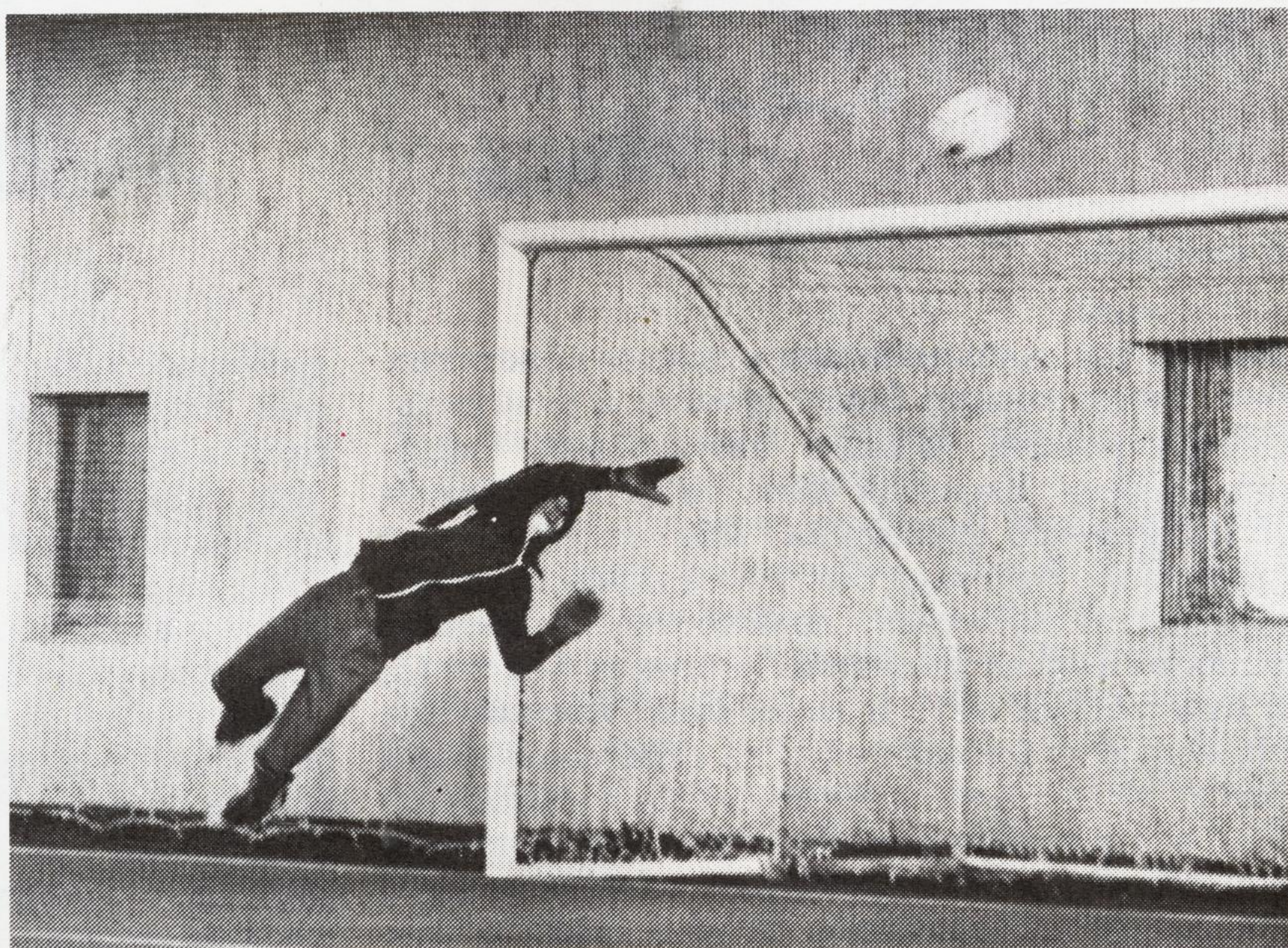
ДЛЯ ЧЕГО Я ЗДЕСЬ СТОЮ

Сначала о письмах

Вы даже не представляете, как я обрадовался, когда узнал, что вы избрали меня членом совета клуба «Вратарь», поставили рядом с такими знаменитыми вратарями, как Анатолий Акимов, Лев Яшин, Анзор Кавазашвили и Владимир Пильгуй. Для меня это высокая честь. В душе я считаю себя еще мальчишкой и очень люблю погонять мяч во дворе с ребятами из соседних подъездов. Только вот времени для этого остается все меньше и меньше... Если бы только это — еще полбеды.

Когда мне показали письма, которые прислал в клуб «Вратарь» Саша Бокк из города Резекне, прямо руки зачесались сесть и тут же написать ответ. Потом задумался: «Хорошо, отвечу Саше, а как же другие? Чем они хуже? Такие же славные ребята, так же любят футбол. Как быть?»

Письмо есть письмо, в нем обращаются с просьбой или за советом, делятся чем-то своим, сокровенным. И каждый ждет ответа. Но каждому ответить невозможно: слишком много времени потребуется. Если я сяду за письменный стол и напишу всем своим корреспондентам серьезные и обстоятельные письма, а не просто «Благодарю за внимание»,

Константин Иванович Бесков, наш тренер, отчислит меня из «Спартака» за прогулы или опоздания. (Тренируемся мы ежедневно утром и вечером, только в день игры одна тренировка.) А из института физкультуры, где я учусь на третьем курсе, меня отчислят за неуспеваемость... Потому я так обрадовался предложению выступить в клубе «Вратарь».

нов из Калуги спрашивает, чем мне помогает сейчас, в большом футболе, футбол моего детства. Игорь прав, все начинается в детстве. А спорт — тем более. Если мальчишка не сидит на месте (к урокам, конечно, это не относится!), любит движение, скорость, всякие там салочки, прятки и чехарду, он обязательно встретится в жизни со спортом.

Рос я на приволье, в городе Астрахани на Волге. Много простора, много воды. И все свободное время мы, мальчишки, азартно носились, играли во все игры, какие только знали, много плавали. Мы забавлялись, а на самом деле вот так, играючи, развивали выносливость, скоростные качества, ловкость и смелость.

Футбольный мяч, конечно,

Вот теперь — о моем детстве и о том, как я стал вратарем

Почти в каждом письме вопрос: «Как вы стали футболистом? Вратарем?» Игорь Ива-

всегда был на первом месте, и не было дня, чтобы взрослые, уже в сумерках отбирая мяч, не загоняли нас домой. Мои родители, к счастью, уважительно относились к спорту, только следили, чтобы игры не мешали учебе. Когда мне исполнилось 12 лет, отец повел меня в группу подготовки нашей команды мастеров «Волгарь». Приняли! Потому что как-то незаметно для себя я получил разностороннюю физическую подготовку. Дворовый футбол научил меня неплохо обращаться с мячом, занимался я и плаванием, в школе играл в волейбол и баскетбол — все это мне помогло.

А в футбол, между прочим, играл в нападении. Какой же мальчишка не любит забивать голы?! Лишь потом я понял: не они самое главное в футболе, а то, что эта многообразная и мудрая игра сродни шахматам. Удивляетесь, как так? Футбол — самая что ни на есть коллективная игра и — шахматы? Представьте себе: одиннадцать футболистов должны решать сложные коллективные задачи, чтобы добиться победы над другими одиннадцатью. Если они не будут в игре думать, кого они будут напоминать, а? Лебедя, рака и щуку из басни Крылова! И это будет не футбол, а бессмысленная беготня.

Саша Бокк в одном из писем пишет, что он тоже часто играет не в воротах, а в нападении. Некоторые осуждают такую разбросанность, а я считаю, что вратарю очень полезно побывать в роли полевого игрока. Это учит понимать игру, предугадывать решения и ходы партнеров и соперников. Так что ничего зазорного, думаю, в этом нет. Важно только оценить свои возможности и, когда убедишься, что это и есть твое призвание — защищать ворота, посвятить себя этому. Вот, например, Вася Замчалов из села Лопуховка Волгоградской области пишет: «Мне нравится выручать команду в трудные моменты игры...» Правильно, вратарский пост самый ответственный, последний рубеж, а ошибку вратаря уже не исправит никто. И Васе нравится именно эта сложность нашего дела и его ответственность. Чувствуется, что у него есть цель — стать вратарем не ради красивой формы, а чтобы выручать... Это уже благородная цель.

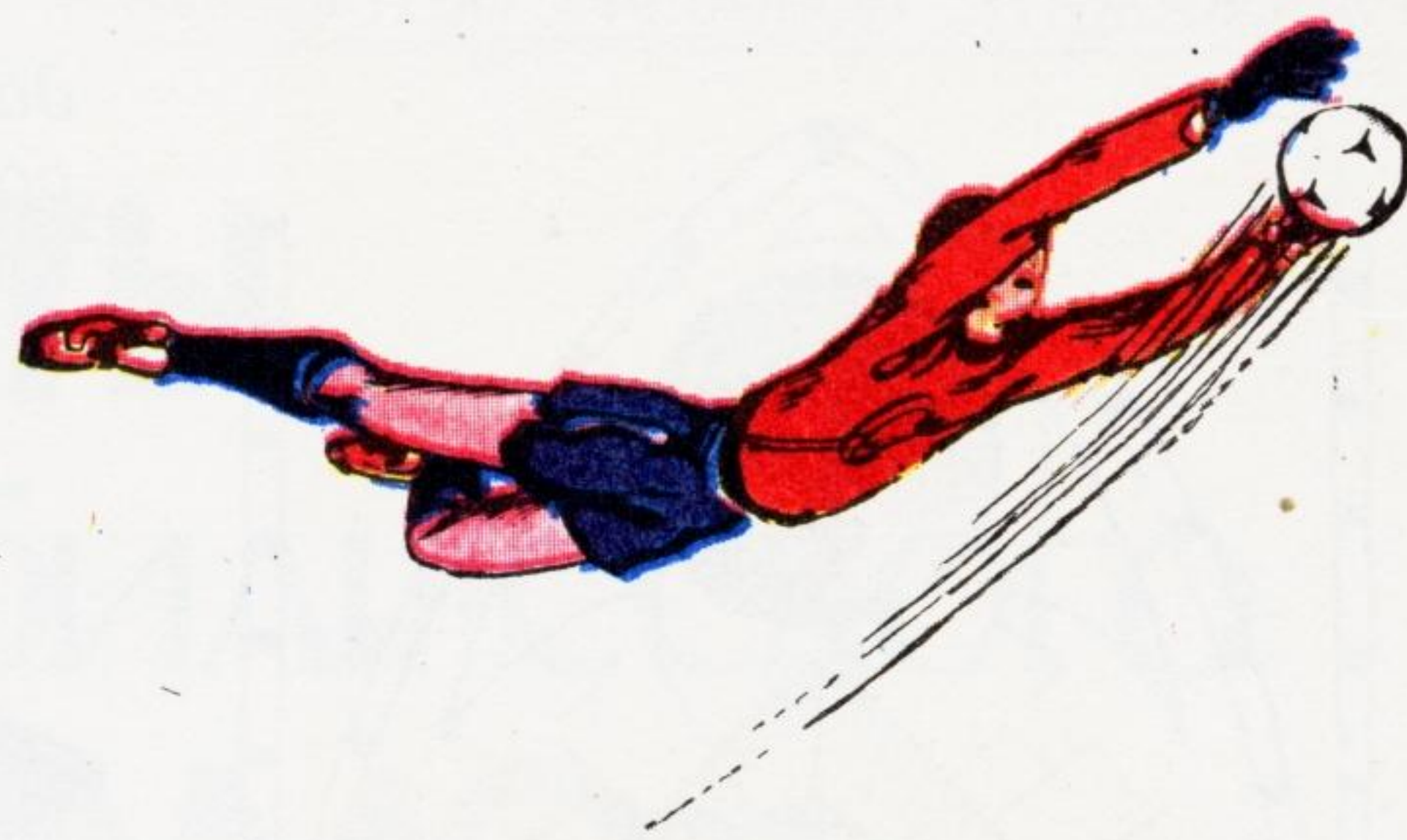
Ну, а как я стал вратарем? Можно сказать, случайно. Заболел, не пришел на тренировку наш вратарь. Все мялись, никто не хотел становиться в ворота. А мне не терпелось коснуться ногой мяча. «Давайте попробую, — говорю. — Только через полчаса смените кто-нибудь...» Прошел час, а наш тренер что-то не торопится, да я и сам обо всем забыл. Почувствовал, наверное, то же, что и Вася Замчалов: как это здорово — своим телом защищать назначенную тебе полосу земли... Не было у меня особых талантов. Просто я любил вратарский труд и старался как мог. Было тяжело, после тренировок ни рук, ни боков не чувствовал, только усталость и боль от ушибов. И еще я всегда помнил, для чего я здесь, в воротах, стою!

О тех, кто меня учил

Тренеры у меня были серьезные и вдумчивые. Сами они вратарями не были и особого вратарского искусства преподавать не могли. И тут я должен сказать вам, на мой взгляд, необычайно важное: надо уметь учиться самому с помощью... собственных глаз. Относится это, кстати, к любой профессии. Смотреть, запоминать, как бы фотографировать в памяти движения мастеров своего дела, а потом пытаться их повторить.

Первым большим вратарем, которого я увидел собственными глазами, был Анзор Кавазашвили. В Астрахань, где команды высшей лиги редкие гости, на товарищеский матч с «Волгарем» прилетел «Спартак». Во все глаза мои товарищи следили за игрой, а я на поле ни Крутикова, ни Логофета, ни Осянина, ни самого Хусинова не запомнил. Надо мной потом дружно смеялись: еще бы — даже счета, с которым закончился матч, я не знал. Зато все, что происходило около ворот Кавазашвили, будто наизусть выучил...

Вечером, когда я уже лег в постель, перед глазами словно вспыхнул экран, на который проецировались все эпизоды у спартаковских ворот. Я увидел и повторил все до единого движения и приемы спартаковского вратаря Анзора Кавазашвили. И навсегда запомнил все: как он принимает мяч на грудь,

как отбивает его кулаком, как выбирает момент для выхода из ворот, что делает при угловых и штрафных ударах, как бросается в ноги нападающему... Нечего и говорить — все приемы и движения Кавазашвили я потом повторял на тренировках бесчисленное число раз...

Уроки на дом

Саша Бокк в одном письме написал, как в игре повредил ногу, было больно, но ворота он не оставил.

Николай Тищенко в Мельбурне в решающем матче за золотые олимпийские медали остался на поле со сломанной ключицей и доиграл матч до победного конца. Сашин подвиг, конечно, скромнее, но с таких поступков начинается характер.

Иным кажется, что жизнь спортсмена — какая-то цепочка сплошных удовольствий. Отыграл, мол, матч — и гуляй, развлекайся, ни тебе забот, ни обязанностей... Что вы! И забот и обязанностей много. Первая — всегда надо быть в хорошей форме и, по возможности, в хорошем настроении. Как когда-то в школе, надо «учить уроки»: не век же стоять в воротах — надо думать о будущей жизни, кем в ней станешь.

Когда спас ворота от гола, матч сложился удачно, когда победили — лечу домой как на крыльях, сажусь за конспекты, готовлюсь к лекциям. Если случилась неудача — даже аппетит пропадает. И тогда я иду к друзьям или в кино, тогда слушаю музыку... Пройдет два-три часа, за которые прокрутишь в памяти всю неудавшуюся игру, отругаешь себя по первое число, друзьям поплачешься — и вот уже готов к следующей игре, к тренировкам и к конспектам тоже. Потому что раскисать нельзя — ни в спорте, ни в жизни.

Записал В. БЕРЕЗОВСКИЙ.

«Я много слышал о футбольных кубковых турнирах и даже смотрел некоторые матчи по телевизору. Но истории соревнований и правил совсем не знаю. Очень хочется знать, как выглядят эти знаменитые кубки...»
Альберт КУРБАНОВ, г. Уфа.

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ 4 ФУТБОЛЬНЫЙ ЕВРОПЫ

Футбол — как задачка с неожиданным решением. А неожиданное всегда интересно. Может быть, поэтому и стала эта игра самым популярным в мире видом спорта: Международная футбольная ассоциация объединяет сейчас спортсменов ста сорока шести стран.

Кто и когда придумал футбол, неизвестно. Играли в него еще жители Древнего Египта. В Европе эта игра появилась в средние века, играли в нее все по-разному, пока в 1872 году англичане не разработали единые правила для всех. С тех пор Англию считают родиной современного футбола, который по-прежнему поражает своей неожиданностью.

В футболе почти невозможно сделать точный прогноз: угадать, с каким счетом кончится матч, кто станет героем встречи. Болельщиков, судей, тренеров, самих игроков всегда ждет сюрприз. Но больше всего неожиданностей приносят Кубок европейских чемпионов, Кубок УЕФА и Кубок обладателей кубков — турниры, в которых принимают участие клубные команды. Матчи всех турниров проводятся одновременно в разных городах в определенный день — в среду. Поэтому и название — «Большой футбольный день Европы». Начинаются соревнования осенью, и только в конце мая наступают каникулы.

Чтобы стать обладателем Кубка, надо пройти весь турнир без поражений. Как только проиграл встречу — выбываешь из борьбы. Каждая встреча участников состоит из двух матчей: один проходит на «своем» поле, а второй — на поле соперников.

КУБОК ЕВРОПЕЙСКИХ ЧЕМПИОНОВ проводился уже двадцать шесть раз. Победителями были футболисты Португалии, Италии, Шотландии, Англии... Больше всех везло испанским футболистам. Они стали призерами первого турнира в 1956 году, и еще пять раз команда клуба «Реал» увозила с собой Кубок чемпионов. Советским футболистам стать призерами этого турнира пока не удалось. Зато дважды в нашей стране побывал другой кубок.

Первый турнир **КУБКА ОБЛАДАТЕЛЕЙ КУБКОВ** состоялся в 1960 году. Тогда в нем участвовали десять команд. Через год — уже двадцать две, а теперь все члены Европейского союза футбольных ассоциаций — тридцать две команды — ведут борьбу за этот кубок.

Победить на турнире очень трудно, потому что поединки проходят между сильнейшими в своих странах командами. В 1975 году Кубок СССР принадлежал футболистам киевского «Динамо». Они-то и сумели добиться победы на европейском турнире. Да еще какой! Вернулись на Родину сразу с двумя наградами — Кубком кубков и Суперкубком — одной из самых почетных футбольных наград.

Когда завершены турниры на Кубок европейских чемпионов и Кубок обладателей кубков, их победители проводят между собой встречу, которая и решает: какая команда в Европе лучшая.

Самый интересный и сложный из кубковых турниров, наверное, **КУБОК УЕФА**: борьбу ведут «почти чемпионы» — команды, которые в чемпионатах своих стран заняли второе, третье и четвертое места. Поэтому встречи Кубка УЕФА проходят особенно остро — каждый из участников старается доказать, что и он может быть чемпионом.

Игрок английского клуба «Ливерпуль» Филл Томсон ликует: у него в руках почетный приз — Кубок европейских чемпионов.

Капитан английского клуба «Ипсвич» Мак Миллс с Кубком УЕФА.

Обладатели Кубка кубков — динамовцы Тбилиси на родном стадионе.

СЕКРЕТЫ ТБИЛИССКОГО «ДИНАМО»

Любители футбола довольны: в прошлом году наконец-то сказал свое слово наш футбол. Очень долго болельщики этого ждали — уже двенадцать лет сборная СССР не принимала участия в финальных соревнованиях на первенство мира.

Боевой тон всему сезону задали футболисты тбилисского «Динамо». Они завоевали Кубок обладателей кубков. И дело даже не в их замечательной победе, а в той игре, которую они показали, — игре яркой, интересной, которая никого не могла оставить равнодушным.

Почему именно тбилиское «Динамо» смогло добиться такого успеха?

Грузия дала нашему футболу множество великолепных мастеров — всех не перечесать! Если говорить о команде сегодняшнего дня, то стоит назвать имя Давида Кипиани. Теперь его знают во всем мире. Давид не только обладает необыкновенной техникой, но и неумейной фантазией: его «ходы» на футбольном поле настолько интересны и неожиданны, что потом о них долго вспоминают. А против ударов Кипиани трудно устоять даже очень умелому вратарю...

И все-таки главный бомбардир тбилисского «Динамо» — Шенгелия. Его талант забивать мячи в ворота противника поражает многих. Можно подумать, что этот футболист всегда «нацелен» на гол, всегда готов ударить по мячу, в какой бы стороне поля, в какой бы ситуации он ни находился.

Есть в команде тбилисского «Динамо» и другие игроки, например, капитан клубной команды и сборной команды СССР Александр Чивадзе. Это игрок высокого международного класса. Он надежен в оборо-

не, уверенно руководит всей командой, чувствует ход игры. Когда надо, он быстро перевоплощается в нападающего и нередко приносит команде заветные голы.

Согласитесь, когда каждый в команде умеет быть и нападающим, когда игроки в команде способны в любую минуту заменить друг друга, можно рассчитывать не только на бронзовую награду...

Есть у тбилисцев еще один секрет: основной и дублирующий составы тренируются вместе. Значит, есть возможность «сыгратся» как следует, присмотреться к умению опытных мастеров, выработать свой, командный стиль игры.

Наверное, поэтому на соревнованиях, в которых принимает участие второй состав тбилисского «Динамо», болельщиков собирается очень много — до пятнадцати тысяч. Что это значит? Значит, что в команду верят, надеются на нее.

Вот почему я думаю, что после чемпионата мира мы еще не раз услышим о замечательной игре грузинских футболистов — она, как всегда, будет полна импровизации, красоты и блеска.

И даже если будут на их пути неудачи, поражения — а они наверняка будут, в спорте иначе невозможно, — секреты тбилисских динамовцев всегда им помогут вновь добиться победы.

Рисунки
Д. БАРАБАША.

Фотографии
И. ЛИЛЕЕВА.

Наталия ЮРКОВА

Я с ним дружу

Мчит меня он за ветрами вслед,
Мой приятель — велосипед.
Мне с утра вместе с ним веселей
Встретить солнце в просторах полей.
Пролететь под шуршащей листвой...
Пусть мне скажут:
— Да он не живой —
Только рама, колеса и цепь...
Он не знает,
Где роща, где степь,
И ему все равно, где катиться.
Но смеются, поют его спицы —
То свернет он, как будто бы сам,
На тропу,
Что ведет по лесам.
То помчится туда,

где река.

Не сомнет ни куста, ни цветка.
Не раздавит улитки, жука...
Тормозит у коряги и пня.
Разогнавшись, догонит коня!
Он весь день неразлучен со мной
И как только вернемся домой —
Руль, и цепь, и колеса я смажу,
Раму вытру,
Седло я поглажу...
Аккуратно он встанет к стене
И мечтает о завтрашнем дне.

Дома — очень хорошо!

Где-то кактусовый лес
Вырастает до небес.
Спит в болоте бегемот.
Крокодил в реке живет.
Антилопы, тигры, львы
Бродят в зарослях травы.
Пальмы — веером листы —
Гордо смотрят с высоты.
Созревает ананас...
Чудеса!

А что у нас?
Белые грибы пошли.
Да ромашки расцвели.
Я с околицы села
В лес березовый зашла.
Меж березок — синева.
В солнечных лучах листва
Голосами птиц поет.
Вот, прорыв
Подземный ход,
На тропинку вышел крот.
Белка смотрит из дупла.
Возле солнца
Тучка шла —
Дождик хлынул.
И прошел.
Ах, как дома хорошо!

Сурок

Любознательный сурок
Нас встречает у дорог:
Кто проехал?
Кто — пешком
Налегке и с рюкзаком?
Свистнет звонко,
Как в свисток:
— Посмотрите!
Я сурок!
Мирный маленький зверек.
Мне и страшно...
Я бы мог
Припуститься наутек,
Спрятаться в норе-сурчине.
Не бегу
По той причине,
Что и под землей
Я скрыться
Не могу
От любопытства.

Песенка в дорогу

Мы не просим у пространства
Тишины и постоянства.
Пусть грохочет в небе гром,
Все равно в поход пойдем.
По тропе за новизной
Отправляемся весной.
Уходить в поход с рассветом
Любим добрым звонким летом.
Мы хотим жары и снега,
На вершинах гор — ночлега,
Чтобы первыми на свете
Встретить солнце на рассвете.
В путь берем во время странствий
Нашей дружбы постоянство —
И тогда нам нипочем
Буря, и гроза, и шторм.

Тамара ЛАРИОНОВА

Слётки

Он слетел с гнезда родного
Прямо в солнечный июнь,
Этот птенчик, этот слётки...
Помоги же, ветер, дуни!
Подними на слабых крыльях,
Поддержи его полет,
Этот птенчик, этот слётки
В первый раз себя несет!

Алла СУРОВА

Вратарь

Не сидится дома мне что-то,—
На футболе ребята кричат.
Думаете, у них —
ворота?

Просто
Два кирпича.

Я пойду, не взгляну даже,
Подумаешь счастье — футбол!
Вот Витька, чего он мажет?
Эх, а я бы забила гол!..

Рыжий мячик в корявых заплатах —
Мы любую кожу протрем!
В первый раз сегодня ребята
Мне доверили быть вратарем!

Алексей КОНДРАТЬЕВ

Прогулка

Как отлично выходит:
В этот день выходной
На речном теплоходе
Мы поедем с тобой!

Берега недалеко,
Неширока река;
Но высоко-высоко
Над рекой облака.

И заполнив округу,
Приподняв небеса,
Тянут ветви друг к другу —
Через реку — леса.

А река не таится
Меж лесов и лугов;
И веселые птицы
Нам свистят с берегов.

Там — и слева и справа —
То поля, то лесок;
И прохладные травы
И горячий песок.

Но пора возвращаться,—
Потемнела вода...

Мы не будем прощаться,
Мы вернемся сюда.

Марк ВЕЙЦМАН

Поражение

Мы были очень гордыми.
Прошло лишь два часа —
идем, понунив головы
и опустив глаза.

Мы были очень смелыми
до некоторых пор.
И что же с нами сделали?
Позор, позор, позор!

Так примем поражение
без мелочных обид,
под пеплом унижения
костер надежды скрыт.

Две-три слезинки капнули,
не погасив его.
Еще мы выйдем на поле!
Посмотрим: кто — кого!

Владимир КРЕМНЕВ

Пастух

Я по должности пастух,
Должность мне по нраву.
Я пасу коров-пеструх,
Щедрых и лукавых.

Их не трогаю кнутом —
Направляю словом,
Человечьим языком:
Вреден кнут коровам.

И буренушки меня,
Видно, тоже любят,
Раз не топчут зелены
И покос не губят.

Пусть работа не легка.
Пастуху награда
Белы реки молока,
Дар бесценный стада!

Пока этот маленький беззащитный росток превратится в большое дерево, пройдет не один год — так хочется уберечь его от всяких невзгод.

Серый журавль попал в беду.
Как не помочь?!

Здравствуй,

Мама принесла путевку в пионерский лагерь. Ты смотришь на нее и, признайся, чуточку волнуешься: приедут ли те, с кем подружился прошлым летом? И кто станет твоим новым другом?

Сегодня мы расскажем о пионерском лете в «Надежде» — лагере пионерских активистов Куйбышевского района Москвы.

Сегодня — ты, завтра — я

В пионерском лагере «Надежда» не было отрядов. Сто пятьдесят человек разделились на звенья. В каждом звене по десять — двенадцать ребят, все разного возраста. Так интереснее.

На общем сборе, который проходил ежедневно, решали наиболее важные вопросы. На том же сборе выбирали дежурное звено и командира.

И так каждый день. Сегодня ты — дежурный

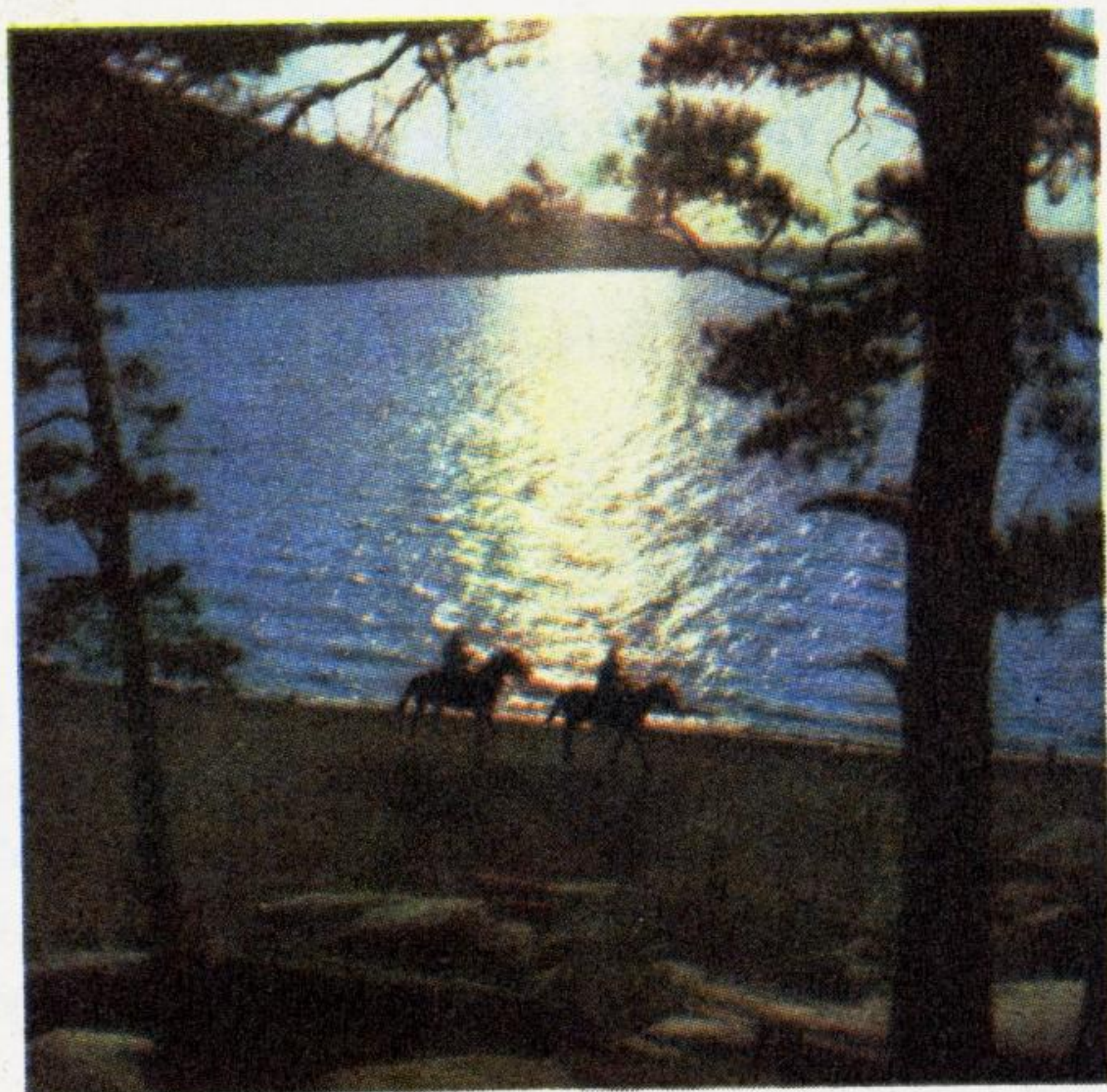
командир, и тебя слушается весь лагерь, завтра — другой.

Менялись каждый день звеньевые, флаговый, санитар. Одним словом, каждый из ребят к концу смены мог и барабанить, и первую медицинскую помощь оказать, и организовать вечер отдыха.

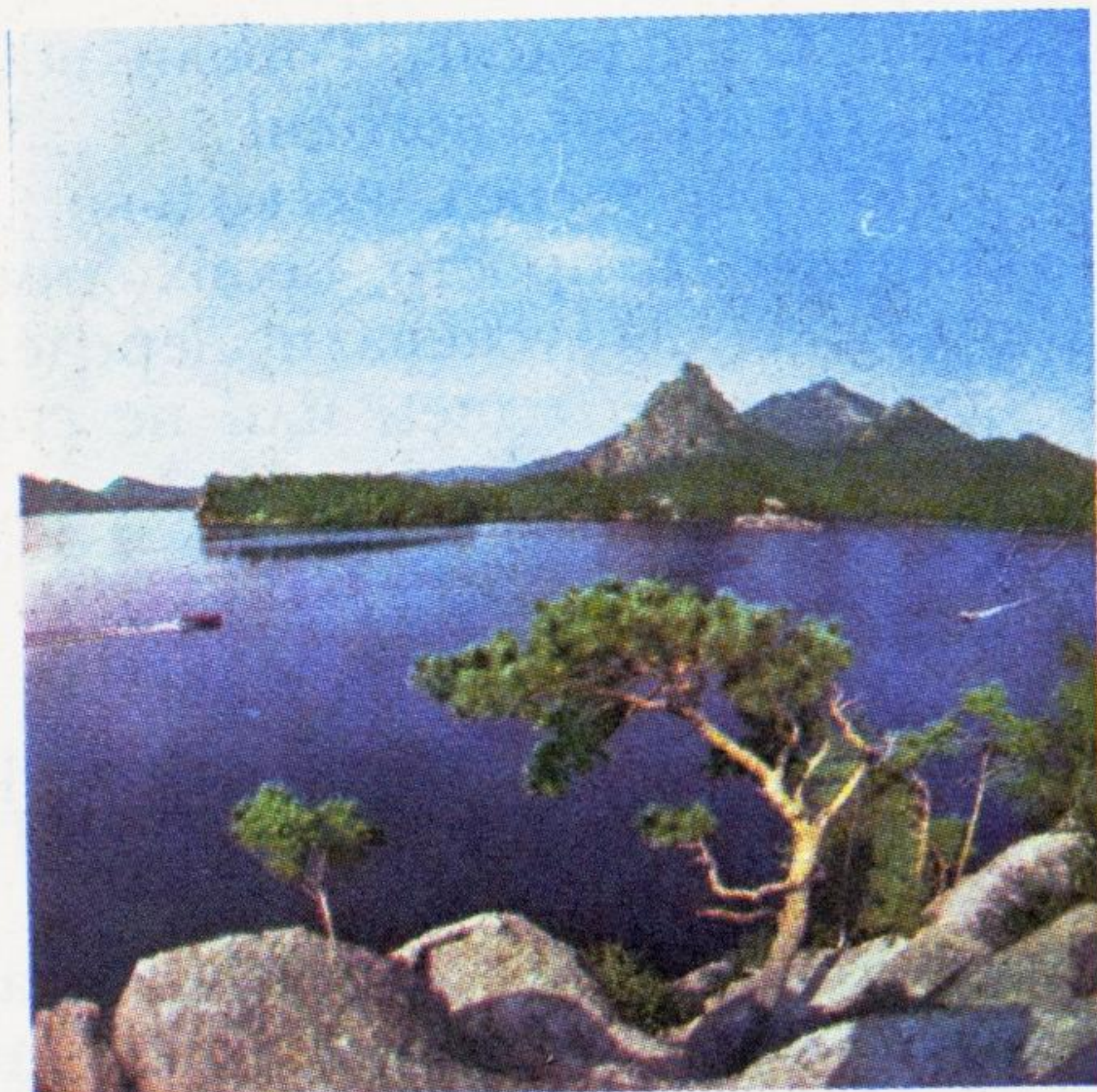
Ребята не просто отдыхали в лагере, но и думали о том, как другим людям помочь. И за короткую смену столько успевали переделать, столько веселого и интересного придумывали, что рассказывать об этом и рассказывать.

Памятник

Памятник героям Великой Отечественной войны стоял за деревней. Был он сбит из досок, давно не крашен. Легкие полевые цветы росли вокруг. Их раскачивал ветер. И было почему-то грустно-грустно у этого обветшавшего памятника.

Надо проверить: все ли в порядке в огромном лесном царстве. Чтобы ничем не нарушалась тишина, раскинувшаяся над озером Боровое чтобы красавцы олени и другие обитатели Боровского лесохозяйственного хозяйства чувствовали себя настоящими хозяевами.

лето пионерское!

Разведка донесла общему сбору — памятник в опасности! Весь пионерлагерь эта новость взволновала.

Решение было единым — памятник необходимо спасти.

И ребята спасли его. Подправили фундамент, прогнившие доски заменили новыми, покрасили. И снова звезда заалела на фоне зеленого леса. Помните, люди, о погибших на войне!

Дрова

...Было тихо, каждый шорох слышен: вот ветка хрустнула, вот хлопотнул во сне петух в чьем-то сарае, громко шурша листьями и ветками, свалилось в соседнем саду яблоко.

Сначала ребята послали в разведку троих самых зорких, самых осторожных. Те вернулись вскоре, сообщили: чурбаки свалены во дворе, в доме — спят, на улице — никого.

И тогда под холодными звездами, под сереб-

ряным месяцем через всю деревню до околицы бесшумно выстроилась цепочка ребят. Из рук в руки летели чурбаки. Туда-сюда, туда-сюда. А за околицей их быстро и споро рубили. И вот уже по цепочке летят обратно во двор не чурбаки, а дрова...

Когда все почти было закончено, из окна выглянула сонная хозяйка. Улыбнулась и сказала: «Спасибо, ребятки».

Потом ребята долго смеялись — не удалось сохранить тайну, хозяйка оказалась чуткая. Но чаще удавалось. И по утрам деревенские бабушки удивленно, обрадованно охали: у забора кем-то аккуратно сложена веселая, ладненькая поленница!

Тихий час

В начале лагерной смены всегда вставал больной вопрос: быть или не быть тихому часу? И все кричали на общем сборе: «Никакого тихого

часа! Обойдемся!» Горели воинственно глаза: у-у, тихий час, погоди!

Но уже через несколько дней тихий час становился просто необходим. Так уставали, столько дел успевали переделать, что не до споров: спать днем или не спать. Спали все.

Цирк

По деревне ходили разговоры: «Цирк едет. Заграничный. Слышали? Нет? Пойдите, посмотрите, что написано».

В чистом поле развевался плакат: «Внимание! Внимание! Сегодня в вашей деревне проездом из Парижа будет выступать цирк шапито!»

Зрителей пришло видимо-невидимо. Где ж артисты? И вдруг — приехали ребята из лагеря «Надежда»...

Веселье получилось настоящее. Выступали клоуны и акробаты, гигантская змея — несколько ребят накрылись зеленой тканью, и «голова» старалась поймать «хвост», — и даже дрессированные коровы, которых изображали тоже ребята.

Никто из зрителей не пожалел, что, оставив все дела, пришел смотреть представление.

А потом... Потом цирк уехал. Но деревенские малыши еще долго играли в представление.

Петух и курица

Смена в пионерлагере «Надежда» короткая. Всего двадцать дней. Зооуголок устроить в лагере трудно. Но в последний раз жили в пионерском лагере петух и курица. Кто-то из ребят привез двух долговязых цыплят, а они в две недели взяли и выросли. Петух даже кукарекать научился. Да как звонко!

У ребят сохранилась фотография — лагерные любимцы крупным планом. Оба белоснежные, важные. У петуха гребень набок свисает.

Ребята, глядя на фотографию, смеются: «Всегда утром о себе напоминали. Есть хотели. И заодно нас будили!»

Трудовой десант

Не было такого дня в пионерлагере, чтобы ребята без дела сидели. Каждый час расписан по минутам.

Особенно любили мальчишки и девчонки трудовой десант. То уголь в котельной разгребали, то новое жилое здание для совхоза строили.

Однажды перебирали в совхозном саду смородину и вишню. Коварное, правда, занятие: как бы весь урожай не съесть. Такие ягоды сочные, вкусные! Но крепились и работали на совесть.

Руки от сладкого сока стали черными, носы облупились на солнце. В конце трудового дня уставали, конечно, здорово. Но помогли совхозу. А заработанные деньги в Фонд мира перечислили.

За лето ребята поздоровели, возмужали. Работа на воздухе — дело полезное.

Лесная сказка

Лес разомлел на солнце. Слабо шумели деревья, и тоненько пела птица где-то высоко-высоко в ветвях.

— Жили-были сестрица Аленушка и братец Иванушка. Пошла как-то Аленушка в лес по ягоды. Баба-Яга ее увидела, схватила да в лес уволокла, на болото. Сидит теперь Аленушка на болоте, слезы льет. Пойдем, ребята, Аленушку выручать?

— Пойдем! — отвечает дружный хор голосов.

Встретили малыши на своем пути всяких лесных чудищ. И кикимор зеленых, и лешего, и даже с самим Кощею Бессмертным столкнулись. А когда наконец-то в руки им попала Баба-Яга...

— Отдавай, злодейка, Аленушку!

По-настоящему верили малыши в лесную сказку, плакали, сражались со злыми сказочными героями. А сказку эту подготовили ребята из лагеря. В кикимор и Кощея нарядились, попрыгали на опушках и полянах...

Добро всегда побеждает зло. Счастливые малыши вели из леса Аленушку, и их слезы быстро высыхали на солнышке.

Костер всех сближает

А лето, как румяное яблоко, катится и катится куда-то. Вот-вот совсем с глаз исчезнет. Скоро уже надо будет уезжать из лагеря, прощаться с новыми друзьями.

И однажды в конце смены наступил такой вечер, когда все звенья собрались вокруг костра. Откровенный разговор получился. Назвали его ребята «Расскажи мне обо мне».

...Трещит костер, языки пламени рвутся вверх. А вокруг стоит густой синий вечер. Откуда-то из глубин близкого леса веет холодом, осенью. А ребята говорят начистоту о том, что за прошедшую смену было хорошо, что плохо, чей поступок понравился, а чей и не очень.

И у костра никто ни на кого не обижается. Костер всех сближает.

Завтра — домой. А пока — конец смены. Значит, пора подводить итоги. Не только общих дел, но и поступков каждого.

Записали И. АНДРИАНОВА
и А. ВОРОБЬЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ: Вот как отдыхали ребята из лагеря пионерского актива «Надежда». Не о всех, конечно, делах мы тебе рассказали. Это, наверное, невозможно... А как ты и твои товарищи отдыхаете в пионерском лагере? Какие дела на вашем счету? Ждем писем!

Фотографии Б. ЗАДВИЛЯ.

ТрОиСшЕСтВия из ШУТЕшЕСтВия

НЕВЕРОЯТНАЯ ПОВЕСТЬ О ВЕРОЯТНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ

Продолжение. Начало в №№ 4, 5.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Из чего варят кашу

Накануне заночевали у озера.

Утром ребята медленно обувались, ежась со сна.

Шурик сидел на корточках возле вчерашнего костра, пытаюсь разыскать тлеющие угли. Ничего из этой затеи не получалось.

— Алексей Палыч, давайте вашу пушку.

Хотя история с пропавшими спичками по-прежнему не нравилась Алексею Палычу, она имела и хорошую сторону: конструктор «пушки» оказался бесполезным человеком. Вот только Борис не принес еще ощутимой пользы. Он это и сам понимал. Дежурить сегодня была не его очередь, но он сходил за водой, за ветками и только потом пошел умываться к озеру. От того, что у него не было ни мыла, ни зубной щетки, он ничуть не страдал.

Лжедмитриевна уходила с берега последней. Возле Бориса она задержалась.

— Как ты себя чувствуешь?

— А что?

— Вчера тебе было плохо...

— А сегодня хорошо,— буркнул Борис.

— Боря, не надо на меня злиться,— сказала Лжедмитриевна.— Вы сами захотели пойти с нами.

— А я вот возьму и скажу ребятам, кто ты такая.

Лжедмитриевна не испугалась.

— Не стоит. Себе же хуже сделаешь. Я ведь никому не говорю, что ты вчера притворялся.

— А ты докажи! — вскинулся Борис.

— Мне достаточно того, что ты сам это знаешь. У ВАС так быстро не выздоравливают.

— А у ВАС? — спросил Борис, не зная, чем бы еще кольнуть Лжедмитриевну.

— У нас вообще не болят,— спокойно сказала Лжедмитриевна.

— Тогда зачем же ты сюда прилетела?

— Я не узнаю тебя, Боря. Откуда в тебе столько недружелюбия? Раньше ты был другим...

Борис понял, что речь идет о мальчишке.

— Он человек, а ты — машина.

— Даю тебе честное слово, что я не машина.

Лжедмитриевна подняла с берега острый камушек и провела им по предплечью. Показалась кровь.

— Тебе не больно,— заявил Борис.

— Больно. И прошу тебя, не разговаривай со мной таким тоном. Ничего изменить сейчас не можем ни ты, ни я. И называй меня, пожалуйста, на «вы». Иначе ребята не поймут, а объяснить ты не сумеешь. Не сумеешь ни сейчас, ни потом. Это и тебе самому ясно.

Да, это было ясно. Так же, как и то, что никакая она не машина. Просто для Бориса было удобней так думать: с машиной можно не церемониться, можно испортить ее, разломать. С живым человеком такого не сделаешь, а если сделаешь, то это уже называется не «разломать», а совсем по-другому.

Пока Борис размышлял на тему о неуязвимости Лжедмитриевны, на берег спустилась Мартышка. Что-то, видно, притягивало ее к Борису. Возможно, строптивость этого парня. Вроде того, как иногда хочется погладить дикое животное: не потому, что самому очень хочется, а потому, что животному этого не хочется.

— Боря, иди завтракать.

— Успею.

— Я жду.

Она ждет! Не они, а персонально она. А кто она такая? Замаскированная под человека змея, как все девчонки. Почему она ждет его? Кто он для нее такой? Никто. Тогда при чем тут «жду»?

В мозгу Бориса решалась сейчас несложная задача. Решалась она по двоичному коду:

ноль — единица, да — нет, грубить — воздержаться.

Как бы наглубить так, чтобы не наглубить?

Все это проигралось в голове Бориса в не вполне четком виде, но проигралось неумолимо, ибо, сам того не сознавая, он уже вступил в тот период, когда девочку можно не любить, потому что она тебе нравится.

— Сейчас, — сказал Борис.

С таким же успехом он мог бы сказать «сдаюсь». Мартышке это было ясно как дважды два.

Раздача каши уже состоялась. Сегодня была перловая. На сей раз котелок достался «спасателям». Пар у перловки был такой же вкусный, как и у гречки. Об этом совершенно откровенно заявил Веник. Он обходил ребят, присаживаясь около каждого и гипнотизировал, глядя в рот. Просто совестно было проглотить кусок, не поделившись. При этом Веник ничего не просил и даже иногда отводил в сторону взгляд, притворяясь, что его интересует не пища, а сам процесс еды. Очень уж забавными казались ему хозяева, как они жуют-пережевывают, когда можно просто глотать.

— А из чего делают перловку? — спросил Шурик, у которого, как заметил Алексей Палыч, все, что относилось к еде, вызывало удвоенный интерес.

Неожиданный вопрос застал группу врасплох. Многие знали ребята — о космической технике, о ядерных реакторах, о сверхзвуковых самолетах, некоторые могли объяснить разницу между лазером и разером. Гена знал даже кое-что о синхрофазотроне, но на крупе все споткнулись.

Раз никто не знает, значит, не так это важно. Было бы съедобно.

— Что будем делать, Елена Дмитрина? — спросил Стасик.

— Надо как-то переправляться.

— Просто так не переплыть. Только на плотах. А плоты мы не проходили.

— Мы тоже, — сказала Лжедмитриевна.

— Сообразим как-нибудь. Вот только гвоздей у нас нет.

— Плоты на гвоздях не делают, — сказал Гена.

— На один раз можно и на гвоздях.

— Все равно же их нет.

Борис в разговор не вмешивался. Он молча собрал посуду, ложки и отправился мыть. Роль кухонного мужика ему не нравилась, но надо было как-то отрабатывать казенный хлеб.

— Алексей Палыч, — сказал Стасик, — вы же физик. Давайте идею.

— Я тоже никогда не строил плотов. Я могу попытаться... теоретически.

— Пускай теоретически.

Теоретическую поэму о плоте и его конструкции не выслушал лишь один человек — Чижик. На середине речи он встал и удалился в лес. Там он что-то разыскивал,

хрустя сучьями. На него не обращали внимания, поскольку знали, что Чижик зря ничего не делает. Так оно и вышло. Чижик вернулся с пучком гладких веточек и принялся раскладывать их на земле. Он выложил плотный заборчик из веток потолще, обломал концы там, где они выступали, — получился прямоугольник, похожий на плот: Поперек прямоугольника легли три ветки потоньше. Тыкая пальцем в места, где поперечные ветки пересекались с продольными, он произнес:

— В-веревка, в-веревка, в-веревка... Ясно?

— С-совершенно в-верно, — сказал Алексей Палыч и похолодел от испуга. Сказал он так машинально, без всякого желания передразнивать Чижика. Это получилось как раз оттого, что он слушал очень внимательно и невольно повторил интонацию парнишки.

Чижик по-взрослому хмуро взглянул на него.

— Прости, пожалуйста! — горячо произнес Алексей Палыч. — Это вышло абсолютно случайно! Прошу мне поверить!

Лицо Чижика слегка разгладилось.

— Я з-знаю, — сказал он, — это б-бывает.

Чижик подобрал топорик и пошел в лес. Вскоре оттуда донеслись звуки ударов по дереву.

— Я ненарочно... — еще раз попытался оправдаться Алексей Палыч, обращаясь к ребятам.

— Да мы понимаем, — сказал Стасик. — У нас в классе, когда он урок отвечает, даже учителя иногда начинают заикаться. Шурик, иди помоги Чижик. Сколько у нас еще топоров? Два? Гена, пойдешь со мной. А ты можешь? — Вопрос был обращен к вернувшемуся Борису.

— У вас какое в городе отопление? — спросил Борис.

— Батареи. А что?

— А у нас печное. За зиму восемь кубометров уходит.

— Ну и что?

— Дровами я занимаюсь.

— Молодец, — сказал Стасик. — Будешь у нас главным по дровам. Держи топор.

— Боря, я с тобой, — сказал Алексей Палыч. Уже уходя, Борис услышал очередное распоряжение Стасика:

— Марина, разберешь все веревки, какие есть.

Не понимая, откуда вдруг появилась какая-то Марина, Борис оглянулся.

— Ладно, — сказала Мартышка, — будет сделано, господин генерал.

У затухающего костра остались только Лжедмитриевна и Валентина.

Алексей Палыч и Борис медленно брели по лесу, выискивая подходящее дерево.

— Она догадалась, что я притворялся, — сказал Борис.

— Как же она реагировала?

— Никак. Сказала, что раньше я был вроде лучше. А я сказал, что расскажу про нее.

— Ну и что?

— Ноль внимания. Все доказывала мне, что она живая — специально руку расцарапала. Кровь пошла...

— В этом я уже не сомневаюсь, — сказал Алексей Палыч. — Сначала меня удивляла ее пассивность...

— А ребята как будто ничего не замечают. Неужели другая была такая же?

— А они не имеют возможности сравнивать. Я сегодня выяснил у Гены: другая занималась с ними подготовкой, но в поход не ходила. Может быть, они думают, что в походе руководитель должен вести себя именно так. И знаешь, что мне пришло в голову, — она вовсе не выглядит плохим руководителем.

— Это почему?

— Мы с тобой знаем ее историю, и потому нам все кажется подозрительным. А что увидел бы посторонний? А вот что: группа движется вперед, все идет нормально, без особых приключений. Руководитель не старается все сделать сам, не отдает пустяковых распоряжений. Ведь у хорошего руководителя подчиненные сами знают, что делать, ими не нужно без конца командовать. Но так все в точности и у нас. Ты подумай об этом.

— Да вроде бы так, — согласился Борис. — Но я никак не могу забыть, что она ОТТУДА.

— В этом все и дело, — сказал Алексей Па-

лыч. — Все идет нормально, если не считать того, что поход возглавляет инопланетянка и мы не знаем, что она собирается выкинуть.

Подходящее дерево найти оказалось не так просто. Нужно было сухое, не слишком тонкое, не слишком толстое, чтобы можно его было срубить маленьким туристским топориком.

Сухая сосна сопротивлялась и после смерти. От удара на Алексея Палыча обрушился дождь из сухой хвои, мелких веточек и даже каких-то букашек. Все, что не уместилось на голове, попало за шиворот и начало царапать шею и спину. Алексей Палыч ударил еще несколько раз, выпрямился и передернул плечами.

— Дайте мне, — сказал Борис. — Вы потом сучья обрубите.

Это не так просто: свалить сухое дерево толщиной в тридцать сантиметров, да еще тупым топориком. Раз за четыре сменялись Борис и Алексей Палыч, пока на стволе не образовалось утоньшение, нечто вроде бобрового погрыза. Сосна начала легонько потрескивать.

— Ни одно дерево не может стоять абсолютно вертикально, — заявил Алексей Па-

— А из чего делают перловку? — спросил Шурик, у которого все, что относилось к еде, вызывало удвоенный интерес.

лыч.—Давай посмотрим, в какую сторону его валить.

Он отошел немного в сторону и, прищурившись, начал прикидывать.

— Вон туда. А ты отойди в сторону, чтобы не зацепило.

— Да я быстрее вас отскочу.

— Не спорь. Главное не поспешность, а точный расчет. Подержи очки.

Алексей Палыч отошел на несколько шагов, слегка разбежался, вытянул руки вперед и ринулся в атаку. Почему-то в дерево он не уперся. Ладони его скользнули мимо ствола; наклонившись с протянутыми вперед руками, он пробежал несколько шагов и грохнулся. Любимый ученик смотрел на все это и кашлял от смеха.

— Что смешного? — лежа спросил Алексей Палыч: была у него такая способность — много говорить в критических положениях.

— А вы бы не смеялись?

— Я бы — нет, — поднимаясь и отряхиваясь, сказал Алексей Палыч. — Его нужно не толкать, а раскачивать. Просто я хотел, чтобы первый толчок был сильнее. Дай очки.

Все же сосна наконец покорилась. Она улеглась на землю. Борис принялся обрубать сучья.

Очистив от сучьев и коры, сосну разрубили на две части. Переноса на берег первую часть, Алексей Палыч продолжил разрушение пиджака: клин из плеча выдрался еще больше, и его пришлось отрезать. Теперь на правом плече образовалось нечто вроде погона.

Возвращаясь за второй частью, они прошли мимо стоянки. Там над разбросанными прямо на земле банками, пачками, пакетами с продуктами в задумчивости стояла Валентина. Веник был уже здесь и, хотя еще издали узнал дровосеков, тявкнул на них, чтобы они не подумали, что все это продуктивное богатство находится без охраны.

Алексей Палыч услышал, как Валентина спрашивала Лжедмитриевну:

— А как все это распределять?

— Смотри сама.

— Я разложу по разным рюкзакам.

— Делай, как считаешь нужным.

«Лжедмитриевна в своем репертуаре», — подумал Алексей Палыч.

Он теперь не сомневался в том, что Лжедмитриевна не робот. И все же чем-то была она похожа на говорящую куклу: даже в беседах с ним, казалось, была она чем-то ограничена, словно затвердила урок — сколько-то там параграфов, но не более.

Когда каждая пара лесорубов принесла по две половинки, на берегу собрались все. Куски стволов стащили в воду и обвязали веревкой, пока на живую нитку, чтобы попробовать. На воде плот казался хлипким и несерьезным.

— Мало, — сказал Стасик.

Шурик и Гена разделись, легли поперек бревен. Плот выдержал, но почти полностью погрузился.

— Еще столько, — сказал Чижик.

Уже подмоченные Шурик и Гена решили заодно искупаться. Остальных тоже упрашивать не пришлось. Стасик, Чижик и Борис раздевались, Алексей Палыч пока раздумывал. Прибежавший на шум Веник наблюдал, но слишком близко не подходил: с этим местом у него были связаны кое-какие неприятности, а у собак хорошая память.

Шурик отплыл метров на двадцать от берега. Внезапно он замолотил руками по воде и скрылся.

— Тону! — Этот крик Алексей Палыч слышал совершенно отчетливо. Он похолодел и стал раздеваться.

— Вы тоже купаться, Алексей Палыч? — спросил Стасик.

— Плывите туда... я сейчас... — забормотал Алексей Палыч, борясь со своими брюками. — Он же тонет!

— Пускай тонет, — спокойно сказал Стасик.

Наконец Алексей Палыч справился с брюками, но кеды снимать было уже некогда. Так он и бросился в воду в кедах. В месте падения тощего учительского тела всколыхнулась волна, и из этой волны возник Шурик. Он вдохнул воздух и захохотал. Но смеялся он недолго. Тут же возле него очутились Стасик и Чижик. Стоя на дне, они надавили на голову и плечи Шурика, и тот снова исчез.

— Раз... два... три... — неторопливо считал Стасик, — четыре... пять... шесть... семь... восемь... девять... десять...

Из-под воды выходили пузыри воздуха. Их становилось все меньше.

— Он же задохнется, — сказал Алексей Палыч.

Стасик кивнул, показывая, что слышит, и начал обратный счет:

— Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один... Пуск!

Шурик ракетой вылетел из-под воды. Глаза его были вытаращены. Выплюнув полведра воды, он часто задышал, хотел что-то произнести, но не смог.

Шурик понемногу отдышался, сообщил друзьям, что они «паразиты» и что он искупает их поодиночке. Ему объяснили, что такие шутки хороши дома, в ванне и с мамой, а не в походе, на озере и с товарищами.

— Из-за тебя человек кеды промочил, — добавил Стасик.

— Ничего, — сказал Алексей Палыч, — зато я искупался.

— Нет, — возразил Стасик. — Сейчас вы надевайте его кеды, а он пускай ходит в ваших.

— Не нужно. Сейчас не холодно.

— Дело не в этом, Алексей Палыч. Это в воспитательных целях.

Но Алексей Палыч не хотел ссориться ни с кем из ребят, в том числе и с Шуриком.

— Размер не подойдет, — продолжал сопротивляться Алексей Палыч.

— А мы посмотрим. У вас Генкины? Генка, какой у тебя размер обуви?

— Сорок один,— донеслось с озера.

Стасик вылез из воды, подобрал кеды Шурика и посмотрел на подошву.

— А у него сорок два. Акселерат паршивый!

Шурик и вправду был выше всех в группе. Но Алексей Палыч от его обуви категорически отказался, подумав при этом, что не зря Стасика выбрали заместителем: есть в его характере решительность и справедливость.

Стасик тут же подтвердил это мнение, швырнув кеды Шурика в воду.

— Чтобы никому не обидно,— пояснил он.

После купания работать стало полегче, но опять же ненадолго. Комарье охотнее липло к мокрому телу. Были истрачены остатки мази, но и она помогала плохо.

Уже было ясно, что сегодня переправа не состоится, но плот решили закончить. Его соорудили в два этажа, уложив один слой бревен поперек другого, обвязали веревками.

После пробы оказалось, что плот выдерживал троих или двоих с двумя рюкзаками. Решили, что этого достаточно: озеро было шириной метров триста, и за несколько рейсов все переправятся.

Привязав плот к дереву, ребята отправились к стоянке, откуда вместе с дымом уже доносился запах очередной каши.

Чижики пока остались на берегу, ему нужно было еще обтесать два весла, вернее, подобие весел. Алексей Палыч тоже остался. Он считал неудобным на равных со всеми стремиться к каше. Остался и Борис.

Втроем закончили обтесывать не так быстро, потому что Чижику пришлось переделывать работу Алексея Палыча и Бориса, а переделывать всегда труднее, чем начинать сначала. Но Чижики их не ругал.

К стоянке все трое вернулись почти в темноте. У костра уже никого не было. Одна Лжедмитриевна сидела в сторонке и смотрела в небо: то ли просто задумалась, то ли советовалась со своим небесным начальством. Лицо у нее было привычное—застывшее, если так можно сказать про лицо с широко открытыми глазами. Словно говорящая кукла увидела что-то необычное в ночном небе...

— Закончили,— сказал Чижики.

Лжедмитриевна не шелохнулась.

— Гм...— сказал Алексей Палыч.

Лжедмитриевна по-прежнему смотрела в небо.

Алексей Палыч слегка встревожился: при всем своем немногословии Лжедмитриевна реагировала обычно мгновенно.

— Алло...— сказал Алексей Палыч первое, что пришло ему на ум.

Лжедмитриевна шевельнулась, потрянула головой.

— Так вот оно что...— сказала она и посмотрела на подошедших, словно просыпаясь.

— А что?— спросил Алексей Палыч.

— Ничего,— сказала Лжедмитриевна.— Для вас оставили еду в котелке. Чай на костре, он еще не остыл.

Что-то необычное почудилось Алексею Палычу в ее тоне, какая-то мягкость. Вернее, не мягкость, а отсутствие жесткости. Это было так неожиданно, как если бы она вдруг запела.

— Спасибо,— сказал Алексей Палыч. Ничего другого не пришло ему в голову, а не ответить ему показалось невежливым.

После еды Борис полез в свой чехол. Вскоре он засопел. Алексей Палыч тоже прилег. Ему не спалось. Он лежал и думал о том, что узелок затягивается все туже.

Со стороны Лжедмитриевны донеслись какие-то шорохи, хруст можжевельника. Алексей Палыч повернулся и при свете ночного неба увидел, что Лжедмитриевна тоже не спит. Но этого мало. Она занималась делом довольно странным для такого позднего времени.

Сначала она вытряхнула на землю содержимое чьего-то рюкзака. Затем стала вынимать из других рюкзаков продукты и укладывать их в пустой.

Алексей Палыч приподнялся на локте, Лжедмитриевна повернулась к нему, и... ему стало неловко. Ему не хотелось, чтобы она подумала, что он подглядывает. Хотя, по совести говоря, так оно и было.

— Не спится,— сказал Алексей Палыч.

— Мне тоже,— ответила Лжедмитриевна, и снова слабые признаки какой-то человечности слышались Алексею Палычу в ее голосе.

Разговаривать с ней Алексею Палычу сейчас было не о чем. Но не разговаривать казалось почему-то невежливым.

Алексей Палыч встал, собрал посуду и направился к озеру.

Он присел на край плота. Он смотрел на нежно-зеленый отблеск зари на воде, вслушивался в непонятные ему ночные звуки, и в нем зрела мысль, что в предыдущей своей жизни он был обворован. Он никого не винил—только себя. Теперь он понимал неистовых фанатиков-рыбаков: даже вернувшись без рыбы, они привозили что-то в себе. И, быть может, стоит пройти целый маршрут ради одного вот такого вечера у воды. Никто не запрещал Алексею Палычу этого раньше, а начинать сейчас было поздно. А если не поздно? Пускай только все кончится хорошо с походом, и тогда он...

Алексей Палыч собирался уже твердо наметить, какую жизнь он начнет потом, но не успел. Сзади слышались легкие шаги.

— Алексей Палыч,— сказала Лжедмитриевна,— мне нужно с вами поговорить.

Разговор по душам

Лжедмитриевна присела рядом с Алексеем Палычем. Он слегка отодвинулся, но тут же подумал, что это можно понять так, будто он боится. Тогда он придвинулся. Но Лжедмитриевна молчала.

— Слушаю вас,—сказал Алексей Палыч.
— Я вижу, вы волнуетесь...—начала Лжедмитриевна.

— А вы нет.

— Разумеется. Прежде всего это состояние мне незнакомо. К сожалению. Эмоции — прекрасное человеческое свойство. Но я пока ими не овладела.

— Но есть надежда?

— Возможно. Это будет мой конец как исследователя. Исследователь должен быть бесстрастным. Если на эксперимент влияет личность, то эксперимент загрязняется.

— Все ценное на Земле создано личностями,—сказал Алексей Палыч торжественно, но не слишком уверенно.—А эмоции—основа любого творчества. Впрочем, извините, в теории творчества я не силен. Кажется, основой все-таки является труд. Итак, вы проводите чистый эксперимент. В чем он заключается?

— Точно не знаю. Я наблюдаю. Выводы делают другие.

— Те, которые ТАМ? — Алексей Палыч указал пальцем в небо.

— Сейчас они там.—Лжедмитриевна указала на землю.

— Мало нам небесных пришельцев, теперь еще подземные?!

— Над противоположной стороной Земли тоже небо.

— Извините. Я немного запуган и временами плохо соображаю,—с некоторым уже раздражением молвил Алексей Палыч.—Но это не моя вина. Какова же все-таки цель эксперимента и на кой, простите, черт он нам сдался?

— Вам он ничего не даст. Он нужен нам. Тут я кое-что могу объяснить, но не полностью: я все-таки не машина.

— Это новость!—удивился Алексей Палыч.—У вас что же, машинная цивилизация? Управляют машины, а вы их только смазываете?

Лжедмитриевна слегка улыбнулась.

— Машины лучше информированы. Наши машины не смазываются. Да и вообще они не машины в вашем понимании. Это магнитные поля, и мы с ними взаимодействуем. Не требуйте у меня других объяснений, я не сумею вам объяснить.

Но Алексея Палыча заинтересовал сейчас не смысл слов Лжедмитриевны, он обратил внимание на ее гримаску, похожую на улыбку.

— Стоп! —сказал он.—Но вы сейчас улыбнулись. А ведь это эмоция!

Лжедмитриевна как будто слегка встревожилась. На лице на этот раз никаких изменений не произошло, изменилась только манера речи.

— Разве я улыбнулась? —быстро спросила она.—Не может быть. Это просто невозможно. Неужели я так быстро заразилась?

— А сейчас вы встревожились. И это эмоция.

— Ничего подобного нет,—сказала Лже-

дмитриевна таким тоном, каким люди произносят заведомую ложь.—Вы меня о чем-то спрашивали?

— Я спрашивал: какова цель этого эксперимента?

— Цель... цель — выход из тупика, в котором мы оказались... Но... Алексей Палыч, пойдемте спать, поговорим завтра. Я хотела успокоить вас, но, кажется, сделала что-то неправильно. Хотела с вами поговорить... Но, кажется, сейчас я не готова к такому разговору.

— Какому такому?

— Я... не знаю.

Будь на месте Лжедмитриевны другая девушка, Алексей Палыч, скорее всего, ничего бы не заметил. Но в отношении этой, на фоне общей ее железобетонности, глаз его подметил слабо уловимые изменения.

— Нет,—сказал Алексей Палыч,—спать я не хочу. На разговор вы меня вызвали сами. Если, как вы говорили, я имею кое-какие заслуги, то прошу ответить. Это будет только справедливо.

— Справедливо...—повторила Лжедмитриевна.—У вас, у людей, двойственное мышление: хорошо — не хорошо, справедливо — не справедливо... Трудно понять эту двойственность. Хорошо или справедливо то, что разумно. Остального не существует.

— А что разумно?

— То, что рационально.

— Игра словами,—сказал Алексей Палыч.—То, что разумно с одной точки зрения, неразумно с другой. Я помог вам выбраться из воды... Не сделай я этого, поход бы прекратился. Но прекратить поход было главной моей целью. Следовательно, я поступил нерационально и неразумно. Это с вашей точки зрения. Но иначе поступить я не мог, потому что не могу спокойно смотреть, как тонут. Извините, я не в расчете на благодарность. Просто этот пример известен нам обоим.

— А вот я вам благодарна,—заявила Лжедмитриевна...—То есть я хочу сказать, что это чувство нам неизвестно... Если бы мы могли испытывать подобные чувства, то не посылали бы к вам исследователей.

— Но вы сказали, что благодарны...

— Я сказала... Но это ничего не значит... То есть значит, но только для меня. Простите, я говорю нелогично. Мне кажется... я... волнуюсь.

— Опять эмоция!

— Не знаю. Я работаю по заданию. Я ищу... Но мне все время что-то мешает,—сказала Лжедмитриевна, и голос ее звучал замедленно, как у поврежденного магнитофона.

— Что вы ищете? — жестко спросил Алексей Палыч, ибо в эту минуту подумал, что именно так и надо разговаривать с магнитофоном.

«Магнитофон», как ни странно, от этого оживился.

— Это я примерно знаю: страх, смелость,

Втроем закончили обтесывать весла не так быстро...

доброта, зависть, сочувствие, любовь, неприязнь — это ваши чувства. Для нас они не существуют: они нелогичны. Нам нужно понять нелогичность ваших чувств. Как ни странно, мы в них нуждаемся.

— Они нелогичны для машины. Правда, машины несовершенной. В принципе можно создать машину, наделенную чувствами. Надеюсь, у человечества хватит ума не докатиться до этого, — заметил Алексей Палыч.

— Мы не машины, — сказала Лжедмитриевна. — Мы с ними только взаимодействуем. Мы мыслим самостоятельно. Но уже давно появилась категория исследователей, которые мыслят над тем, зачем они вообще мыслят. Тупик. Мышление теряет смысл, так как нет цели. У нас нет болезней, наводнений, войн...

— Уж не за войнами ли вы сюда прибыли? — осведомился Алексей Палыч. — Можем поделиться. Забирайте хоть все.

— У нас не хватает эмоций, — ответила Лжедмитриевна. — У нас не умеют ни сердиться, ни радоваться, ни плакать, ни смеяться. Мы живем слишком спокойно. Даже не слишком — абсолютно спокойно.

— За этим вы сюда и пожаловали?

— В принципе — да. Отдельные наши наблюдатели, правда, у вас заражаются, но нужно разработать метод общего заражения.

— Что-то вроде прививки? — сыронизиро-

вал Алексей Палыч, но юмором, видно, планета Лжедмитриевны еще не была заражена.

— Нет, — серьезно ответила она, — одновременное воздействие на всех жителей. Чувства должны появиться у всех сразу, иначе возникнет неравноценность.

— А вы не боитесь последствий? Если все одновременно, так сказать, прозреют... Взрыв эмоций населения целой планеты... Это, пожалуй, опасно. Могут возникнуть беспорядки.

— Надо попробовать. От порядка мы уже устали. Установление абсолютного порядка и абсолютной равноценности приведет нас к гибели — это ясно. Отсутствие трудностей вовсе не поддерживает жизнь, оно убивает ее.

— Значит, вам нужны беспорядки... — задумчиво сказал Алексей Палыч. — Ну что ж, тут мы бы могли вам помочь. Кое-что у нас есть: бездельники, жулики, пьяницы, просто хулиганы... Почему вам не пригласить к себе сотню-другую? Из добровольцев, конечно.

— Они будут уничтожены порядком. Нужна одновременность. И потом нам нужны эмоции, а не хулиганы.

— Я пошутил.

— Я поняла. Вы не обижаетесь, что мне не смешно?

— Мне тоже не смешно, — сказал Алексей

Палыч.— Но что же мне остается делать? Вы представляете целую планету, я—сам себя. Вы заботитесь о спасении цивилизации, я—о судьбе нескольких детей. Кстати, при чем тут дети? Почему вы выбрали их для своих наблюдений?

— Выбирала не я. Считается, что детей легче исследовать.

— Почему?

— Они более открыты, чем взрослые.

— Есть взрослые прозрачнее стекла...

— Да,—согласилась Лжедмитриевна,—такие, например, как вы. Но таких мало.

— Гм...—сказал Алексей Палыч, не зная, считать это комплиментом или оскорблением. Решив пропустить мимо ушей космическую оценку своей личности, он продолжал:—И есть дети скрытные, осторожные—труднодоступные. Но откуда вы набрались этой премудрости?

— Я здесь не первая.

Наступило молчание. Лягушки утомились, только одна продолжала ворковать приглушенным голосом. Возможно, ее головки никак не могли заснуть, и она их убаюкивала.

— У вас лягушки есть?—спросил Алексей Палыч.

— Были. Когда началось упорядочение планеты, они исчезли. Так же как и другие животные.

— Как же вы обходитесь без животных?—изумился Алексей Палыч.—Ведь они—часть природы.

— Все началось с уничтожения микробов... Потом потянулась цепочка... Если удастся разрушить порядок, животных придется восстанавливать снова. Но где мы возьмем исходных?

— Лягушек мы вам с Борисом наловим,—предложил Алексей Палыч.—Давайте только прекратим поход и вернемся.

— Я не могу отдать такой приказ. Он абсолютно нелогичен потому, что нет причины. Ребята не согласятся ни с того ни с сего. Не могу же я сказать: так хочет Алексей Палыч.

— Но есть какой-то примерный срок?

— Ориентировочный срок две недели. Если, конечно, критическая ситуация не возникнет до этого.

— Критическая ситуация—это обязательно?

— Желательно.

— Не хотите ли вы сами ее создать?

— Теперь, пожалуй, нет.

— Что значит «теперь»?

Лжедмитриевна промолчала.

— Слушайте,—сказал Алексей Палыч,—вы исследуете земную модель. Но ведете вы себя не по-земному. Наш руководитель принял бы все меры для того, чтобы не было никаких критических ситуаций. В этом его главная задача как руководителя. Вы можете гарантировать, что с ними ничего не случится?

— Теперь могу.

— Вы во второй раз говорите «теперь». Разве что-то изменилось?

И на этот раз Лжедмитриевна промолчала.

— Тогда вот что,—заявил Алексей Палыч.—Я хочу вас предупредить. И ТЕХ, кто нас сейчас слышит. Я собираюсь применить силу. Мне не нравятся эти самые ситуации. Мы с Борисом вас просто свяжем и заставим ребят свернуть по первой встречной дороге. Мне еще не приходилось выкручивать руки женщинам, тем более инопланетным, но я уже к этому готов.

Лжедмитриевна выслушала эту речь совершенно спокойно.

— Не думайте, что я так уж беззащитна,—сказала она.

— Лучи с неба?—саркастически спросил Алексей Палыч.

Но сарказмы отлетали от «мадам», как шарики от ракетки.

— Моя безопасность обеспечивается с другой стороны,—втолковывала она своим ровным девичьим голосом.—Посудите сами. Группа идет в поход с руководителем, которого они хорошо знают...

— Очень хорошо...—язвительно заметил Алексей Палыч.

— Так они, во всяком случае, думают. По дороге к ним присоединяются двое незнакомых. Они пытаются помешать походу и нападают на руководителя. Да еще хотят заставить куда-то свернуть и нарушить девиз. На чьей стороне будут ребята? Или их вы тоже будете связывать?

— Отстаньте вы от меня!—сказал Алексей Палыч.

— Мне кажется, я объяснила логично.

— И рационально, а также разумно,—заметил Алексей Палыч.

Лжедмитриевна, словно Алексей Палыч был ей что-то должен, снова присела рядом с ним и спросила как ни в чем не бывало:

— Алексей Палыч, мне кажется, что вы сейчас сердитесь. Скажите, что вы при этом испытываете? Это неприятное состояние?

— Я не кролик! Нечего меня исследовать!—заявил Алексей Палыч.—Да и вообще зачем вы пришли на берег? Я вас не звал.

— Я хотела вас успокоить.

— Вам же нужны эмоции...

— Меня интересуют разные состояния. Я хотела вас переключить на другую эмоцию.

— Уже переключили,—буркнул Алексей Палыч.—У меня под левой лопаткой переключатель. Если вам захочется чего-то еще, нажмите там.

— Опять шутите? Под левой лопаткой находится сердце.

— Да? А я думал тумблер.

— Я вижу, что вы сердитесь. Алексей Палыч, опишите, пожалуйста, свое состояние. Чего вам сейчас хочется?

— Доплыть с вами до середины озера,—сказал Алексей Палыч мрачно.

Когда Алексей Палыч вернулся на стоянку, небо над головой уже начало заметно светлеть. Понимая, что сегодня вряд ли удастся заснуть, он все же залез в спальный мешок и начал елозить ногами, пытаясь согреть одну ступню о другую.

Переправа

— Елена Дмитрина, после завтрака переправляемся? — спросил Стасик.

— У тебя есть другие предложения?

— Нет.

— Тогда не спрашивай.

— Я в смысле переправы. Кто первый, кто последний...

— Решайте.

Стасик вздохнул. Ему не хотелось слишком много командовать. Могла бы и руководительница немного поруководить. Но, видно, таков был ее стиль — полная самостоятельность.

После завтрака, мытья посуды и сборов начали составлять экипажи. Всем хотелось попасть в первый рейс.

По этому поводу немного пошумели, но Стасик заявил:

— Вот что, дети мои. Так не пойдет. Вы сами выбрали меня, даже тайным голосованием...

— Все шесть голосов... — подтвердил Шурик. — Не такое уж и тайное это голосование.

— Можешь не намекать. Если я согласен быть заместителем, то почему я должен голосовать против себя?

— Логично, — сказала Лжедмитриевна.

— Я тоже так думаю, — согласился Стасик. — Если я не подхожу, то назначайте любого другого. Но в таких делах, как на корабле, командовать должен один человек.

— Ты, — сказал Шурик, но в тоне его чувствовалось сопротивление.

— Хочешь, чтобы ты? — спросил Стасик.

— Не хочу, я малограмотный.

— Тогда временно заткнись. Кто у нас плохо плавает? — Взгляд Стасика уперся в Алексея Палыча.

— В каком смысле? — спросил Алексей Палыч.

— Ну, до середины вы доплывете?

— А зачем?

— На всякий случай.

— Давайте лучше без случаев. Пускай по медленней, но осторожнее.

— Вы что, боитесь, Алексей Палыч?

— Не за себя.

— Тогда все в порядке, — сказал Стасик. — Остальные плавать умеют, водоворотов нет, шторма — тоже, вода теплая. Переворачиваться не обязательно.

— В-в-ветерок... — сказал Чижики.

— Встречный. Легче будет гнать плот обратно. Первыми поплывут я, Шурик и Чижики. Заберем два рюкзака. Чижики пригонит плот обратно. Кто у нас самый толстый? Валенти-

на? Поплывешь вторым рейсом с Чижики и Геней: они самые тощие.

— Почему это я толстая! — возмутилась Валентина.

— Не знаю, — отрезал Стасик, — спроси у мамы.

— Нахал!

— Оскорбление при исполнении... — сказал Стасик.

За Валентину заступилась Мартышка: все-таки они были из одной стаи и принадлежали к лучшей половине человечества.

— Ты сам оскорбляешь, — сказала она. — Взятся командовать — командуй без глупых шуток.

Но, как было сказано, Стасика не зря выбрали заместителем. Он и сам уже понял, что заехал не туда и минута для шуток выбрана не самая подходящая.

— Приношу глубокие извинения, — сказал он. — С искренним уважением... Значит, Валентина переправляется с Геней и Чижики. Плот обратно перегоняет Гена. Он забирает Алексея Палыча и Бориса. Борис, ты сможешь перегнать плот?

— Смогу.

— Гут, как говорят у нас в Японии. Борис забирает Елену Дмитриевну, Март... прошу прощения... Марину, Веника и остальное барахло. При переправе верхнюю одежду всем снять, нижнюю оставить. Кто против, прошу поднять руки.

Ребята принялись переносить имущество к плоту.

— А почему у меня такой тяжелый рюкзак? — застонала Валентина. — Шурик, ты камней наложил? Опять твои дурацкие штуки?

— Почему я? — обиделся Шурик.

— Потому, что на сборе — ты.

— Это я, — сказала Лжедмитриевна. — Я решила переложить все продукты в один рюкзак. Валентине будет легче контролировать их расход. Но понесу рюкзак я. Есть возражения?

Возражений не было.

Сегодня на озере дул небольшой ветерок. Легкая волна чмокала о бревна плота. Расстояние до противоположного берега за ночь слегка увеличилось — так показалось Алексею Палычу. Предстоящей переправы он особенно не опасался: плот был сделан надежно, да и ребята выглядели уверенно. Если кому и надо было волноваться, то это Лжедмитриевне. Но по виду ее понять ничего было нельзя. Было в ней все-таки что-то от машины. Даже глаза, довольно красивые, с человеческой точки зрения — глаза, смотрели сейчас пристально и бесстрастно, словно два объектива.

«Неужели они ничего этого не замечают?» — подумал про ребят Алексей Палыч.

Нет, ничего они не замечали. Для них Лжедмитриевна была такой, какой они ее видели, а не такой, какой ее знали Борис и Алексей Палыч.

Подошел Борис.

— Алексей Палыч, я с ней поплыву... Столкнись с ней, что ли?

— Как бы она тебя не столкнула,— сказал Алексей Палыч.— Да и за что ее топить?

— Как за что?!

— Да вот так. Объясни мне толком, что она такого сделала?

— А мазь?..

— Не доказано.

— Спички...

— Не доказано.

— Карта...

— Все это только предположения. Мы никак не можем избавиться от того, что знаем о ней. А ты попробуй взглянуть со стороны. Поход проходит нормально. Все сыты, здоровы, обуты, одеты. Даже нас с тобой приняли в компанию, хотя мы им совсем ни к чему. Переправа через озеро... Ну что ж, не такое это страшное событие, для ребят даже интересно. Но если забыть обо всем этом... Ты бы смог посмотреть, как она тонет? Она ведь живая!

— Я и не собирался ее топить по-настоящему. Просто я думаю: если начнет тонуть, ее «отзовут»...

— Я в этом не уверен,— вздохнул Алексей Палыч.— Другой метод... Видно, Боря, нам с тобой терпеть до конца. Только не знаю, когда и каким будет этот конец. Пойдем поможем столкнуться плот.

Взяв по одному веслу, Стасик и Чижик гребли с обоих бортов. Встать было нельзя, гребли сидя. Плот удалялся от берега медленно. Шурик, на которого брызги попадали еще и с весел, сидел, обхватив голые плечи руками, и «продавал дрожжи», несмотря на ярко светившее солнце.

Алексей Палыч видел, как уменьшаются постепенно фигурки ребят, словно растворяются в озере. Сейчас затея с переправой уже не казалась ему такой безопасной.

— Надо было взять с собой надувные пояса,— сказал он, глядя между Борисом и Лжедмитриевной.

«Мадам» не откликнулась. Алексей Палыч мысленно сплюнул: совет был столь же мудр, сколь и бесполезен.

— Боря,— сказала Марина-Мартышка,— мы с тобой переправляемся вместе. Если я упаду в воду, ты меня будешь спасать?

— А ты меня?

— Буду, если попросишь. Но ведь всегда мальчики спасают девочек.

— Где это написано?

— Нигде. И так ясно.

— Мне не ясно. Ты меня не спасай, лучше сама спасайся. Я как-нибудь доплыву.

— А если у меня будет судорога?

Борис вздохнул вздохом совсем не детским. Но Мартышка вовсе не обиделась на Борисову холодность. Наоборот, она была довольна. На сей раз разговор с Борисом получился чудовищно длинным, и в этом заключалась ее очередная победа.

Труднее всего оказалось перегонять плот обратно. Чижик греб один, и ему приходилось все время переносить весло с борта на борт. Если бы не попутный ветер, то справиться одному было бы невозможно.

Плот уткнулся в песок возле берега.

— Ну как там?— спросил Алексей Палыч, отмечая про себя, что этот вопрос должна была бы задать Лжедмитриевна.

— П-п-порядок...— отозвался Чижик.

На плот положили еще два рюкзака. Валентина, Гена и Чижик отплыли.

Алексей Палыч и Борис отправились третьим рейсом вместе с Геней.

Борис и Гена гребли, Алексей Палыч сидел пассажиром. Вода хлюпала между бревнами, даже сквозь подстилку чувствовалось, как они шевелились. Алексей Палыч смотрел на удаляющийся берег, на уменьшающиеся фигуры Лжедмитриевны и Марины. Он очень ясно представлял сейчас себя— торчащее над водой полурасдетое существо с заросшим подбородком и тощей грудью. Очки в этой ситуации его никак не украшали.

Алексей Палыч представил себе, что его в данную минуту видит жена или кто-нибудь из кулеминских знакомых, и поежился. Они бы его не признали: положительный и скромный, деликатный и аккуратный, известный всему Кулеминску учитель болтался в жалком виде на жалком плоту, словно потерпевший кораблекрушение или еще похуже того.

Плот уткнулся в берег, Гена соскочил. Алексей Палыч тоже хотел спрыгнуть бодро, по-спортивному, но в очередной раз ощутил, что сорок пять— это не пятнадцать. Он сидел на полусогнутых ногах, они затекли и распрямляться не слишком торопились.

— Алексей Палыч, давайте «пушку», сейчас мы вас отогреем!— крикнул Стасик.

— А почему, собственно, меня?— спросил Алексей Палыч, хрустя коленками.— Я как все. Мне не нужно никаких привилегий.

— Ну, все и погреемся,— тактично заметил Стасик.— Борис, гони плот обратно.

Не очень-то хотелось Борису перевозить личного своего врага и липучую Мартышку, но возражать он не стал: дело есть дело, а переживания его никому не интересны.

Все же разговаривать с Лжедмитриевной он был не обязан.

— Я тоже буду грести?— спросила Мартышка.— Или Елена Дмитриевна?

— Бери весло.

— Какой ты суровый, Боря,— протянула Мартышка.— Просто настоящий капитан.

Уважения в ее словах было ноль целых и ноль десятых. У девочек, которым перевалило за шестнадцать, это называется кокетством. Марине еще не перевалило, но кокетничать она умела уже с семи.

Лжедмитриевна была все так же бесстрастна, как судья. Не спортивный судья, разумеется, а тот, который присуждает кого-нибудь к чему-нибудь.

Веник, решив, что его бросают, зарыдал. Собаки тоже умеют плакать. Некоторые собаки, как и некоторые люди, делают это молча. Но Веник был не из таких.

— Ай-ай-ай...— причитал он,— ай-ай...

— Веничек,— сказала Мартышка, уже и сама готовая пустить слезу,— неужели ты думаешь, что мы тебя бросим? Иди ко мне.

Веник заметался у края воды, шагнул вперед, покачался, примериваясь, и прыгнул на плот. Для собаки это был храбрый поступок. Примерно такой же, как для человека, вперые прыгнувшего с парашютом.

Когда все уселись, а Веник улегся на куртке Мартышки, Борис оттолкнулся веслом от берега.

Мартышка гребла довольно сносно, если не считать того, что весло часто выворачивалось в ее руках и поливало пассажиров прохладной водой. Лжедмитриевна принимала это с обычным своим спокойствием. Борис негодовал, но молчал.

Они уже доплыли до половины озера, уже хорошо различали ребят и Алексея Палыча, стоящих на берегу. Даже Веник поднял морду и начал нюхать ветер, почуяв что-то знакомое...

Волны чмокали возле носа плота; весла расплескивали воду; все это были постоянные и привычные звуки...

И вдруг Борис услышал посторонний шумный всплеск, будто кто-то плюхнулся в воду. Он повернул голову и увидел, что это не кто-то, а что-то.

Он еще успел увидеть зеленый бок рюкзака, никель пряжек, строчки на лямках—все отпечаталось в его глазах с необычной четкостью. Рюкзак погружался, не торопясь, но неуклонно, неотвратно.

Это был рюкзак с продуктами.

Борис резко наклонился вбок и свалился в воду. Он нырнул под плот и разлепил веки. Пресная вода резанула по глазам, но он все же заметил зеленоватое расплывчатое пятно и пузырьки воздуха, струившиеся от него. Пятно удалялось и тускнело: вода в озере была коричневатой.

Борис изо всех сил заработал ногами, по-собачьи подгребая под живот ладонями. Ему удалось догнать рюкзак, и пальцы его вцепились в какой-то ремень. Он развернулся ногами вверх и попытался всплыть. В ту же секунду у него зашумело в голове, словно заработал насос. Нестерпимо захотелось вздохнуть хоть один раз.

Рюкзак идти наверх не хотел. Правда, вниз он тоже не опускался—борьба между ним и

*Борис и Гена гребли,
Алексей Палыч сидел пассажиром.*

Борисом шла на одном уровне. Но в отличие от Бориса ему не нужно было дышать.

Перед закрытыми глазами возникли искрящиеся шарики — это был последний сигнал, и Борис его понял. Он разжал руки и заболтал непомерно тяжелыми ногами в последнем усилии. Он поднимался медленно, бесконечно долго, почти всю жизнь. Если бы ему сказали, что с момента падения рюкзака и до появления его очумелой головы на поверхности прошло всего девятнадцать секунд, он бы не поверил.

Когда круги перед глазами исчезли, а звон в ушах прекратился, Борис обнаружил, что Мартышки на плоту нет. Она болталась в воде возле плота, придерживаясь за него руками.

— Я ду... ма... ла... ты упал... — сказала Мартышка, дыша так же часто и отрывисто, как Борис.

Она часто моргала, и то, что текло по ее щекам, было очень похоже на слезы.

Веника на плоту тоже не было. Когда рюкзак, а за ним Борис и Мартышка плюхнулись в воду, Веник решил, что это уже слишком. Он прыгнул вслед за ними, но тут же раскаялся: ноги его болтались в воде, не ощущая привычной опоры, и он чувствовал себя беспомощным. Как и все собаки, плавать он умел от рождения, но это открытие ничуть его не обрадовало. Он и сам не знал, зачем прыгнул в эту жидкую, мокрую и холодную воду.

На поверхности от Веника оставались только кусочек хвоста и голова с ушами, торчащими, словно малярные кисти. Увидев Бориса, он подплыл к нему и попытался на него взобраться, положив передние ноги на его плечи. Впрочем, можно было подумать, что Веник приступил к спасательной операции.

Страхнув собаку, Борис уцепился за плот рядом с Мартышкой.

— Упустил... — сообщил он. — Чуть бы пораньше...

— Что же теперь делать?

— Будем помирать.

Лжедмитриевна протянула Борису руку.

— Влезай. Я тебе помогу.

Борис презрительно фыркнул в воду, нырнул под плот и вынырнул с другой стороны.

За время всей этой возни их снесло назад. Упущенные весла болтались недалеко от плота. Борис поплыл за ними.

На том берегу все это видели, хотя и не понимали, в чем дело. К плоту уже плыли трое. Когда Борис прибуксировал весла, можно было различить Стасика, Гену и Чижика.

Борис закинул весла на плот.

— Давай влезать одновременно, — сказал он Мартышке. — По счету три. Раз...

Борис и Мартышка с противоположных бортов, дрыгая ногами, втянули на плот по половинке туловища. Веник заскулил. Он не то чтобы твердо решил, что его бросают: это было бы стопроцентным предательством в таком положении, — он просто напоминал, что есть на свете такая собака Веник, которой не

хотелось бы оставаться одной среди такого обширного и такого мокрого пространства.

Мартышка помогла Венику взобраться на бревно.

Подплывшие ребята окружили плот, ухватились за него.

— Вы что тут кувыркаетесь? — спросил Стасик.

— Рюкзак упал, — сообщила Мартышка.

— Какой?

— С продуктами.

— Поймали?

Вопрос был излишним; все видели, что на плоту оставался только один рюкзак. Однако для подобного разбирательства место было не совсем подходящим. Плот продолжало сносить. Борис и Мартышка начали понемногу синеть, кожа их покрылась пупырышками. И только Лжедмитриевна сидела неподвижно.

Приплывшим было пока не до переживания: они устали, да и переживать, находясь по горло в воде, не очень удобно.

— Гребите, — сказал Стасик, — мы вас будем подталкивать.

Прежде чем Мартышка взяла весло, его неожиданно перехватила Лжедмитриевна. Совесть ее, что ли, заела или что-то другое — Борис не понял. Но, как и обычно, ничего хорошего из этого не получилось. Лжедмитриевна гребла, а неподвижная Мартышка мерзла все больше.

— Возьми весло, — сквозь зубы сказал Борис, увидев, как Мартышка потирает озябшие руки.

— Елена Дмитриевна, давайте я погребу, — попросила Мартышка.

— Замерзла?

— Ага.

— Накинь на себя что-нибудь.

Эта неожиданная заботливость возмутила Бориса.

— Я тебе говорю: возьми весло! — заорал он. Взрыв этот относился не к Мартышке, но она не поняла.

— Не кричи, — сказала она. — Ты еще молод на меня кричать.

Мартышка была старше Бориса примерно на полгода. Откуда она об этом знала — одному богу известно. Наверное, просто знала, и все. В другое время он бы возмутился. Он и сейчас слегка возмутился, но очень вяло. Все-таки Мартышка брякнулась с плота не зачем-нибудь, а для его же спасения. Конечно, спасти она никого не могла, но ведь хотела...

— Я не на тебя кричу, — пояснил Борис.

— А на кого? — спросила она.

Вопрос остался без ответа. Лжедмитриевна внимательно взглянула на Бориса и передала Мартышке весло.

— Вы чего там ругаетесь? — спросили из воды. — Гребите сильнее, мы замерзли.

— Плывите на берег, мы догребем, — посоветовал Борис.

Ребята отпустили плот и поплыли к берегу.

Тем временем Алексей Палыч нервно расха-

живал вдоль кромки воды, то снимая, то надевая очки. Он постоянно справлялся у Шурика:

— Что там сейчас?

— Доплыли.

— А сейчас?

— Мартышка и ваш дружок залезли на плот.

— А сейчас?

— Плывут сюда.

— Никак не пойму: что там могло случиться?

— А ничего не случилось, раз не кричат. Давайте костер разводить. Приплывут — есть захотят со страшной силой.

Последняя реплика не прошла мимо ушей Валентины.

— Скажи лучше, что сам хочешь.

— Ну и хочу. Ну и что? Нельзя?

— Не заработал еще.

— Не меньше тебя несусь, — сказал Шурик. — Не больше тебя ем. Возражения есть?

Когда плот пристал к берегу, ребята собрались у костра. В суматохе тяжесть потери оценили не сразу, но постепенно до всех дошло, что это означает конец похода.

— Как это случилось? — спросил Стасик.

— Я не видел. Услышал, как плеснуло... только тогда...

— А ты?

— И я не видела, — сказала Марина. — Видела, как Боря нырнул. Я думала, он свалился.

— Может, плот сильно наклонили?

— Не наклоняли. Плыли спокойно. Мы ничего... мы не виноваты.

— Но ведь кто-то виноват? — заявил Шурик.

— Мы гребли... — сказал Борис и кивнул в сторону Лжедмитриевны. — Она сидела. Она все видела.

Лжедмитриевна молчала, и на сей раз молчание ее было непонятно всей группе.

— Самый ценный рюкзак, — сказал Стасик. — Пускай бы любой другой. Я, конечно, тоже виноват. Но и вы могли сообразить — привязать!

— Любой другой сразу бы не утонул, — сказал Шурик. — А в этот, как нарочно, все банки напихали.

«А он нечаянно попал в точку, — подумал Алексей Палыч. — Не «как нарочно», а просто нарочно... Она сама уложила... А по логике при переправе самое ценное надо разделить, а не складывать в одно место».

Ребята не решались обвинить Лжедмитрие-вну вслух. Они молчали. Молчание затягива-лось, и становилось ясно, что на сей раз одним словом ей не отделаться.

Шурик продолжал затягивать петлю.

— Кто укладывал рюкзак на плот?

— Елена Дмитриевна, — сказала Марина.

Алексей Палыч, видевший уже на горизонте станцию, электричку и благополучное воз-вращение в Город, попытался смягчить об-становку.

— По-моему, — сказал он, — в данной ситу-

ации это не имеет особого значения. Произо-шел несчастный случай. Нужно искать выход.

Ему никто не ответил. Молчание станови-лось уже совершенно невыносимым, оно гро-хотало в ушах сильней барабанов.

Лжедмитриевна подняла голову и сказала:

— Рюкзак задела я. Привязать просто не догадалась: я никогда раньше не плавала на плотах.

Алексей Палыч подумал, что все сказанное было правдой на сто процентов, если не счи-тать слова «задела». «Задеть» и «стол-кнуть» — понятия разные.

Как ни странно, признание Лжедмитриевны вызвало некоторое облегчение. Возможно, ни-кому из ребят не хотелось произносить слова, которые напрашивались сами собой.

— Что делать дальше, будем решать кол-лективно, — сказала Лжедмитриевна.

— Сейчас бы хорошо коллективно по-есть, — сказал Шурик.

— Хорошо, — сказала Лжедмитриевна, — давайте обобщем рюкзаки — у кого что оста-лось.

Ребята, словно обрадовавшись, что закон-чился этот тягостный разговор, бросились потрошить рюкзаки. Добыча оказалась неве-лика: буханка черствого хлеба, восемь пече-нин, семь конфет «Старт», банка сгущенки, начатая пачка чая, лавровый лист и перец, взятые Геной для ухи.

Каждую вещь перетрясли несколько раз и набрали еще две пригоршни крупы пополам с мусором. Алексей Палыч и Борис, разумеется, ничего не могли внести, кроме идей.

Выходить было уже поздно. Сегодня реши-ли дальше не двигаться, а хорошо все обду-мать. Борис предложил поискать грибов: по его расчетам, они должны уже появиться. Борис и Алексей Палыч ушли в лес. Мартыш-ка увязалась с ними.

Гена направился на берег ловить рыбу.

Валентина осталась выуживать крупинки из мусора.

Шурик расстелил палатку и улегся на нее мечтать об обеде.

Лжедмитриевна с необычным для нее рве-нием принялась носить к стоянке дрова.

В общем, все пока выглядело так, будто ничего страшного не произошло. Да и что может произойти в довольно населенном рай-оне нашей перенаселенной планеты? Привык-нув к сытости, трудно представить себе голод.

Из ребят только Стасик и Чижик попыта-лись решить проблему одним ударом. До вече-ра они болтались на плоту посреди озера, шаря по дну самодельной кошкой, но ничего не нашли.

Что же касается Веника, то, порыскав у костра, поискав рюкзак, начиненный вкусны-ми запахами, он его не обнаружил, но выводов из этого не сделал.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ОПЕРАЦИЯ ПИОНЕРСКАЯ

Операция пионерская — совместные действия юных пионеров, пионерских отрядов и дружин по выполнению важного дела, предложенного самими ребятами и одобренного ЦК ВЛКСМ и Центральным Советом Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

...В феврале 1969 года в Центральном Комитете комсомола проходила встреча юных пионеров Москвы с секретарями ЦК ВЛКСМ. Они решили посоветоваться по очень важному делу — объявить Всесоюзную трудовую операцию под названием «Чукотка». Юные москвичи предложили заработать на воскресниках и субботниках средства для Дворца пионеров в городе Анадыре и подарить этот дворец детям оленеводов,

геологов, рыбаков самого далекого края советской земли — Чукотского автономного округа. Это была самая продолжительная трудовая операция в истории пионерской организации. Она закончилась в 1974 году, когда в Кремлевском Дворце съездов на XVII форуме комсомола юные москвичи вручили чукотским ребятам символические ключи от настоящего Дворца. Пионеры страны в ходе операции заработали около трех миллионов рублей. На Чукотку отправлялись посылки с сувенирами, книгами, игрушками. Пионеры Казахстана провели малую операцию под названием «Апорт» и отправили в школы Чукотки посылки с яблоками. Сейчас во Дворце пионеров в Анадыре открыт музей дружбы, где рассказывается об операции «Чукотка», о дружбе ребят всех народов СССР.

В пионерской организации проводится много интересных и полезных трудовых операций: «Зернышко» — по охране и сбору урожая, «Живи, книга!» — по сохранению школьных учебников, «Миллион — Родине» — по сбору макулатуры. Пионеры 70-х годов активно участвовали в операциях «БАМу — пионерские рельсы, мосты, поезда». Эту операцию юные пионеры выполнили успешно.

Всесоюзный штаб Тимура при редакции журнала «Пи-

онер» объявляет для юных тимуровцев постоянные операции: «Ветеран живет рядом», «Красные звезды Тимура», «Малышок», «Детский дом — наш общий дом».

Всесоюзная пионерская организация проводила и интернациональные операции. В 1968 году наши ребята начали операцию «Пионеры СССР — Вьетнаму»: они собирали школьные принадлежности, пионерские формы, и два корабля доставили эти подарки во Вьетнам. В 1971 году пионеры собирали лекарственные травы для вьетнамских детей, эта операция называлась «Лекарства лесной аптеки — детскому госпиталю в Ханое». В 1976—1978 годах проходила операция «Солидарность»: пионеры страны помогали строить Дворец пионеров в Ханое, перечислили на специальный счет три миллиона рублей!

Совместные операции проводят и республиканские пионерские организации. Пионеры Украины и Казахстана успешно завершили операцию «Шевченковский сад»: на Мангышлаке, где отбывал ссылку Т. Г. Шевченко, посадили фруктовый сад.

Участие в трудовых операциях помогает воспитать в каждом пионере трудолюбие, понять, что все прекрасное на нашей земле создается трудом миллионов.

Фотографии В. ГУСЕВА.

Так во многих пионерских дружинах страны начиналась Всесоюзная пионерская операция «Чукотка», когда ребята выходили на субботники и воскресники и заработанные деньги перечисляли на специальный счет № 70004.

А на этом снимке вы видите символический ключ от Дворца пионеров в Анадыре, который был вручен чукотским пионерам в столице нашей Родины — Москве.

СЫН КОМБАЙНЕРА

Павел Жолондковский — человек, знаменитый теперь уже не только в своем родном Чаплинском районе Херсонской области. Прошлым летом во время уборки он прогремел на всю Украину. Поздравления ему и его помощнику Анатолию Чернецкому шли тогда со всех сторон, а самое памятное принес телеграф из Звездного городка.

«Дорогие Павел и Анатолий! — писал дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Виктор Горбатко. — С великой радостью узнал про трудовую победу вашего комсомольского экипажа. Вы заняли первое место в соревновании молодых комбайнеров Украины, намолотили почти 18 тысяч центнеров зерна. Знаю, что этот успех дался нелегко, но тем почетнее он».

Да, прошлым летом не только рекордный, даже обычный средний урожай собрать было нелегко...

Главный враг хлеборобов здесь, в степях на юге Украины, — засуха. В то лето палить начало с 15 мая. Зерно было еще мягкое, не успело силы набрать, а его уже иссушало беспощадное солнце. Как тут собрать сверхплановые центнеры, когда усохшие, скукоженные колосья казались невесомыми.

Но у Павла был опыт, и он знал, чего потребует от него уборка в засуху 1981 года. Придется вести бой за каждый гектар, за каждый центнер зерна, за каждый колос, еще не осыпавшийся на землю.

В те жаркие дни Павел и Анатолий работали почти без сна, останавливая машину только чтобы заправиться. На ярко-красном «Колосе» появлялись новые звездочки — это значило, что к собранному урожаю прибавлялись новые тысячи центнеров.

Правда, в самый разгар уборки Павлу пришлось ненадолго оставить поле: комсомол послал его в Венгрию на фестиваль дружбы в составе советской делегации. На место Павла встал его старший брат Виктор Дмитриевич Жолондковский, тоже колхозный механизатор.

Но случилось так, что в те же дни Павлу пришлось вести комбайн — только не на своей земле, а на венгерской. Там тоже шла уборка. Как-то раз автобусы с нашей делегацией остано-

вились у кромки поля, где хлеб косили четыре комбайна. Гостей встречали венгерские хлеборобы. После первых приветствий кто-то из хозяев спросил:

— А что, есть тут среди вас комбайнеры?

Павел вышел вперед. Комбайны оказались незнакомые, немецкие. Помог переводчик, вместе быстро разобрались что к чему, и Павел вывел комбайн в поле. Оно показалось ему таким же золотым и бескрайним, как отцовское на далекой Херсонщине.

Пройдя несколько кругов, Павел остановил комбайн. Подошел переводчик.

— Хозяева спрашивают, — сказал он, — может, останешься у них? Понравилось, как ты работаешь.

— Нет, — усмехнулся Павел, — не останусь. Дома тоже хорошие работники нужны. — И, вернувшись домой, поспешил сменить брата.

Всего четыре комсомольско-молодежных экипажа в области намолотили по 15 тысяч центнеров. Павел брал обязательство собрать 12 тысяч, как в прежние годы. А собрал 18 тысяч! Он не считает своей целью ставить рекорды. Просто работает так, что рекорд стал его нормой. Каждая новая уборка подтверждает это — подтверждает его право носить на груди орден Трудовой Славы, знак ЦК ВЛКСМ «Золотой колос»...

Когда мне довелось встретиться с Павлом, я уже была наслышана о его работе. И мне, конечно, казалось, что есть у него какие-то свои секреты.

— Нет, — отвечал Павел, — никаких особых секретов нет. Что у нас, что в Венгрии, хлеб везде растут одинаково. Ничего нового пока не придумали... Хотя, пожалуй, один секрет у меня все же есть. — Павел улыбнулся. — Я ведь сын комбайнера. Отец был моим учителем.

Сколько я помню себя, — продолжал он, — отец в поле. Даже на фронт его не пустили: комбайнеров тогда было мало, а хлеб нужно косить, хоть и война. И после войны отец всегда занимал первое место в районе. Тогда за свою работу он и получил орден Ленина — было это как раз в год моего рождения.

Вот с таким человеком я всегда был рядом, гордился им, мечтал работать, как он. На селе всегда праздник, когда идет уборка. Все мальчишки рвутся помогать. Кто на току, кто в поле. А кому особенно повезет — те на комбайне помощниками. Вот я и был тем, кому повезло.

В первое мое рабочее лето — после шестого класса — отец меня к себе не взял. «Мал еще». Но я был упрямый и на уборке тогда все же поработал. Только с другим комбайнером.

А потом уже каждый год стоял рядом с отцом, на его стареньком комбайне. И как-то незаметно и машину освоил, и поле изучил, и все навыки перенял у отца. После службы в армии вернулся в родной колхоз. Отец уже собирался на пенсию, и мне торжественно передали его комбайн.

Начал я работать самостоятельно и сразу вышел на первое место в колхозе. Через год — видно, наши ветераны стали мне всерьез доверять — дали мне самый высокопроизводительный комбайн. С тех пор я меньше 16 200 центнеров не давал. Конечно, и комбайн у меня мощный и сорта пшеницы сейчас высокоурожайные — все это само дает прибавку к урожаю. Скажем, для меня сейчас 12 тысяч центнеров — самый маленький намолот. А отец именно за такой урожай получил орден Ленина.

Помню, когда я впервые дал 15 тысяч центнеров — еще на старом комбайне, — отец подошел ко мне в поле и тихо сказал:

— Ты сам не знаешь, как много значат эти твои пятнадцать тысяч...

И я понял, что дело не только в моем упорстве, в отчаянном желании доказать «старикам», что мы уже не дети, можем взять на себя их труд, их дело. Отец видел за этим моим

первым большим урожаем и свою жизнь, и свои военные годы, и свой орден Ленина, и меня, мальчишку, которого он учил любить родное поле...

И еще одно я должен сказать. Не будь на наших полях орошения, не собирать нам таких урожаев, как сегодня. При отце строительство каналов только начиналось. И в самый урожайный год они не могли взять больше 25 центнеров с гектара. А сейчас, когда работает вся Каховская оросительная система, мы и в засушливый год берем под 30 центнеров! Вот, пожалуй, еще один секрет наших урожаев.

...Я знала, конечно, что Херсонщина — самый юг Украины, засушливые безводные степи. Но только увидев плоскую равнину, поняла, как здесь все незащищено от палящего зноя. Правда, зимой, когда я была в тех краях, вода из бесчисленных каналов была спущена. Замерли возле дорог крылатые «фрегаты» — мощные дождевальные установки. Но придет весна, и днепровские воды хлынут сюда из Каховского водохранилища — заработает густая сеть оросительной системы, самой крупной в Европе.

В колхоз, где работает Павел, тоже придет вода. Здесь орошается сейчас почти половина всей пахотной земли. Щедро поят водой хлебные поля — это самое главное. Пшеница на орошаемых плодородных украинских землях растет драгоценная, лучших сильных сортов. Но воды хватает и на кукурузу, и для овощей, и даже для цветников. Райцентр Чаплинка на всю округу знаменит своими розами...

В. БЛИЗНЕНКОВА

Рисунок П. ПРОРОКОВА.

Виктор ЛЕБЕДЕВ

Послание

Рисунок В. МОЧАЛОВА.

Фронт приближался. Все раскатистее громыхало на западе. По глухим проселкам, по которым в мирное время и телега не всякий день могла бы проехать, разбрызгивая грязь, мчались грузовики, деловито тянули орудия тягачи, тащились вереницами подводы.

Вечерами, полихорадив закат, по небу еще долго металась зловещие кровавые сполохи, мерцающим светом ощупывая затаившиеся без единого огня деревни.

Однажды за ужином бабушка Ульяна сказала Шурею, гостившему у нее в каникулы каждое лето: «Завтра Юрка соседский, Аринин, в Москву собирается, и тебе, внучек, видать, с ним подаваться надо. Все ж вдвоем-то легче. Неровен час, фашист к нам нагрянет, куда от него денешься?»

— А как же вы, бабушка, как же вы с тетей Сашей? — забеспокоился Шурей.

— Нам-то куда от дома, от скотины?

— А мне каково? — возразил Шурей. — Отец на фронте. Мама в военном госпитале работает под Москвой.

— Ну и здесь тебе оставаться нельзя. Комната в городе есть, там родные, мать будет навещать. Да и сам ты уже не маленький. Завтра и пойдете, — заключила бабушка.

...Утро было хмурым. Хмуро было и на душе у Шурия.

Попрощавшись со своими близкими, с котомками за плечами мальчишки зашагали на станцию.

Перейдя через Москву-реку и поднявшись на взгорок, они последний раз посмотрели на свою деревню. Там у изб стояли женские понурые фигурки и махали платками. Шурей долго-долго на своем лице ощущал прикосновение мягкого бабушкиного рта, видел заплаканные тетины глаза, и у него невольно подкатил к горлу комок.

Помахав в сторону деревни рукой и пересилив себя, он как можно спокойнее сказал своему спутнику:

— Пойдем, Юрка, нам только до Уваровки километров двадцать отшагать надо.

Дорога шла все больше лесом. По краям ее, в мелких елочках, березках соблазнительно торчали грибы, но ребятам было не до них. Даже выбежавший в одном месте на дорогу заяц не сбил их ходкий широкий шаг. Отдыхали только раз, за деревней Наврищи, привалившись к стогу. К станции подошли в полдень. Сесть на поезд не было никакой возможности. У дверей вокзала и с обеих его сторон ходили патрули, и никого не пускали на перрон. Помыкавшись, мальчишки присели в привокзальном скверике на скамейку, достали ватрушки, бутылки с молоком и перекусили.

Однако долго рассиживаться не пришлось: объявили воздушную тревогу, и пробежавший мимо патруль прихватил их с собой. Укрылись они в щели, вырытой недалеко от вокзала, у чайной. Забили зенитки, перекрывая гул самолетов. Где-то

за железнодорожной линией тарахтел пулемет. Потом дважды невдалеке сильно грохнуло, отчего посыпалась со стен земля и заложило уши.

— Засадил все-таки по станции, сволочь, — прокричал загнавший в укрытие мальчишек боец.

Запахло гарью. Высунувшись, Шурей увидел на путях горящие вагоны и дымящийся покореженный паровоз. Около них металась люди, разматывали пожарные шланги. Видимо, налет кончился, потому что перестали бухать зенитки и стал затихать гул моторов. И действительно, вскоре объявили отбой. Мальчишки вылезли. Теперь и думать было нечего о поезде, и они зашагали по старой смоленской дороге к Можайску.

На дороге было оживленно. Натужно гудели машины. Уступая им дорогу, жались к обочинам обозы. Шли солдаты. Везли тележки со скарбом беженцы. По бокам, в кюветах, кое-где валялись остовы обгоревших машин, перевернутые повозки, какое-то дымившееся тряпье.

Идти становилось все труднее. Пройденные километры давали о себе знать: ныли ноги, тяжелели рюкзаки.

У Бородина готовилась линия обороны: противотанковые отвесные земляные стены, доты, траншеи, окопы и всюду — работающие солдаты, тысячи солдат, кони, тягачи, машины.

Вечерело. Из низких клочковатых туч сыпался мелкий, нудный дождь. Первым предложил заночевать Юрий, хотя и был он Шурия постарше.

Мальчишки нашли в окопах углубление, прикрытое настилом бревен, натаскали в него досок, веток, пожевали лепешек и, подложив котомки под головы, уснули.

Проснулись они от грохота. Земля ходила ходунном, сверху и со стен сыпались комья. Не продрав глаза, ребята бросились из ниши, но понять что-либо было невозможно.

Клубы белого рваного дыма неслись по земле, застилая все собою. Казалось, обрушилось небо и теперь тучи утюжат землю.

— Шурей, бомбят!

— А мож, немец подошел?

— Ты побудь, а я разведать, — крикнул Юрка, нырнув в едкое облако.

Со свистом летели осколки, взрывы на мгновения рвали белесую мглу, и тогда обнажалась израненная поверхность поля, рыжая от взрытой глины.

— А если по мне? — вздрогнул Шурей. — И ничего... все исчезнет, исчезну я... Ма-а-а!

— Ты чего здесь орешь? — Справа от него вдруг вынырнул солдат. — Ты как здесь оказался?

— Мы с Юркой в Москву отступаем, от бабушки...

— А Юрка-то где?

— Побежал разведать, почему стреляют.

— Почему?.. Немец подошел. Вот почему. Ну вот что, малец, беги за мной. Вторым номером у меня будешь.

Шурей схватил свой мешок и побежал за удаляв-

— Ты это не очень, пострел, высовывайся,—
прикрикнул пулеметчик на Шурея,—а то опять
мне второго придется подыскивать.

шимися большущими сапожищами, нахватывая на ботинки густую грязь. Миновав несколько изгибов, они остановились. Из-за широкой спины бойца Шурей увидел станковый пулемет и лежащего подле него солдата. Подошли...

— Располагайся справа от меня, ленту подавать будешь.

— А дяденька боец?

— Был бойцом, да теперь не боец и нам не помощник,—разъяснил пулеметчик, бережно поднимая убитого и унося его вправо, за поворот окопа.

— Ты это не очень, пострел, высовывайся,—прикрикнул пулеметчик на Шурея, возвращаясь,—а то опять мне второго придется подыскивать. Кто ж тогда фашистов вместо меня угощать будет?

— Я не высовываюсь, а только смотрите, во-он там, за кустами, фигурки забегали.

— Пора им, сволочам, забегать, вишь, артобстрел прекратился. Устраивайся теперь поудобнее да к земле больше жмись, а ленту прямыми руками. Сейчас и начнем...

Пулемет затрясся, заработал. Шурей, к своему удивлению, заметил, что страх прошел. Он теперь ни о чем не думал, а только видел эти большущие руки, укрощавшие пулемет, это небритое, закопченное лицо с грязной канавкой пота, выбегавшей из-под каски. И все подавал, подавал бегущую к пулемету ленту.

— Ну, пока хватит с вас,—опустил руки боец.—Теперь опять постреляйте, а мы тем временем позицию переменим. Как звать-то, второй?—обратился он к Шурею.

— Саней, а так Шурею кличут.

— А меня Федором, если полностью, Федором Ивановичем, как певца Шаляпина. Фигурой, говорят, и обличьем вроде в него пошел, а вот голосом... Ну, Шурей, ты коробки тащи, а я «максима» сволоку.

Федор Иванович едва успел скатить пулемет в окоп, а Шурей наклонился к коробкам, как разорвавшийся поблизости снаряд оглушил их и осыпал землю.

Как ни старался Шурей потом восстановить в памяти происшедшее, кроме грохота, боли от удара и мгновенного провала в темноту, ничего не мог вспомнить.

Открыв глаза, Шурей увидел свинцовое дымное небо, развороченный, полусасыпанный окоп, уткнувшийся неподалеку стволом вниз пулемет и Федора Ивановича с откинутой рукой.

В голове у него шумело.

— Дяденька,—позвал Шурей,—дяденька Федор,—повторил он, стараясь перекричать трескотню разгоревшегося боя.

Пулеметчик не шевелился.

Тогда Шурей, освободившись от засыпавшей его земли, подполз к Федору Ивановичу и, приподнявшись, заглянул ему в лицо. По заросшей рыжеватой щетиной щеке сочилась от уха кровавая струйка.

— А-а-а!—закричал Шурей, отпрянув от пулеметчика, и на четвереньках пополз прочь.

Выбравшись из куч набросанной взрывом земли, Шурей прислонился к стенке окопа, чтоб отдышаться. Его мутило, как в ознобе, била нервная дрожь. Вдруг из-за поворота окопа вынырнул боец с автоматом.

— Пулемет! Чего молчите?—с ходу крикнул он, но, увидев мальчишку, тяжело дыша, выпалил:

— А это еще что? Ты как здесь оказался?

— Я с дядей Федором. Мы позицию меняли, а тут

снаряд. Меня засыпало, а его,—показал Шурей на пулеметчика округлыми глазами, полными слез,—а его убило.

Боец, отбрасывая землю сапогами, пробрался к пулеметчику и, расстегнув шинель, приложился ухом к груди.

— Живой твой дяденька,— уверенно прокричал он, доставая из кармана флягу,— сейчас мы его...

Боец открутил пробку и поднес флягу к носу Федора Ивановича. Тот застонал и приоткрыл глаза.

— Я говорил! — обрадовался боец. — Ну что, браток?

Федор Иванович посмотрел на бойца и с трудом произнес:

— Ничего... еще повоюем.— Он немного помолчал, с тревогой спросил:

— А мальчонка где?

— Да вон он сидит,— обернулся боец к Шу-
рею.— Его бы в тыл надо.

— Хотел я,—ответил Федор Иванович, садясь.— Да сегодня фашист как с цепи сорвался: и содит и содит. Пропадет малец, если его одного отпустить. Это моя промашка: увлекся слегка, германец и пристрелялся. Теперь посчитаемся...

— Эй, постреленок, ну как ты, отошел? — крикнул он Шурею, поднимаясь на ноги и вытирая рукавом кровь с лица. — Теперь ты боец что надо — обстрелянный!

— Я ничего,— отозвался Шурей, польщенный словами пулеметчика.

— Ну и хорошо, — одобрил Федор Иванович, принимаясь с бойцом откапывать пулемет и очищать его от земли.

Шурей тоже не стал терять времени и, откопав коробки с лентами, подтаскивал их к пулемету.

— Ну, вот спасибо, что выручил,— поблагодарил Федор Иванович бойца,— теперь мы сами. А ты постреляй из автомата, пока мы наладимся, а то как бы немец гранатами не закидал.

Когда застучал пулемет, Шурей вновь ощутил, что затаившийся в нем страх постепенно уходит и в него вселяется озорная удаль, так знакомая ему по деревенским скачкам при перегоне коней в ночное.

Он даже несколько раз высовывался из окопа и наблюдал, как темные фигурки врагов, что-то кричавших и стрелявших на ходу, все чаще падали и не поднимались более. Федор Иванович заметил эти вольности и, на мгновение оторвав руку от гашетки, больно пригнул голову Шурея к земле...

Стало смеркаться.

— Так говоришь, от бабки отступаешь? — спросил пулеметчик, отходя от «максима», закручивая сигарку.

— От нее...

— А звать-то ее как?

— Бабушка Ульяна.

— Ульяна... Ты вот что, воин, они сегодня больше не сунутся, фашист пока еще барин, по ночам отдыхать изволит. Я его повадки знаю. Мы с ним от Борисова знакомство ведем. Так вот пока дрыхнуть будет, тебе тикать надо.

— А вы, как же вы? Ведь завтра он опять попрет.

— Попрет, подлюка! По всему видать, поперет. На прорыв, гад, целит. Сегодня укрепления обрабатывал. Завтра танки пустит...

— Я с вами...

— Глупый ты, Сашок. Тебе жить... А наше дело солдатское. Мне другого пришлют. И кончай говорить... Только помни, постреленок, у кого ты вторым номером был под Бородином — у пулеметчика Иванова... Москве передай: от-сто-им!

Михаил НАЙДИЧ

В атаку

Нет, не был я

богатырем бесстрашным,
Ступающим по утренней росе,
А был я просто

школьником вчерашним,
До срока в бой ушедшим.

Был как все.
Как все, я шел в атаку.

Шел на равных,
Сжимая карабин,

Руками, на которых

Никак не отмывался след чернил.

Дети

Два паренька.

Один, лихой, курносый,
Из снега строит крепость у ворот.

И каждый день —
Как Александр Матросов,
Бесстрашно он

А вот другой, бросається на дот.

почти такой же малый,
Собрал морщинки острые у глаз.
Он старше...

Он почувствовал, пожалуй,
Что это можно сделать
Только раз!

Рахмат ФАЙЗИ,
народный писатель Узбекистана

ЧИНАРА СИЛЬНА СВОИМИ КОРНЯМИ...

Не переступив порога, в дом не войдешь. Мне хочется, юный друг, читатель «Пионера», вместе с тобой переступить порог и войти в большой дом — Ташкент. На правах одного из многих тысяч его хозяев я приглашаю тебя на прогулку по нашему прекрасному городу — по его широким проспектам и дынным рядам на базарах, мимо прохладных фонтанов, пахнущих цветами. Чуть позже я объясню тебе непонятные гостям слова, которые то и дело слышатся вокруг:

- Мы в грузинскую махаллю переезжаем.
- У меня брат в свердловском доме.
- Я сам недалеко от «Украины» живу.

А пока вдоль аллеи Парадов, по мосту через Анхор — дальше, дальше... Вот и пришли мы к одному из двух моих самых любимых домов в Ташкенте. Он стоит в зеленом поясе садов, виноградников, цветников. Место это называется Кукча. Сорок лет назад в этом доме жили Шаахмед и Бахри Шаахмудовы. Он кузнец, она его жена и помощница. Славно жили, дружно. Хорошо бы им так и дальше жить, да пришла на нашу землю война.

Ташкент был далеко от фронта. Но здесь, как и в любом другом доме нашей страны, люди

работали день и ночь, ковали оружие для победы.

Город принимал эшелоны с ранеными, принимал сирот. А поезда все шли и шли — война была безжалостной, страшной. К приходу таких эшелонов ташкентский вокзал заполнялся толпами, в основном плачущими женщинами — кто с узелком чистого белья, кто с лепешкой, кто с горстью сушеных фруктов. Многие уводили детей к себе домой. Дети!.. Они выглядели старше взрослых, не смеялись и уже не плакали, глаза их казались неживыми.

Когда пришел первый эшелон, Шаахмудовы взяли двоих детей, а всего они приютили четырнадцать малышей. Нет, не приютили, конечно, это неудачное слово. Ввели в свой дом как родных: «Все здесь — твое, ты — наш». Четырнадцать мальчиков и девочек разных национальностей... Теперь это их дети. Согретые отцовской любовью и материнской лаской, детские души оттаивали, и появлялись на лицах первые улыбки, и дом наполнялся звонкими детскими голосами. Прошла война, выросли все дети Шаахмудовых. Все смогли выбрать себе профессию по душе, в их большой семье есть слесарь, горный инженер, ткачиха... Выросли дети, и некоторые уехали из отчего дома. Теперь из Караганды, из Ангрен, из других мест идут в Ташкент теплые, ласковые письма. А оставшиеся построили дома рядом с родительским. Так улица ныне и называется — улица Шаахмудовых. Старый кузнец уже умер. Но каждый вечер почтеннейшая Бахри-апа обходит все дома, справляясь у своих детей о здоровье, о делах, о благополучии в семьях. А потом садится писать письма тем, кто живет уже не здесь...

26 апреля 1966 года в город пришла новая беда — ташкентцы были разбужены подземными толчками. Землетрясение! Оно превратило центральную часть города в развалины. Около ста тысяч семей остались без крова. Люди ночевали на улицах, площадях. Магазин — в палатке, аптека — в палатке...

Шаахмудовы еще раз доказали, что их сердца не остыли, что они так же мгновенно отзываются на беду, как много лет назад. Семья старого кузнеца обратилась с призывом к жителям города, чьи дома уцелели, потесниться, пустить под свою крышу пострадавших.

Их призыв, конечно, был услышан, их пример увлек многих. И все же... Город жил трудно.

Многие предпочитали ночевать в легкой палатке на улице, чем за кирпичной или бетонной стеной. Это естественное чувство страха перед внезапными ночными толчками, когда трещит, раскачивается дом и не знаешь, куда бежать.

Чтобы построить всем новое, крепкое жилье, неподвластное толчкам, надо было сначала снести развалины. И город превратился в огромную строительную площадку. Пыль, грохот, жара, надписи на палатках: «Трясемся, но не сдаемся».

Ташкент быстро очистился от мусора. В городе стало много пустырей. Не верилось, что их можно быстро застроить. Но город был не одинок: строила большая, могучая страна.

В столицу Узбекистана один за другим поехали строительные поезда. Все республики — все! — послали в Ташкент мощные рабочие отряды. Поступали денежные переводы в фонд восстановления города. Присылали подарки пионерские отряды, школы: «Мальчику или девочке, пострадавшим от землетрясения». Детей по возможности вывезли из столицы — на Черное море, в подмосковные пионерские лагеря.

Вот и добрались мы до второго моего любимого дома. Он стоит в массиве «Октябрь» по улице Ильича. Ничем вроде не примечательный, небольшой дом посреди нового квартала.

Феодосия Геннадьевна Максимова жила с дочерью Ниной в Севастополе. Известие о беде в Ташкенте так взволновало их, что они решили собрать все свои средства, купить сборный дом и отправить его в Ташкент. Так и сделали. В доме поселилась семья рабочего Азимходжи Исламходжаева. Один из двоих сыновей Азимходжи, погибших в Великой Отечественной войне, геройски пал в боях за Севастополь. Потом две породненные семьи встретились — Максимовы приезжали в Ташкент.

Это ли не символ дружбы, братства всех людей страны Великого Октября!

Вот что я хотел рассказать о двух небольших домах в нашем городе.

Ташкент давно отстроился, стал городом чудесной архитектуры, разумной планировки. Есть метро. Здания украшены мозаикой, национальными орнаментами народов нашей страны. На фронтонах, балконах, стенах зданий теплые слова — пожелания ташкентцам мирной счастливой жизни. Слова на разных языках — от друзей, приехавших к нам на помощь из всех республик. Очевидно, теперь тебе стали понятны мои слова про свердловский дом, про грузинскую махаллю? Да, квартал, который строили украинцы, зовут «Украиной», здания, созданные руками ленинградцев, именуют ленинградскими. А дом, где живут Исламходжаевы, носит звание севастопольского.

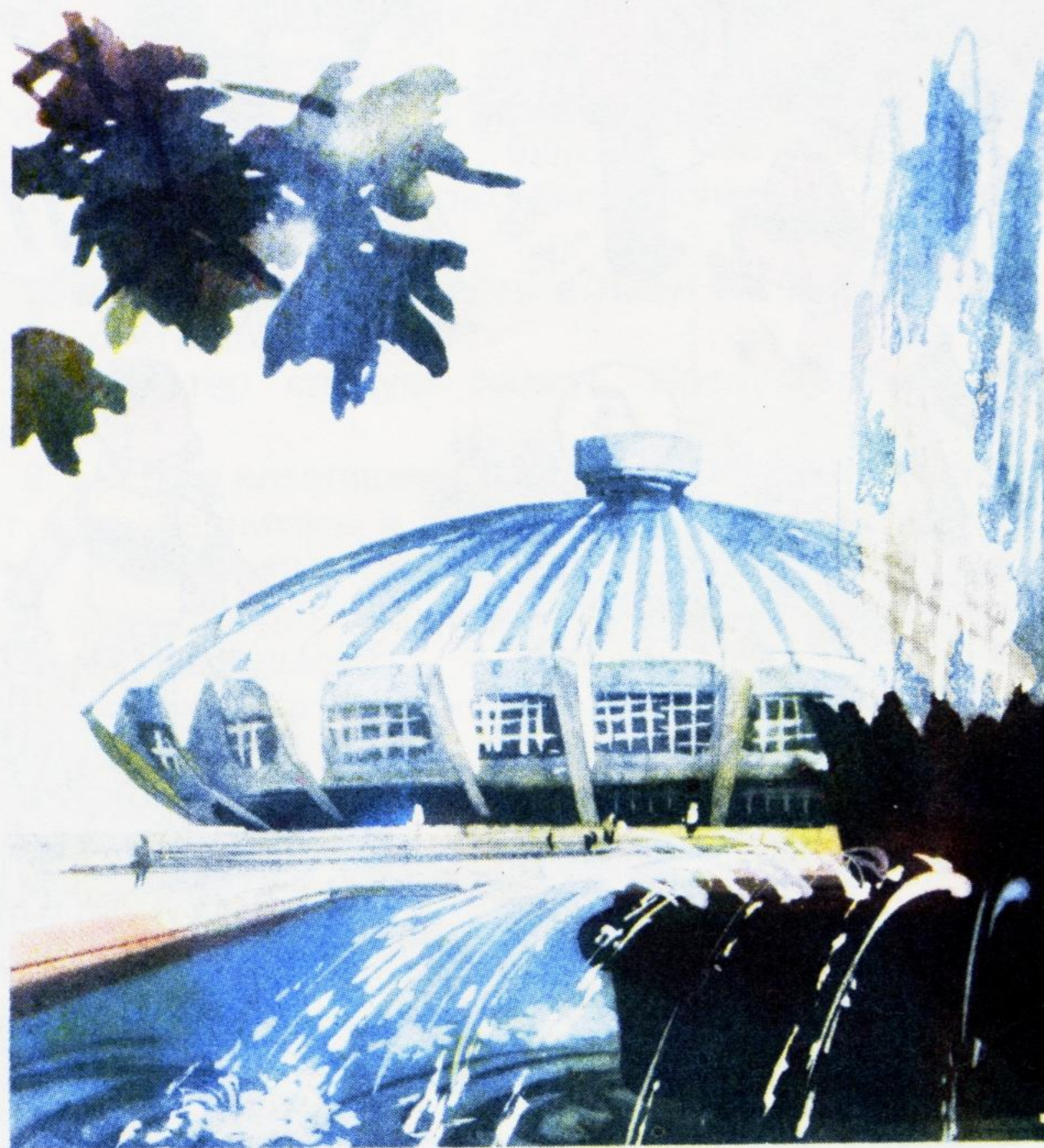
Когда-то писатель-сатирик Салтыков-Щедрин писал о Ташкенте так: «Если вы находитесь в городе, о котором в статистических таблицах сказано: жителей столько-то, приходских церквей столько-то, училищ нет, библиотек нет, богоугодных заведений нет, острог один и т. д., — вы можете сказать без ошибки, что

находитесь в самом сердце Ташкента». Что ж, так было.

Ныне Ташкент — культурный центр Средней Азии, город крупнейших международных форумов, симпозиумов, конференций, кинофестивалей... Город — маяк советского Востока.

У узбеков есть хорошая поговорка: «Чинара сильна своими корнями, человек — своими друзьями». Мы горды, счастливы, что у нас, узбекского народа, многие миллионы верных друзей, братьев. Все, кто живет в нашей стране, кто сверяет ход своих мыслей и биение сердца с боем Кремлевских курантов, — наши друзья, братья.

Рисунки В. ДУДКИНА.

1

7

14

21

2

8

16

15

3

9

17

4

10

18

5

11

12

19

6

13

20

25

ЛЕСНЫЕ ТРОПИНКИ

1. Вы на опушке леса. Путешествие начинается.
2. Какая необычная коряга! Передвигайтесь на № 2 и посмотрите, что можно из нее сделать.
3. Прекрасная скульптура получилась. Продвигайтесь на № 4.
4. Ну как не сфотографировать белку! Можно даже пропустить ход.
5. На земляничной полянке стоит задержаться и пропустить ход.
6. Перебирайтесь через бревно и идите на № 7.
7. Как не заслушаться соловья и не пропустить ход!
8. Пропустите ход и запишите его пение на магнитофон.
9. Муравьиную кучу нужно обязательно обойти и двигаться на № 11.
10. Пропустите ход и помогите выпавшему из гнезда птенцу.
11. Помогите застрявшему олененку, хотя для этого нужно пропустить ход.
12. Как приятно полежать на лужайке! Пропустите ход и полежите.
13. Найдите в кустах кепку и двигайтесь сразу на № 15.
14. Дождик нужно переждать. Переждите и двигайтесь на № 16.
15. Сова работает в «ночную смену». Тихонько обойдите ее и идите на № 17.
16. Помогите медвежонку вынуть занозу. Пропустите ход.
17. Собираем лекарственные травы и движемся на № 19.
18. Пропустите ход и отдохните на пеньке.
19. С дерева высматриваем костер и движемся сразу к нему, на № 24.
20. Определяемся по компасу и идем на № 24, к костру.
21. Собираем грибы и идем к роднику на № 22.
22. Набираем воды и идем на № 24, к костру.
23. Очень приятно выпить родниковой воды. Можно даже ход пропустить.
24. Костер нужно обязательно окопать. Пропустите ход и окопайте.
25. Прекрасно пообедать в лесу! Не жалко даже пропустить ход.
26. Костер следует залить. Пропустите ход и залейте.
27. Если о незагашенном костре вспомнили, отойдя от него, вернитесь и залейте.
28. Вспомнили, что, отдыхая на лужайке, забыли там фотоаппарат. Вернитесь на № 12. В лесу нужно быть внимательным.
29. Найдите в цветах бабочку и идите на № 30.
30. Перед выходом из леса нужно подождать отставших товарищей. Пропустите ход и подождите.
31. Вот теперь все в сборе, можно идти домой. Путешествие закончилось.

Побеждает в этой игре тот, кто позже других выйдет из леса, ведь чем больше погуляешь по лесу, тем больше прибавится сил и здоровья.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Владислав ШАПОВАЛОВ

Рисунок А. ГРИШИНА.

Синий лен

РАССКАЗ

Пришлось по делам съездить на дальние хутора. Дорога была ровной, лошади шли дружно. Мой возница Семен Гордеевич, или просто Гордеич, как мне представили его, сидел на телеге боком, держал в руке витой кнут.

— К обеду вернемся? — пытался я завязать разговор.

Гордеич не ответил.

Ехали молча. Слева от нас, куда ни глянь, колосились хлеба, справа частил стволами, помигивая небом, раскидистый сад, обнесенный в два ряда тополями, которые бросали на дорогу зубчатую тень. Лошади подхватывали

ее с земли на спины, кидали в телегу. Густая рябь зайчиков мельтешила в глазах, металась на руках. Забавная игра светотени ничуть не занимала моего Гордеича. Он все так же неподвижно сидел на телеге, смотрел на кончик кнута. Земля была ему привычна и обыкновенна. Он честно работал на ней.

Выбрались на простор — ударило солнце. Солнце парило, из-за горизонта заходила туча. Иссиня-темная, она угрожающе нависла над землею и блеснула молнией. Послышался гром.

— Успеем? — указал я на тучу, пересекающую нам дорогу.

Гордеич оторвал от земли хлыстик, занес над лошадьми.

Лошади сами чуяли грозу и дружно упирались в шлею, откинув назад, к телеге, пышные хвосты, и дробно перебирали копытами.

Раздался близкий светящийся треск. По небу что-то с грохотом прокатилось. Солнце померкло.

Вскоре впереди, на дороге, начали вспыхивать редкими дымками, точно от пуль, первые увесистые капли. Капли шевелили травы, шлепались лошадям на спины, дробились на руках.

Я поднял воротник и съезжился.

Наконец за пригорком свечою начал подниматься стройный тополь, и рядом, точно из земли, прорезалась углом в небо крыша.

Мы долго стояли под нахлобученной стрехой, все плотнее прижимаясь к стене; вода, отгородив нас словно сплошным упругим стеклом, подступала к ногам. Сквозь него мы смотрели на шумящий в дожде тополь, на лошадей с поникшими головами, на цветущее поле льна. Поле бушевало синим кипением.

— Ну как, Гордеич! — глянул я на его сапоги, все в рябых отметилах.

Моим щегольским туфлям досталось больше, но мне почему-то стало весело.

— Надо уходить, — впервые ответил он мне и глянул на мои лакировки.

Рискуя задеть плечом эту водяную занавеску, мы просунулись в сенцы.

В доме было сумрачно, синие стены вспыхивали пепельным светом молний. У окна сидели мальчики — старший и младший. Мальчики рассматривали картинки. На подоконнике лежали листы, вынутые из журналов.

Коротко стриженные головы мы заметили еще издали, подъезжая к хутору; мальчики смотрели, как мы скачем под дождем. Глаза их были синие. То ли от грозы, то ли от цветущего льна.

Я поздоровался, и мальчики повернули по очереди головы, осмотрели нас непризнающими взглядами.

На журнальных листах я заметил знакомые издавна, известные всему миру пейзажи.

Мальчики рассматривали картины, а мы стояли, мокрые, и смотрели в окно.

За окном, точно в раме, стояли, опустив головы, лошади; блестела, точно покрытая лаком, телега, шумел густою синею капелью лен.

Но вот откуда-то из-под синей тучи подмигнуло солнце. Его не видно, однако оно чувствуется во всем, до сверкающей уздечки. Редкие косые линии затихающего дождя слегка смазывают картину, отчего она кажется еще сказочней: синяя, как лен, высь и синяя, как небо, земля.

— Ух ты! — воскликнул малый, заметив, что мы смотрим куда-то мимо них, в окно, на лошадей, на телегу, цветущий лен.

Старший тоже оторвался от глянца. Посмотрел в окно, толкнул рукой раму. Обе половин-

ки раскрылись, и в комнату вошел волнующий запах прошедшей грозы, напоенной земли, синего, не пахнущего цветами льна и теплого солнца.

— Давай нарисуем! — вдруг предложил младший.

Старший не ответил, а с вызовом рванул из тетради лист и потянулся к ручке. Младший принес чернил. Чернила были синими.

Мой Гордеич смотрел непонимающими глазами, будто впервые видел лен не в холсте, не в рубахе, а в голубом неостановимом цвету. Он всю жизнь прожил как бы склонясь, а теперь разогнулся и увидел ее, землю: лошади с вымытыми гривами, сияющая телега, поле в цвету льна. А в той же оконной раме — две мальчишеские головы.

— А назовем как? — спросил младший.

— Ну... — замялся другой.

Они долго не могли придумать название и не знали, с чего начать.

— Гроза, — подсказал я.

Ребята повернули ко мне головы. Грозы уже не было, и я не понимал их мыслей. Но, догадавшись, тут же поправил себя:

— Лучше — «После грозы».

Я думал о возрождении земной красоты после грозы, о том, как она может влиять на человека, меняя настроение. Лучшего названия, казалось мне, придумать нельзя.

— «Синий лен», — просто сказал Гордеич.

Мальчик свысока глянул на кипу гляцевых вкладок — собрание всех галерей мира, — придвинул к себе тетрадный лист, мокнул перо.

Дождь прошел.

Мы вышли на улицу. Свежий воздух, разбавленный слегка грозovým озоном, бодрил.

Где-то в облаках матовым сиянием проявилось высокое солнце. Дышалось легко и свободно. Цветущий лен, омытый дождем, горел синим пламенем. Гордеич подошел к телеге, замер, вглядываясь в дали. Смотрел он на мир детскими глазами старика. Глаза его отражали синь льна. Или неба. Или молодости.

Он подошел к лошадям, поправил на блестящих спинах упряжь, — и ходил вокруг не по возрасту бодро, и старался не хромать и все поправлял, доставая из-под низу, где посуше, сено, чтобы хорошо было сидеть.

Мне же не хотелось уводить лошадей, ломая пейзаж, дабы вышел «Синий лен».

— Поедем, — сказал он деловито.

Я повернулся и увидел, что у него совсем иное, чем было прежде, лицо. Что хмурь была лишь в бровях, а глубокие морщины на лбу означали не безысходную старость, а мудрость. Я взобрался на телегу, он сел плотно рядом.

Мягко, точно по соломе, катилась телега, наматывая на колеса и тут же сбрасывая ленты земли, плыло рядом синее поле.

А в окне, что у самого тополя, долго еще виднелись две головы, склонившиеся друг к другу.

СЕГОДНЯ В ВЫПУСКЕ:

- Великий сын болгарского народа.
- Жестоко эксплуатируется детский труд в мире капитала.
- Еще одно государство сбросило колониальные оковы.
- Возрождение вьетнамской деревни.
- «Отверженные» — так можно назвать безработных в буржуазном обществе.
- Будущее велосипеда. Каким ему быть?

18 ИЮНЯ — СТО ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕОРГИЯ ДИМИТРОВА

ПЕРВЫЙ БОЙ С ФАШИЗМОМ

Его арестовали в феврале 1933 года по доносу нациста.

Фашизм еще только-только пришел к власти в Германии, но уже спешил показать свои зубы. И, конечно же, первой жертвой должен был стать коммунист. Притом такой, которого бы хорошо знали не только в своей стране, но и во всем мире.

Но арестовать без серьезного обвинения было бы незаконием даже для фашистского правительства. Тогда гитлеровцы пошли на провокацию: они подожгли рейхстаг и заявили, что это дело рук агентов Компартии Германии и Коммунистического Интернационала. И арестовали Георгия Димитрова как главного зачинщика поджога.

Его бросили в сырую камеру одной из самых страшных тюрем Германии — Моабита. Не давали газет, запретили переписку, надели наручники. Тюремщики старались изо всех сил сломить волю этого человека. Только физических пыток применить не решились. Судилище должно было быть открытым, все о нем знали, и следы пыток на обвиняемом могли сорвать замыслы фашистов.

Кто знает, что творилось в душе узника Моабита в те долгие дни и бессонные ночи перед процессом. Наверное, ему вспоминалась родная Болгария, София...

В юности он много читал. Учиться не пришлось. С двенадцати лет надо было идти работать. Но грамоту он знал, имел способность все схватывать

на лету и потому был принят учеником наборщика в типографию. Вскоре мальчик стал настоящим наборщиком. Своим мастерством он добился уважения старших печатников, и они как равного приняли его в профсоюз.

Он с улыбкой вспоминал лица старших товарищей по типографии. Им Георгий обязан первыми знаниями. От них узнал имена Маркса, Энгельса, болгарского социалиста Благоева и русского Плеханова... В типографии ему дали прочитать роман Чернышевского «Что делать?», и с тех пор Рахметов стал любимым героем Димитрова. В типографии же юный Димитров дал свой первый бой за дело трудящихся.

Это было в 1898 году. Хозяин типографии вызвал к себе Димитрова и положил перед ним свою статью. Ярый противник революции, хозяин ругал в статье рабочих, которые вышли на первомайскую демонстрацию. Называл их «бездомными пьяницами и ворами».

— Срочно набери в сегодняшний номер газеты!

— Сначала вычеркните «бездомных пьяниц и воров». Я тоже рабочий.

— Ты — мальчишка, щенок! Я тебя выгоню, и ты подохнешь с голоду под забором...

Но шестнадцатилетний паренек уперся: «Выгоняйте, но набирать не буду. Я — рабочий, и ваши слова меня оскорбляют!»

Хозяин не посмел выгнать Георгия. Рабочие типографии поддержали молодого наборщика. Так впервые он вступил в борьбу и выиграл свой первый бой. Сколько их было потом, самых разных сражений! И ни в одном из них Димитров не отступил, не изменил себе. Не отступит и в этот раз...

В зал суда он вошел с гордо поднятой головой. Вошел судить, а не быть судимым. Его обвинительная речь стала приговором фашизму. Димитров разоблачил не только истинных поджигателей рейхстага. В их лице он разоблачил бесчеловечную идеологию фашизма, показал всему миру опасность нарождающегося германского милитаризма и призвал людей к бдительности, к борьбе за мир.

Память о Георгии Димитрове свято чтут не только на его родине, в Болгарии, но и в нашей стране. Имя Димитрова носят города и поселки, улицы и океанские суда, школы и пионерские дружины. Это имя носит и комсомол Болгарии, и ее пионерская организация.

УКРАЛИ ДЕТСТВО

Учитель французского языка строго смотрел на одиннадцатилетнего Альфредо. Он не любил этого второгодника.

— Расскажи о себе, несчастный тупица, — сказал учитель.

Путаясь в спряжениях, медленно подбирая французские слова и запинаясь, Альфредо начал: «Я маленький неаполитанец. Я работаю в авторемонтной мастерской. Сейчас я болен, но должен ходить на работу, иначе хозяин меня уволит...»

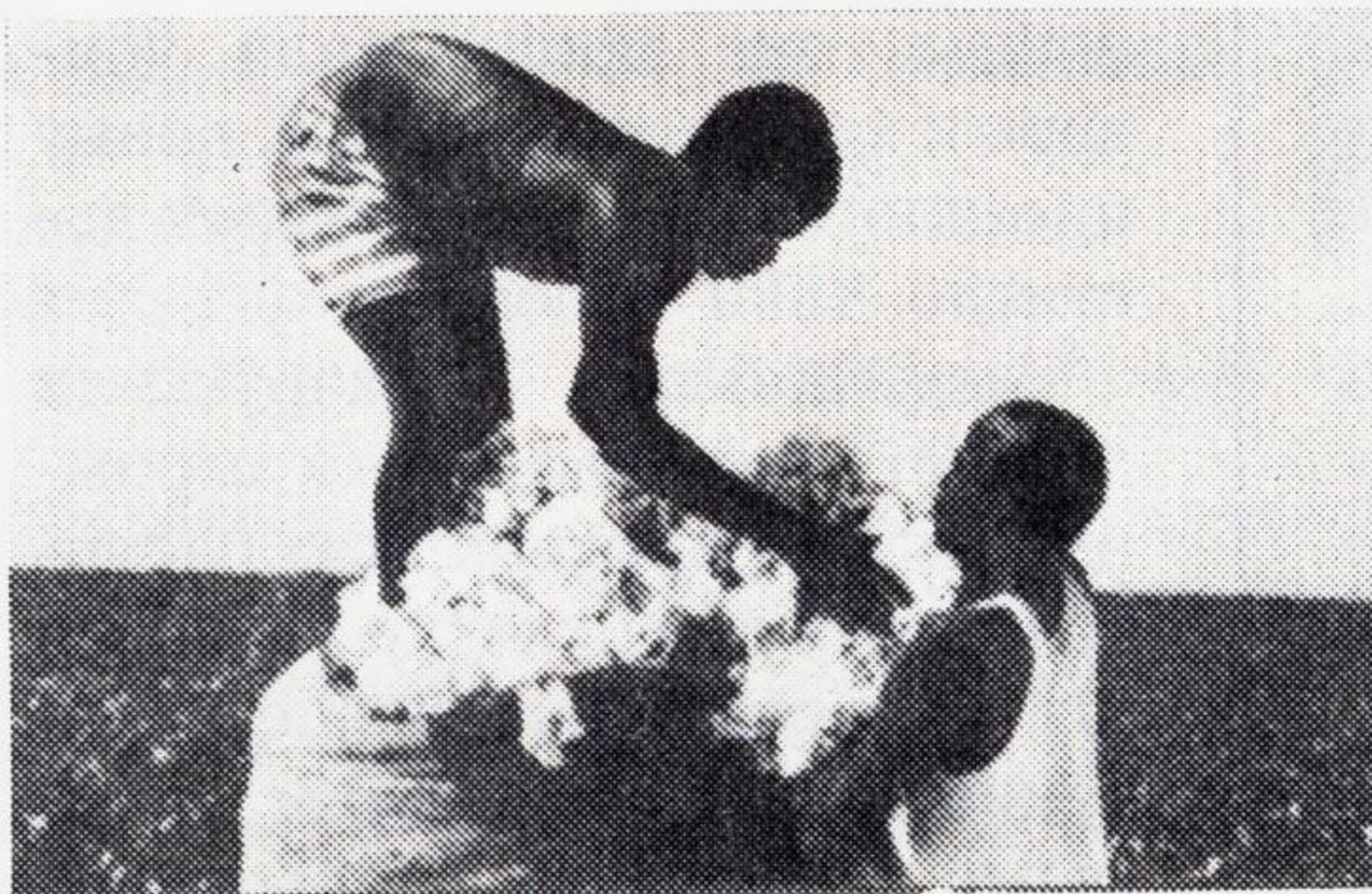
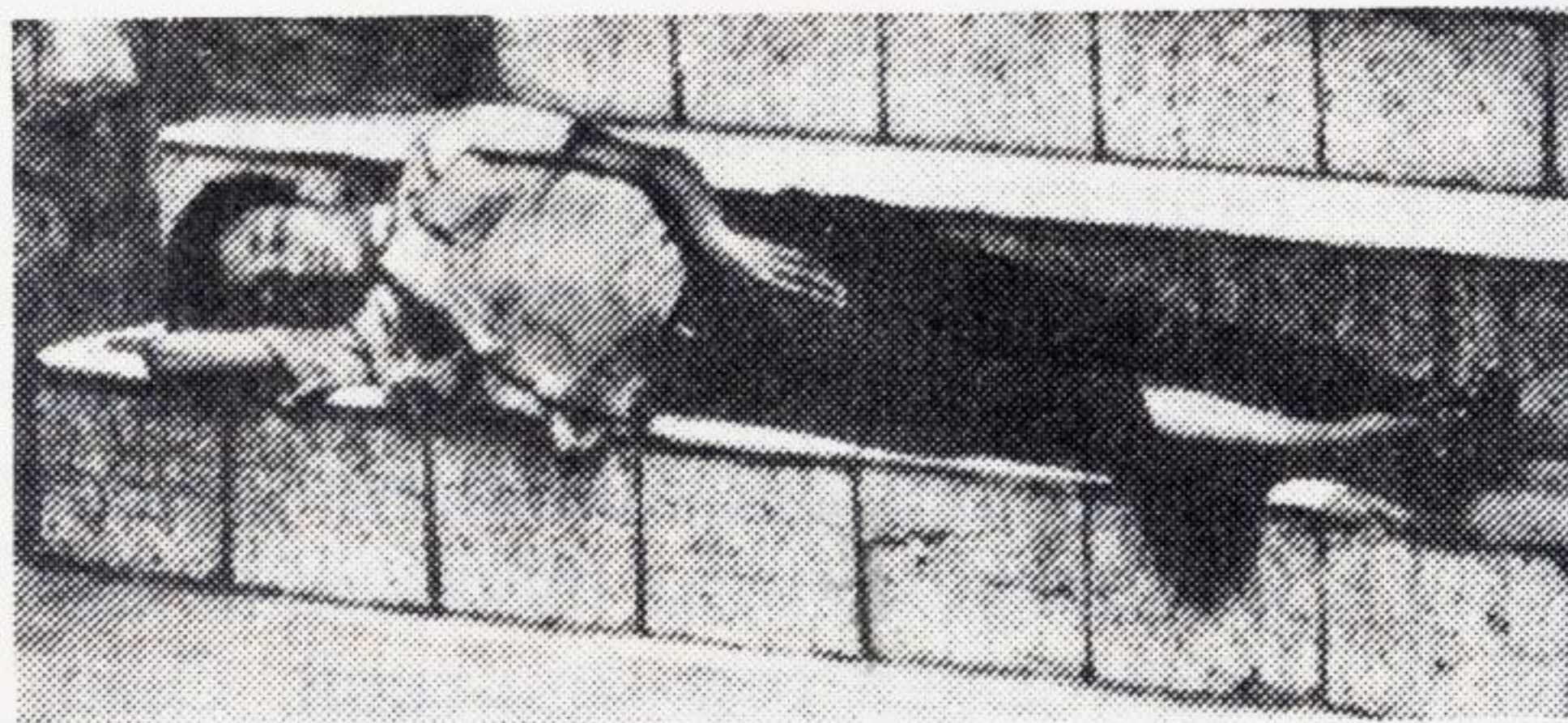
Италия стоит на первом месте среди стран Западной Европы по эксплуатации детского труда. В Неаполе фабриканты основали десятки тысяч мастерских, в которых ребята трудятся по десять часов в сутки. По официальным данным, таких несовершеннолетних рабочих в Италии полмиллиона. Однако многие экономисты считают эту цифру явно заниженной. «Если бы в один прекрасный день все дети Неаполя решили бросить работу, — пишет итальянская журналистка

Элеонора Пунтилло, — промышленники не перенесли бы такого удара».

Поскольку итальянское правительство не очень стремится защитить детей от эксплуатации, им приходится бороться за свои права самим.

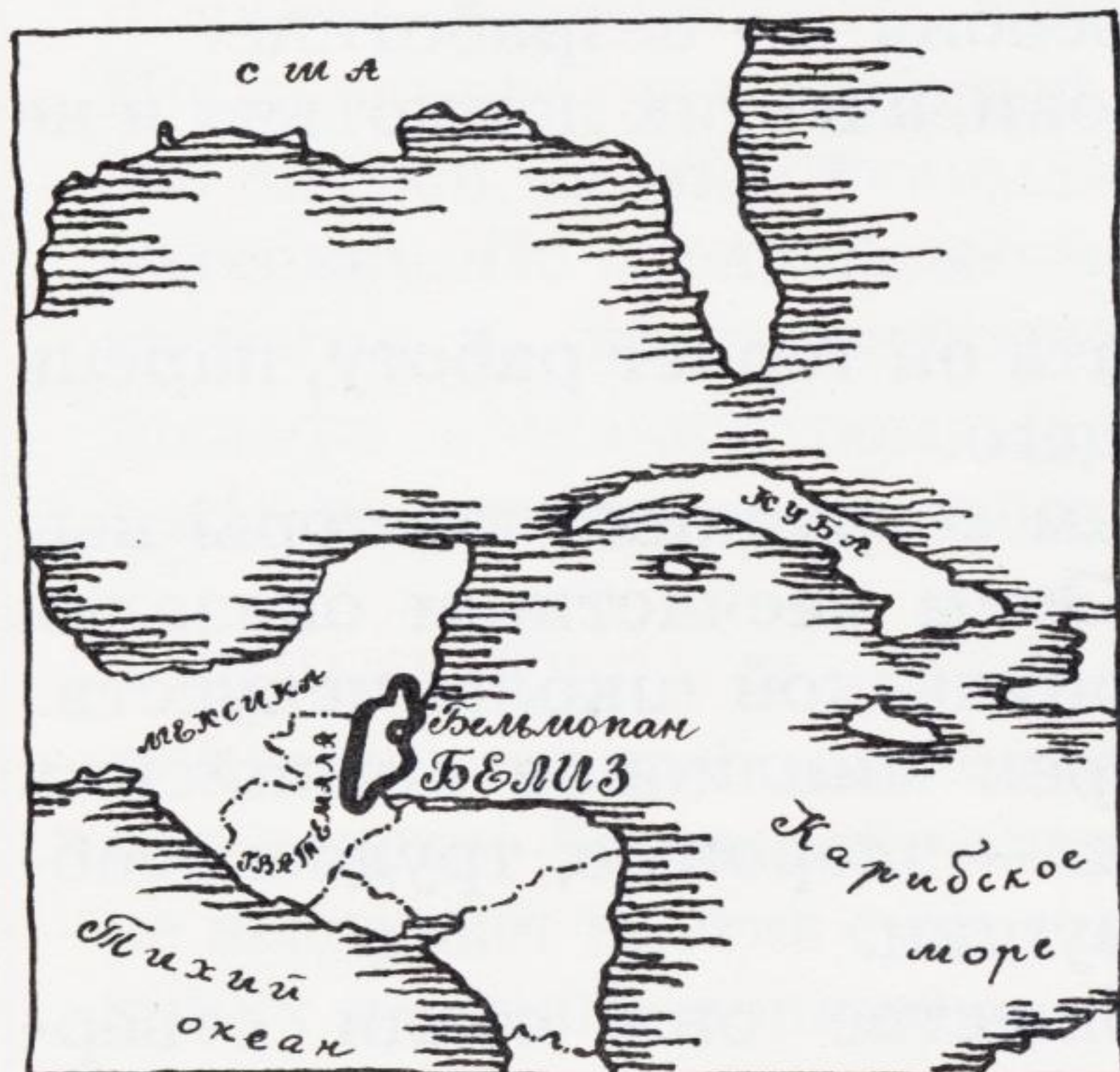
В небольшом городке Грави-

на недавно организован «мальчишеский профсоюз» для защиты прав малолетних рабочих. Руководитель его — Лука Варрезе. Он с двенадцати лет работает на стройках и на себе познал все хозяйские «милости». Молодой рабочий горячо призывает ребят бороться против эксплуатации детского труда. Луке Варрезе удалось объединить пятьсот подростков, а «мальчишеский профсоюз» поддерживают сейчас крупнейшие профессиональные объединения Италии.

У ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

Белиз отстаивает независимость

Белиз — это страна-плантация сахарного тростника и цитрусовых. Полоска суши в 23 тысячи квадратных километров с населением 160 тысяч человек. В 1862 году Белиз стал английской колонией.

Сто с лишним лет Великобритания беззастенчиво грабила небольшую латиноамериканскую страну. И только в сентябре 1981 года, после длительной борьбы трудящихся против колонизаторов, Белиз добился независимости.

Много трудностей у белизцев в строительстве новой жизни. Так, например, до середины нынешнего столетия Белиз славился на весь мир своими кедрами и красным деревом. Но иностранные компании безжалостно истребили леса, продавая в огромных количествах ценную древесину. Сейчас белизцы прилагают большие усилия, чтобы восстановить леса и создать собственную деревообрабатывающую промышленность. Год назад в Белизе обнаружили значительные запасы нефти в континентальном шельфе. И тут же объявился претендент на белизскую нефть — соседняя Гватемала. Ее недавний правитель, генерал Ромеро Лукас, ссылаясь на какое-то никому не введомое «право», стал требовать для Гватемалы нефть. И не только нефть, но и дороги, порты, прибрежные острова Белиза.

Узнав об этом, забеспокоилось правительство Великобритании. «Владычица морей» не намерена делиться богатствами своей бывшей колонии с банановым диктатором Лукасом. В ответ генерал Лукас закрыл границу с Белизом и разорвал консульские отношения с Великобританией.

Трудящиеся Белиза решительно противостоят попыткам империалистов закабалить их родину. Белизцы хотят сами распоряжаться своими природными богатствами. И этого права никто у них не отнимет.

На пепелище деревни Сонгми

Во Тхи Лин никогда не забудет тот день. 16 марта 1968 года рота американских десантников под командой лейтенанта Уильяма Колли ворвалась в ее родную деревню. С того дня название Сонгми стало для вьетнамцев таким же символом, как для белорусов Хатынь, французов — Орадур, испанцев — Герника. Всех, кто не успел скрыться в джунглях, американцы выгнали из хижин и расстреляли. Более 600 женщин, детей и стариков погибли от рук палачей. Деревню сожгли из огнеметов.

Во Тхи Лин потеряла отца, мать, сестер. Всего 13 родственников.

После войны Лин вместе с оставшимися в живых крестьянами строила в Сонгми новые дома, кирпичный завод и фабрику по производству мине-

ральных удобрений. Она помогала очищать поля от неразорвавшихся бомб, мин и снарядов. Землю провинции Нгиабинь, где расположена деревня, американцы буквально наспиговали взрывчаткой. Семь лет, прошедших с окончания войны, она продолжала убивать и калечить людей. К концу прошлого года число жертв достигло 8600 человек.

Американцы разрушили дамбы, уничтожили на огромных пространствах всю растительность до последней травинки. Они погубили целые плантации кокосовых пальм, которыми когда-то славилась здешняя местность. Поэтому первое, что сделали крестьяне, вернувшись из джунглей на родное пепелище, — посадили новые плантации. Это было пять лет назад. А сегодня паль-

мы провинции дают урожай до 10 миллионов орехов.

— Нам ничуть не труднее, чем остальным жителям центрального побережья, — говорит мужественная Лин. — Но мы стараемся сделать все, чтобы нашим детям жилось лучше.

Из кирпича со своего завода жители Сонгми построили школу и детский сад. Это были первые кирпичные здания в деревне. Тяжелая мотыга, серп, коромысло, на которое подвешивают корзины, — вот и весь сельскохозяйственный инвентарь земледельцев Сонгми. Но они трудятся на земле, политой кровью их близких. И это всегда в памяти.

— Приезжайте к нам лет через пять, — приглашает Лин, — вы тогда не узнаете нашей деревни!

ОТВЕРЖЕННЫЕ XX ВЕКА

В одну из контор социального страхования английского города Ливерпуля вошел молодой человек.

— Сэр, я сдал экзамены на ученика чертежника, — обратился он к служащему.

— Значит, я снимаю вас с пособия по безработице?

— Но мне не на что купить брюки, а в этих лохмотьях я не могу представиться хозяину.

— Это нас не касается.

В отчаянии, что из-за бюрократа он теряет работу, парень бросился с кулаками на служащего.

Привыкшие к подобным сценам сотрудники конторы вытолкали несчастного на улицу. Этим несчастным оказался Стив Макгэрти, выпускник ливерпульской школы искусств.

Макгэрти разделяет судьбу трех миллионов английских безработных. Большинство из них — здоровые, трудоспособные, образованные юноши и девушки.

Но в капиталистическом обществе они стали отверженными.

Транспорт будущего — ...велосипед!

Велосипед — давний друг человека. Его изображение можно найти даже на стенах Помпеи. В середине XVIII века катание на велосипеде было одной из любимейших забав европейской аристократии.

Настоящую популярность велосипед приобрел во второй половине прошлого столетия, когда в США и Англии появились первые дороги с асфальтовым покрытием. В 1885 году Джон Старлей создал первую модель современного велосипеда. С тех пор минуло почти столетие, но конструкция Старлея оставалась неизменной. Для отдыха и занятия спортом она вполне устраивала человечество. В путешествиях на дальние расстояния у людей уже был автомобиль. Его-то они и принялись совершенствовать.

Во второй половине XX столетия автомобили наводнили дороги, создавая пробки и отравляя воздух. А тут еще обнаружилось, что запасы горючего не беспредельны, что нефть и газ нужно экономить. В результате в авиации возрос интерес к давно заброшенным воздушным шарам и дирижаблям, во флоте — к парусникам, а в городах — к велосипедам.

Недавно американцы подсчитали, что ежедневно только в деловой центр Нью-Йорка Манхэттен на велосипедах приезжают до 4 тысяч служащих. Осенью прошлого года забастовали рабочие-транспортники. В первый же день забастовки количество велосипедов в Манхэттене удвоилось, а затем продолжало прибывать. В погожие дни число их доходило до 50 тысяч. Впрочем, страсть к велосипеду обуюла не только ньюйоркцев. По недавним подсчетам, число велосипедов на дорогах США за последние двадцать лет возросло с 23,5 до 95

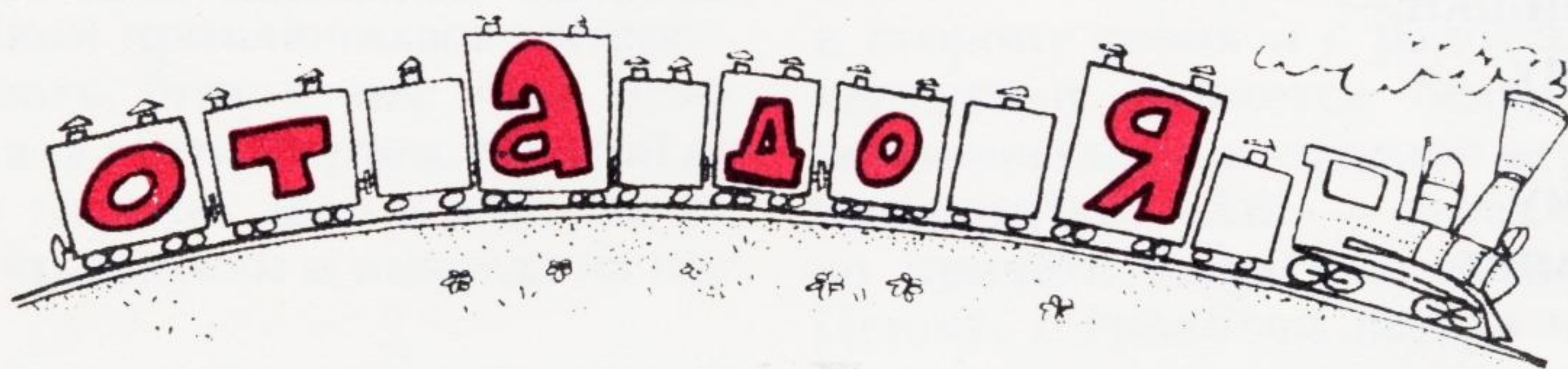
Экспериментальная американская модель «Вектор» — может быть, таким будет велосипед будущего. Обтекаемый легкий корпус из стекловолокна, прозрачный колпак дает почти круговой обзор. В варианте для массового выпуска предусматривается немного поднять спинку сиденья, убрать колеса и зубчатку в чехлы. Средняя скорость такой машины — 50—60 километров в час.

миллионов. А ведь это самая «автомобильная страна» в мире!

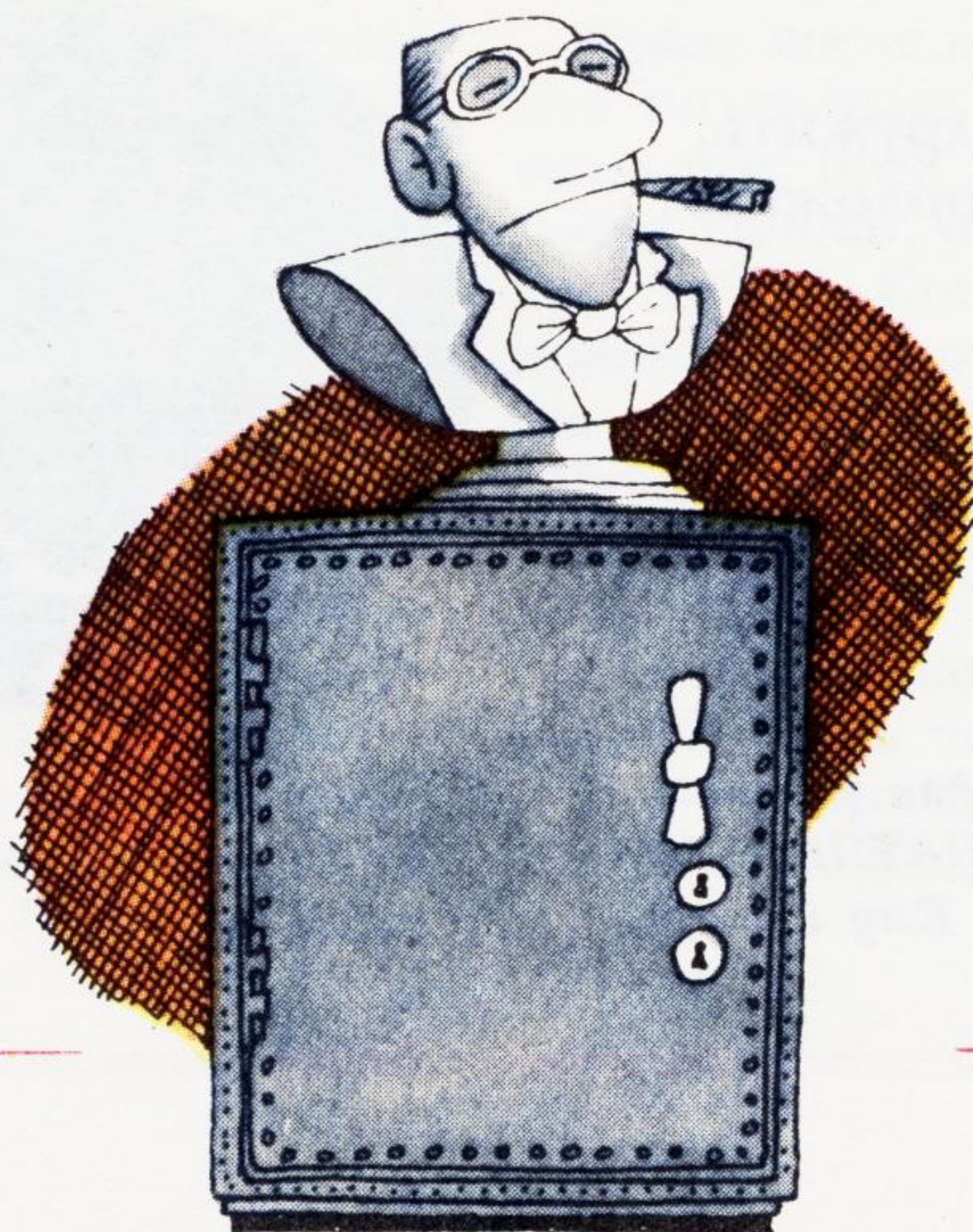
Хозяева велосипедных фирм поняли, что для них открылся новый бизнес, и наперегонки бросились совершенствовать велосипед. В результате появились трех- и четырехколесные велосипеды, по скорости и комфорту приближающиеся к автомобилю.

Эксперты предсказывают, что к 1985 году начнется массовая продажа трех- и четырехколесных моделей, а к 1990 году они должны окончательно вытеснить с рынка своих двухколесных собратьев. Начнется эра третьего поколения велосипеда.

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ШЕЛЬФ — прибрежная часть Мирового океана с глубиной до 200 метров. Шельф окаймляет материки. По предположениям ученых, в континентальном шельфе залегают огромные запасы полезных ископаемых.

ЛОЯЛЬНОСТЬ — соблюдение законов и требований органов власти. Лояльный человек не выступает против существующих в стране порядков.

МАГНАТ — богатый знатный человек, представитель высших кругов аристократии. Часто магнатами называют крупных промышленников и банкиров.

МАНДАТ — документ, который подтверждает права и обязанности делегата, депутата, политического деятеля. Например, мандаты выдаются депутатам Верховного Совета СССР, делегатам съездов.

«Я пишу вам из далекого приморского поселка Дальнегорска. Наш поселок очень красивый. Он окружен со всех сторон сопками, которые весной покрываются розовыми цветами. Это цветет багульник. Мне 13 лет. В школе мой любимый предмет — литература. Я много читаю. Особенно я люблю стихи. Уже два года прошло с тех пор, как я сочинила свое первое стихотворение. Я еще никому не читала своих стихов, кроме мамы и папы. А теперь вот решила послать их тебе, «Кораблик». Света ВОРОНКОВА.

Дети Земли

В каждой деревне
И в каждом селе,
В городе каждом
И в каждой стране
Есть ребятишки —
Девчонки, мальчишки, —
Каждый по-своему
Счастья желает.
Каждый по-своему
Жизнь представляет.
Черные дети
И желтокожие,
Белые, —
Все друг на друга похожие.
Дети планеты должны все дружить,
Войнам должны мы конец положить,
Чтобы на нашей планете
Счастливы были все дети!

«БЕГ».
Так называются два рисунка
Пети ГНАТЧЕНКО.
Ему 9 лет.

«Эти стихи я придумала неожиданно. Они как бы сами сложились у меня, когда я читала книгу о мире». Света ВОЛОШИНА, город Рязань.

Белый голубь

Вьется голубь белокрылый
В неба яркой синеве.
Голубь счастья! Голубь мира!
Голубь дружбы на Земле!
Он летит под облаками,
Голубой неся конверт.
Занят мирными делами:
Передать друзьям привет.

Ире ШЛИОНСКОЙ 10 лет. Она живет в г. Троицке Московской области.

Что за люди в космос поднимаются?
Эти люди космонавты называются.
Космонавты, передайте
Марсианам наш привет
И скажите, что планеты
Лучше нашей в мире нет.

Вот ракета летит в небеса,
Словно быстрая, гигантская оса,
И летят за ней ракеты
На далекие планеты.

Очень много нужно знать,
Чтобы на небо летать.
Нелегко космонавтами стать.

Павлу ДЕВЯТИНИНУ 14 лет.
Живет он в г. Владивостоке,
стихи сочиняет с 11 лет.

Моряки возвратятся всегда

Моему папе, моряку.

Паруса надуваются ветром,
И уходят из порта суда.
И морские, соленые метры
Отступают от борта туда,
Где с мечтою стать мачтами
Кедры
Все шумят и шумят и куда,
Истоптав, просолив свои гетры,
Моряки возвратятся всегда.

Саша ИЛЫШЕВ — москвич, учится в 7-м классе школы № 31. Саша играет в шахматы, у него 1-й разряд, в бадминтон, сочиняет стихи и рассказы и каким-то образом все это успевает. «Кораблик» печатает Сашину сказку.

Пешка из обычного комплекта

В некотором царстве, в некотором шахматном комплекте жила-была Пешка. У Пешки были полированные деревянные голова и туловище, а еще у нее было много друзей — целых пятнадцать. Эта Пешка очень любила, когда ее войско побеждало, и очень не любила, когда ее «съедали».

И вот однажды с Пешкой приключилась интересная история. Надо сказать, что у нее был один недостаток — она не мечтала стать Ферзем. Мечтой ее было хоть разок пойти в партии: дело в том, что ее всегда ставили на самый край доски и никогда на нее не рассчитывали.

Однажды, когда позиция на доске казалась равной и Пешка совсем загрустила, потому что опять не сделала ни одного хода в партии, руководитель белых резко передвинул загрустившую Пешку на два поля. Она так обрадовалась, что у нее даже закружилась голова. Но только обрадованная Пешка пришла в себя, как тотчас ужаснулась: на нее в упор смотрели Ферзь и Слон черных. «Это конец», — подумала Пешка. Но, к ее удивлению, черные ее не съели: их Король тут же отошел куда-то в сторону. «Наверное, не заметили», — облегченно вздохнула Пешка. Но черные хорошо заметили эту жалкую Пешку, просто если бы съели ее, то белый Ферзь ставил мат черному Королю. Этого, конечно, Пешка видеть не могла, и она тихо продвинулась еще на одно поле. «Какая дерзкая Пешка!» — буркнул Конь и уже хотел съесть ее, но почему-то отошел к Королю. Что ему было

делать? Ведь следующим ходом белые грозили выиграть Ладью! Продвигаясь еще на одно поле, Пешка тихо обрадованно сказала: «Я уже делаю третий ход! Такого счастья у меня никогда не было!» Но вместе с радостью пришел и страх: она же никогда так далеко не уходила от дома. «Ну, это я стерпеть не могу!» — сердито сказала черная Ладья. И только хотела съесть Пешку, как на радость и удивление беззащитной отошла на другое поле. Конечно же, виновница происшествия не могла знать, что белые заготовили великолепную комбинацию с выигрышем Слона.

«Ах, как страшно! Как далеко наши! — вновь подумала Пешка. — Ну, ладно, будь что будет!» — сказала она и шагнула еще на одно поле. И вдруг перед ней вырос черный силуэт Ладьи. «Ой!» — вскрикнула Пешка и отвернулась. Она стала пристально смотреть в сторону своих и с радостью обнаружила, что к ее вертикали движется белая Ладья. Однако Ладья остановилась на соседней вертикали, оставив Пешку беззащитной. «Ай!» — снова вскрикнула Пешка, однако кричать было уже поздно: черная Ладья, сбив Пешку, с грохотом встала на ее место. Как только Пешка вышла из игры, она сразу ударилась в слезы и не видела, как черные под угрозой мата сдались.

Сразу после партии все бросились утешать Пешку. Все пятнадцать белых фигур понимали, что только из-за нее, этой маленькой, стоявшей на самом краю доски Пешки, они одержали такую важную и красивую победу. Когда ей об этом сказали, она сначала не поверила, но потом, когда ей объяснил это сам Ферзь, она поняла, что ради победы можно пожертвовать собой.

Теперь нашу Пешку ставят в центр, рядом с Королем. Она осмелела, мечтает стать Ферзем и старается не плакать, когда ее съедают, что все-таки бывает очень часто.

Вот такая интересная история приключилась с крайней Пешкой из обыкновенного шахматного комплекта!

Кто умеет раков ловить?

В тот день мы собрались около школы. Наш класс отправлялся в поход в Боровое — самое живописное место в Казахстане. В Караганде мы сели в поезд и через шесть часов высадились на станции Щучинск. До туристской базы, около которой мы решили остановиться, было три с половиной километра, но мы не сели в автобус, а пошли пешком. Шли все время в гору, а когда взойшли на вершину, увидели великолепный пейзаж. Далеко внизу, в котловине, между поросшими лесом курганами, сверкало на солнце озеро Щучье. На его берегу находилась турбаза. Неподалеку от нее мы и разбили свой лагерь. Как только все устроились, мальчишки бросились купаться. Потом Николай Сергеевич Карпенко — шеф нашего отряда — попросил ребят выйти на берег и объявил соревнование по плаванию. Мы отметили место старта, финиша, выбрали судей, выделили призы — шоколадные медали. В заплыве участвовали и мальчишки и девочки. Едва соревнование закончилось, Николай Сергеевич предложил новое занятие — раков ловить. Как это делается? Он может показать. Через две минуты Николай Сергеевич вытащил огромного рака, который отчаянно захлопал широким и плоским, как ладонь, хвостом. Поначалу поиски были безрезультатными. Но вот Петька Соловьев истошно заорал и засунул палец в рот. Николай Сергеевич бросился к нему на помощь. Запустив руку под корягу, он вытащил трех раков. Ловля закончилась, когда совсем стемнело. Весь следующий день мы провели в лесу. А домой вернулись через десять дней.

Олег КОНОНЕНКО,
г. Шахтинск.

И конь под тобой, как стрела...

Мы с подругой очень любим лошадей. Много знаем о них, занимаемся на ипподроме верховой ездой. Еще давно бабушка мне говорила, что лошади — умные животные, верные друзья. Сейчас я поняла это сама. Если у тебя плохое настроение, лошади это чувствуют: едут тихо, осторожно, будто боятся обидеть. А когда настроение у тебя хорошее и ты держишься по-боевому, конь под тобой, как стрела, несется, только ветер в ушах свистит. После такой езды даже с ипподрома уходить не хочется.

А еще я поняла, что лошади тоже дружат. Недавно с ипподрома увезли коня. Он был уже совсем старый и почти слепой. Звали его Забавный Приятель. Так вот, когда его увозили, лошади будто почувствовали, что прощаются со своим другом, и заржали. У нас по щекам показались слезы. В тот день мы еще долго сидели на ипподроме, пока не стемнело.

Я очень рада, что наконец наступило лето. Теперь я целыми днями могу бывать на ипподроме.

Марина КУЗНЕЦОВА,
г. Орел.

Я умею ходить босиком

Прошлым летом я жил в деревне Сюме под Архангельском. Это удивительный край. Везде лес да лес, только не такой, как у нас в Жигулях. И дома деревянные. И церкви есть, и колокольни, и самые настоящие мельницы. Там я познакомился с ребятами. Они не задируются и ходят босиком. Я тоже научился ходить босиком и плавать «собачкой». И еще я катался на лошади. Там есть небольшой колхоз. Все ребята в колхозе работают, помогают старшим. Им и деньги за это платят. Мне очень понравилось в деревне, и сейчас я снова собираюсь в Сюму.

Артур БЕЗМЕНОВ,
г. Куйбышев.

За жабу обидно

Некоторые считают, что жаба — враг людей, обходят ее стороной за километр, брезгливо оглядываясь. Порой даже кидают в безобидное животное камнем, не задумываясь, какую пользу оно приносит. Жабы селятся в огородах, на полях и истребляют вредных насекомых, пауков, слизняков. Рассказы о том, что от жаб у людей бывают бородавки, лишены всякого основания. Ребята, не гоняйте с огородов жаб, они приносят пользу!

Ира ШТОЛЬЦ,
г. Омск.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Галина АРБУЗОВА

«Желание все знать, все видеть, путешествовать...»

О Константине Георгиевиче Паустовском

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения замечательного русского писателя Константина Георгиевича Паустовского.

Когда вы были совсем маленькими, вам, наверное, читали сказки Паустовского: «Стальное колечко», «Растрепанный воробей», «Теплый хлеб» — эти чудесные и живые рассказы, часто фантастические, как и положено сказкам, и в то же время почти реальные истории о простых мальчишках и девочках.

Можно составить толстую книгу для детей, в которой будут знакомые многим веселые рассказы Паустовского «Кот-ворюга», «Последний черт», «Заячи лапы» и многие другие.

Встречаясь и дальше с книгами этого писателя, читая его романтические повести «Кара-Бугаз» и «Колхиду», «Черное море» и «Созвездие Гонимых», вы найдете на их страницах новый для себя прекрасный мир, полный неожиданных и увлекательных открытий.

Константин Георгиевич Паустовский прожил большую жизнь.

Он родился в 1892 году в Москве, окончил классическую гимназию в Киеве, учился в Киевском и Московском университетах.

В молодые годы Паустовский переменял много профессий и много ездил по России. Он был в разное время вожатым и кондуктором трамвая, военным санитаром в полевых поездах, учителем, рабочим на металлургическом заводе, рыбаком на Азовском море и, наконец, журналистом.

«Желание все знать, все видеть, путешествовать, быть участником разнообразных событий и столкновений человеческих страстей,— писал Паустовский,— вылилось у меня в мечту о необыкновенной профессии... Но была ли на свете такая профессия? И чем больше я думал об этом, тем быстрее одна профессия отпадала вслед за другой... Вскоре мечта о писательстве вытеснила все остальное...»

Обо всем этом Паустовский написал самую главную свою книгу — книгу о своей жизни, которая так и называется — «Повесть о жизни».

Писатель за работой. Ялта, 1966 г.

Стратость к жизни — по-другому и не скажешь — была, пожалуй, основной чертой Паустовского. «Жизнь,— писал он,— всегда кажется мне смертельно интересной во всех своих аспектах».

Константин Георгиевич Паустовский дожил до 76 лет. Эти годы обычно считают старостью. Но для тех, кто знал Константина Георгиевича, не было ничего более несовместимого, чем старость и этот приземистый, крепкий, с быстрым, летящим взглядом человек. Рядом с ним самая простая, будничная жизнь приходила в движение и казалась романтической.

Легкий на подъем, одинаково страстно любивший и тихую рыбную ловлю, и шумные беседы, участник веселых розыгрышей, блестящий рассказчик, человек самых широких знаний — он успевал

Туристы в гостях у К. Г. Паустовского в Тарусе. Начало 60-х годов.

во много раз больше, чем многие медлительные и нелюбопытные молодые люди. И, пожалуй, не было большего осуждения в устах Паустовского, чем когда он говорил о ком-нибудь «скучный человек».

Если спросить, что же больше всего любил Константин Георгиевич, чему отдавал без остатка все свое щедрое сердце, то можно без колебаний ответить: Родине.

«Творчество Паустовского само по себе есть проявление огромной, неистребимой любви к русской земле, к русской природе», — писал Владимир Солоухин. А когда человек чему-то предан с особой силой, он непременно стремится к тому, чтобы его любовь разделило с ним как можно больше людей. Так, чувство любви к своей земле он старался передать своим детям и каждому ребенку, который так или иначе оказывался рядом с ним.

Еще до войны Паустовский решил взять с собой в путешествие по Десне на лодках группу школьников. Вместе с писателем Рувимом Фраерманом они пробыли в этой «экспедиции» две недели. Многому научились за это время ребята, и прежде всего научились видеть и понимать природу.

«Это был один из самых важных уроков, который я получил в жизни, — урок двухнедельной жизни под открытым небом, урок реки и леса», — говорил потом участник похода писатель Сергей Львов.

«При слове «родина» мы думаем не только о своем народе, о своей стране, но почти всегда вспоминаем еще какой-нибудь милый нашему сердцу неприметный уголок своей земли», — писал Паустовский. Таким местом стал для него еще в тридцатые годы скромный и тихий Мещерский край. Там проводил он летнее время со своим другом Фраерманом, там часто бывал Гайдар.

И вы можете себе представить, каким это было счастьем, когда я, еще девчонка, провела в Мещере подряд три лета! Для меня, как и для тех ребят, из далекого похода по Десне, эти «летние дни» остались самым сильным впечатлением детства.

Это были первые годы моей жизни рядом с Константином Георгиевичем — моя мама стала тогда его женой. На лето мы всей семьей уезжали в деревню Солотча. Я увидела и полюбила Мещеру,

которую раньше знала только по рассказам Паустовского.

Константин Георгиевич вел в деревне беспокойную, но легкую и свободную жизнь. Почти каждый день он придумывал увлекательные походы-«вылазки», которые казались мне тогда настоящими путешествиями.

Мы уходили на глухие лесные озера, спали у костра, прямо на земле под открытым небом, среди тревожных звуков лесной ночи. Я прислушивалась сквозь некрепкий сон к неизвестно кем потревоженному валежнику, к уханью неспящих птиц и отдаленному вою волков. Там я научилась варить пахучую «рыбацкую» уху, нырять в черную воду озера, когда надо было отцепить крючок от тяжелой коряги, окаменевшей в воде, и смеяться над своими веселыми неудачами — то промокнешь насквозь, то задымят над костром уже почти подсохшие и, как назло, единственные носки.

Часто Константин Георгиевич будил меня в два-три часа ночи (и как не хотелось поначалу вылезать из теплой постели), и мы — несколько человек — шли в кромешной темноте на берег Старицы. Почему-то все говорили шепотом, осторожно нагружали большую плоскодонку рыбацкими снастями, едой, котелками, хитроумными приспособлениями от комаров — «кадилами» из старых железных банок, которые Константин Георгиевич всегда делал сам. Гордая доверием бывалых рыбаков, еще до конца не проснувшись, я гребла по замершей, темной, предрассветной реке.

Брал меня Константин Георгиевич и в более сложные походы на реку Пру. Долго и медленно ехали мы по узкоколейке с игрушечным паровозом «кукушкой», который останавливался в самых неожиданных местах и без всякой причины. Это была дорога в «глухомань», на далекий лесной кордон, описанный Паустовским в рассказе «Кордон 273». Там все вместе мы спали на пахучем сеновале, буквально сжираемые миллионами комаров. В этом далеком от больших сел и дорог месте, которое казалось мне тогда настоящим необитаемым островом, я училась у Константина Георгиевича впервые в своей жизни слушать тишину, полюбила, как и он, безлюдье, когда остаешься один на один с природой.

Но самая большая радость — это были наши частые прогулки в заливные приокские луга, к маленьким озерам, заросшим травой в человеческий рост. Ходили мы налегке, с одними удочками в руках, только у Константина Георгиевича через плечо всегда висела самодельная холщовая сумка. Мы шли обычно по узкой тропинке в сторону далекой Оки, через раскинувшиеся на километры луга. Вокруг нас все цвело, колыхалось, издавало неизвестные мне звуки. Сразу было видно, что Константин Георгиевич чувствовал себя среди всего

этого как дома. Я же тогда была обычной невеждой и часто не знала названий многих трав и цветов, а некоторые из них были и совсем мне незнакомы. Я напоминала иностранца, жалко бредущего по чужой стране — «без языка». Но очень отчаиваться не приходилось: рядом был терпеливый, всезнающий и неназидательный учитель.

В рассказе «Во глубине России», который Паустовский написал как раз в первое мое солотчинское лето, он говорит о том, что к нему в деревню «приехала после экзаменов в московской школе городская девочка» и как он «решил набрать ей в подарок букет из всяких хороших цветов». «Но так как плохих цветов вообще нет, то мне,— пишет он дальше,— выпала довольно трудная задача — что выбрать. В конце концов я решил взять по одному цветку и по одной ветке от всех растений, создавших вокруг озера непролазные росистые, пахучие валы». Девочкой этой была я. И, конечно, никогда раньше мне никто не дарил таких букетов. Осторожно беря каждый цветок по одному, я составила несколько легких и прозрачных букетов, так, чтобы каждый цветок был хорошо виден.

В рассказе Паустовский называет и описывает каждый цветок, но я узнала все это потом, когда в наших бесконечных прогулках Константин Георгиевич учил меня различать «желтоватую с непрочными кистями таволгу», «широкие, как сабли, листья аира», «белые плавучие цветы водокраса с красноватой сердцевинкой» и особенно любимый им исполинский чертополох, который «крепко стоял по пояс в траве и был похож на рыцаря в латах со стальными шипами на локтях и наколенниках».

Редко, но случалось, Константин Георгиевич находил неизвестное ему растение. И дома, осторожно положив его перед собой, он долго искал и находил его приметы в «Определителе растений». Вообще в деревенской библиотеке Паустовского были тогда и теперь стоят на полках всевозможные словари, справочники, все тот же потрепанный годами «Определитель растений», «Определитель птиц СССР», книги по рыболовству и маленькая библиотечка по садоводству, где его рукой подчеркнуты многие страницы и лежат листки — составленные им в разные годы списки цветочной рассады, которую мы каждую весну покупали в Москве и сажали в деревенском саду.

Я научилась работать на земле все в той же Солотче. За старинным домом с мезонином был довольно большой и тенистый сад с маленькой банькой, в которой Константин Георгиевич устроил себе летний «кабинет», выходивший окном на цветник. Константину Георгиевичу явно нравилось, что сад полупущен, цветы растут не по регламенту и не на геометрических клумбах, а пышными, густыми группами.

Для Константина Георгиевича ближе к баньке всегда сажали невзрачные на вид, но пахучие, особенно по вечерам, резеду и матиолу. Вы помните, он считал, что некрасивых цветов нет?

«Возьми самый простой цветок,— говорил он мне,— ну, хотя бы нашу полевую кашку, посмотри на нее в лупу, и ты увидишь десятки фантастических цветов, ничуть не менее красивых, чем какие-нибудь орхидеи из лесов Амазонки».

Но Константин Георгиевич любил и редкие, необычные цветы. Так, посадил он в Солотче луноцвет, цветок почти сказочный, потому что раскрывался он у вас прямо на глазах. О луноцвете Константин Георгиевич написал рассказ «Пришелец с юга». А много лет спустя, когда семья переселилась в Тарусу, привез из Франции, с

На реке.

В заповеднике в горах Крыма. 1966 г.

В саду своего дома в Тарусе.
Начало 60-х годов.

В Ялте с артековцами. 1966 г.

холмов Прованса, дикий ирис и радовался, что он прижился и цветет на нашей северной земле.

* * *

Поэзия прошла через всю жизнь Паустовского. Константин Георгиевич помнил огромное количество стихов. Он часто перепечатывал стихи любимых поэтов по памяти или из книг. Дома сохранились толстые папки таких перепечаток, из которых можно было бы сделать интереснейшую антологию современной и классической поэзии.

Последние годы он особенно тяжело болел астмой и подолгу жил зимой на юге, в Ялте, куда приезжала иногда и я. На Ялтинской набережной было тогда тесное кафе «Ореанда», всего на три столика. После обеда, часов в пять-шесть вечера, обычно собирались там несколько писателей, пили кофе, спорили о литературе. Часто разговор заходил о поэзии — начинали читать стихи. Константин Георгиевич знал поэзию широко и умел найти превосходные стихи у малоизвестных и забытых поэтов. Запомнились своеобразные «турниры» на знание поэзии, которые он любил устраивать. Для большей трудности предлагалось какое-нибудь одно слово, помню, однажды он предложил — «мечеть». Надо было прочесть стихи, где непременно бы упоминалась «мечеть». Все загорелись, начали читать по кругу, но быстро один за другим выходили из игры. Как обычно, и на этот раз Константин Георгиевич вышел победителем — он долго еще продолжал читать один.

Константин Георгиевич читал стихи хрипловатым, негромким голосом, без особых эффектов, но смысл и музыка стиха четко входили в ваше сознание.

Любимыми поэтами Константина Георгиевича всегда оставались Пушкин и Лермонтов. Но в то далекое солотчинское лето, по дороге в луга, я впервые услышала от него Саади и Киплинга. Я учила с голоса Константина Георгиевича неизвестные мне тогда стихи Пастернака, Заболоцкого, Мандельштама и Блока. Когда потом я читала уже сама этих и других поэтов, выяснилось, что я многое знаю наизусть.

Константин Георгиевич умел заражать своим увлечением тех, кто был рядом с ним. Вся наша семья — мама, я, гости, приезжавшие из Москвы, — все сделались в Солотче безумными рыболовами. Увлечение тогда поэзией тоже перешло у меня «нормальные меры» — стихи читались за поем. На крутых непролазных берегах луговых озер в те дни, когда мне, мечтательной девчонке, не хотелось рыбачить, а Константин Георгиевич с завидным упорством, по многу часов замерев смотрел на поплавок или, прорываясь через заросли шиповника, начинал нетерпеливо менять места в надежде на «бешеный клев», я, зарывшись в высоких травах, учила «Евгения Онегина». Моими успехами Константин Георгиевич остался доволен: к концу лета я знала уже первые четыре главы.

Когда подошла осень, грустно было расставаться с Солотчей. Я вернулась в город, показавшийся мне скучным. Константин Георгиевич остался в деревне — из всех времён года он выделял осень, осень же считал лучшим временем для работы. Когда работал, вставал очень рано, часов в шесть утра и до завтрака писал без перерыва, возвращаясь к рукописи и в течение дня. Вечером, при свете керосиновой лампы, в маленьком мезонине он писал письма домой — телефона в солотчинском доме не было. Получала и я его письма, где нежность рядом с

юмором заставляли меня вспоминать прошедшее летнее счастье:

«Солотча, 14/9, 50 г.

Галка, солнышко, что ж ты болеешь? Ты же обещала, что будешь беречься. Я, конечно, подозреваю, что ты съела на улице мороженое под ледяным сентябрьским дождем, или что-нибудь в этом роде. Здесь сейчас очень тихо и, несмотря на дожди, очень хорошо. Пышно доцветают цветы. Те астры, что ты посадила около маков, набрали бутоны и вот-вот зацветут, сад уже осенний, засыпанный желтыми листьями, сырой и безлюдный.

Новости наши — деревенские. Пестрого котенка взяла Ариша, и его тут же у нее украли. Серого кота бабка Таня отнесла к себе в мешке, но на следующий день он вернулся и сказал, что уходить никуда не собирается.

Я сейчас начал много работать (в баньке) и потому редко бываю в лугах. Брал лодку, ездил на Бык. Вода спала, и того протока, по которому мы проезжали, уже нет. Он пересох, но я нашел второй очень интересный проток. Мы ходили на Прорву и на быстрину (проток). В лугах пусто, доцветает гвоздика.

Птицы уже собираются в стаи перед отлетом.

Сейчас я остаюсь совершенно один во всем доме и во всей усадьбе. Я, конечно, не боюсь, но не знаю, что делать с котами (их трое) и чем их кормить.

По случаю того, что я буду совершенно один, ты напишешь мне письмо (только не такое короткое, как ты любишь писать), потому что мне будет нестерпимо скучно. Не забывайте меня в чаду столичной жизни.

Напиши все о себе — как в школе и где ты бываешь, что читаешь и что вообще думаешь «за жизнь».

Поцелуй бабушку. Целую тебя. Смотри, не болей.
К. Г.»

Когда я стала совсем уже взрослой, Константин Георгиевич подарил мне детскую книгу — «Золотой линь» с надписью в память о нашей солотчинской жизни:

«Милой Галке...—

На память о Солотче, Прорве,
Черном озере с фонтанами травы,
стихах Лермонтова, лесных дорогах
и обо всем хорошем.

Живи счастливо.
Твой К. Г.»

30/III-63 г.
Москва.

* * *

Чтобы закончить здесь рассказ о том, как Паустовский относился к природе, я хочу добавить, что его любовь к своей земле никогда не была только пассивным восхищением перед ней. Константин Георгиевич написал много рассказов и статей в защиту природы и всегда поддерживал тех, кто так или иначе участвовал в этом благородном и трудном деле. Так, он обратился с письмом-заметкой к марийским школьникам, которое на-

звал «Спасибо от всего сердца». В письме есть такие строки:

«Мне рассказали, что в Марийской республике школьники начали борьбу с вредителями леса, с личинками майского жука...»

Марийские школьники взяли на себя большую и бескорыстную работу. И не только люди, но и леса отблагодарят их. Они примут их в свои душистые, теплые, зеленые дебри, они пропитают их легкие целебным смолистым воздухом сосны, вереска, можжевельника, освежат их водой лесных речек и озер, будут встречать их и провожать свистом, шелканьем и щебетом сотен птиц. И каждый лесной цветок, если бы он мог говорить с ним, наверное, склонил бы перед этими юными своими друзьями свою голову и прошептал бы им одно только прекрасное русское слово: «Спасибо!»

* * *

Любовь к путешествиям — еще одно страстное увлечение Паустовского.

«Путешествовать я начал еще в детстве, — вспоминал Константин Георгиевич. — Наша семья жила тогда в Киеве, на тихой Ботанической улице... Все летние дни я проводил на балконе и странствовал там по географическим картам из атласа Петри...»

Карты были первыми моими учителями в географии, в этой удивительной науке о прекрасной планете, какая дана человеку для жизни — нашей Земле».

За годы своей писательской жизни Паустовский был на Кольском полуострове, изъездил Кавказ и Украину, Волгу, Каму, Днепр, Оку и Десну, Ладожское и Онежское озера, был в Средней Азии, на Алтае, в Сибири, на чудесном нашем северо-западе — в Пскове, Новгороде, в пушкинском Михайловском, проехал Прибалтику, часто возвращался в Крым. И после каждой поездки появлялись новые повести и рассказы.

Детское увлечение картами не пропало даром и осталось на всю жизнь. Константин Георгиевич часами мог рассматривать огромный атлас мира, прокладывая по нему «путешествия», которые ему никогда не суждено было совершить. Рядом с его рабочим столом в Тарусе есть и второй толстый

атлас — «Лоции Черного моря», — он зачитывался им еще в тридцатых годах в Севастополе, когда писал повесть «Черное море».

Любимым чтением писателя было многотомное издание, вышедшее до революции: «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга под редакцией Семенова-Тянь-Шанского».

Константин Георгиевич хорошо знал не только нашу страну. По книгам и картам он знал всю Европу как человек, который сам подолгу жил и объездил ее вдоль и поперек. Помню замечательный случай. Один из молодых друзей Константина Георгиевича, художник по профессии, собирался проехать на машине по нескольким европейским странам. Константин Георгиевич на моих глазах рисовал карту его поездки, отмечая наиболее интересные места по дороге — старые замки, крепости и даже совсем уже малоизвестные небольшие аббатства, в которых до сих пор готовят вина по рецептам, хранившимся уже много столетий. Он рассказывал об улицах средневековых городов, в которых сам никогда не бывал, но по которым надо было пройти к знаменитому собору или какому-нибудь музею. Эту карту и записи к ней художник взял в дорогу и удивлял в поездке своими сведениями даже всезнающих гидов.

Константин Георгиевич всю жизнь завидовал людям романтических профессий, работа которых требовала непрерывного передвижения. В его библиотеке были книги путешественников, геологов, моряков и ученых — «Путешествие на корабле «Бигль» Чарлза Дарвина (даже в двух экземплярах — в Москве и на даче), записки Пржевальского, минералога Ферсмана, «Дневники капитана Скотта». О последнем он несколько раз писал. А когда группа наших советских ученых и моряков обнаружила одну из стоянок Скотта, Константину Георгиевичу привезли оттуда в подарок две галеты, и он хранил их необыкновенно бережно. Также хранил и другой подарок, — как сказали ему, кусок от кормы фрегата «Паллада», небольшую доску, изъеденную морским червем.

Сам Константин Георгиевич увидел чужие страны, когда был далеко не молод. Но прочтите его письма из поездок за границу своим детям и

увидите, какими живыми, веселыми глазами смотрел он вокруг, как естественно было в нем чувство восхищения перед миром:

«Карловы Вары, январь, 55 г.

Всем! Всем! Всем!

Чехия — очень уютная, разнообразная и милая страна. От границы до Карловых Вар — все время мягкие горы и буковые и еловые леса.

Маленькие поезда несутся как сумасшедшие — ходить по вагону почти невозможно. За окнами крошечные городки, всюду колокольни церквей и каждый клочок земли обработан, как будто это не земля, а золото. Железнодорожные пути чинят юноши в фетровых шляпах и девушки, похожие на кинозвезд.

Прагу почти не видели, но город старинный, просторный и уютный.

Снега нет, тепло, влажно, туман, на каких-то деревьях распускаются почки. За нашим окном — горы, леса, красивые виллы, — пока ни с кем не познакомились, кроме попутчика — специалиста по рыбе, который приехал сюда из Охотска(!). Чудеса!

Целую всех. Пишите авиапочтой и телеграфируйте. Пусть Галка вскрывает письма (деловые) — может быть, будет что-нибудь интересное. Ваш Константин Георгиевич».

«Карловы Вары, 13/1-55 г.

Галка, очень жаль, что тебя нет здесь и ты не видишь эту действительно чудесную страну. Я без конца снимаю, чтобы хоть что-нибудь показать Москве.

Когда мы впервые спускались из своего отеля «Империял» в город по пустынным улицам (вернее, улочкам) в вековых каштанах, нам встретился маленький старичок в железных очках, поздоровался («Наздар!») и сказал по-чешски, что Карловы Вары — самый красивый город в Чехии. «Такие города, должно быть, бывают только в сказках Андерсена», — ответил я по-русски. Старик понял, долго и ласково трепал меня по плечу и смеялся. Потом сказал: «Помогай вам бог в этой жизни», — и ушел, сгорбленный и кроткий. Открыл калитку, густо заросшую плющом, и исчез в каком-то уютном саду. Был туман, с деревьев капали крупные капли, внизу, в городе, звонили серебряные колокола в соборе Марии-Магдалины.

Это — самое первое впечатление Карловых Вар.

Здесь очень живописные дома с перекидными мостиками, наружными каменными лестницами, узорчатыми балконами, башнями и разноцветными черепичными кровлями. И что ни дом, то воспоминание.

Множество мемориальных досок: «Здесь жил Шопен», «Здесь жил Гоголь», «Здесь жили Паганини и Гейне». Совершенно блестящий список имен, начиная от Петра Первого и Суворова и кончая Эйнштейном, Рузвельтом и Стефаном Цвейгом.

Главная улица — в ущелье. По ней мчится в каменных берегах река Тэпла. Узкий проезд — только по одной стороне реки, а на другой — дома стоят в воде, как в Венеции».

«7/IX-56 г. 11 часов вечера в Эгейском море.

Алешка! Я видел мулов, обвешанных серебряными монетами, бубенцами и лентами с огромными серьгами из бирюзы в ушах. И видел мальчику-турчат, — они ходят колесом по улицам и продают американскую жевательную резинку. И видел такие пароходы, что даже ты не смог бы их обогать по всем палубам за весь день.

И еще много-много видел и буду рассказывать тебе «по заказу», когда приеду.

Целую тебя, мой мальчик.

Твой папа.

Галка, прелесть моя, кажется, кончаются чернила. Это ужасно. Завтра буду в Афинах — на твоей далекой старой прародине. Все вокруг — ошеломляюще и прекрасно, — об этом не напишешь, — все тебе расскажу.

Сейчас был неправдоподобный закат из всех красок мира, а теперь — ночь, пароход как будто висит во мраке и с далеких островов приходит ветер со слабым, но явным запахом лимона.

Целую тебя, моя девочка.

Твой К. Г.

Я все время ловлю себя на том, что представляю маму, Алешку и тебя в этих необыкновенных и древних местах и меня мучает совесть. Ты и Алешка должны все это увидеть, — у вас все впереди».

«Турин. Эremo. 11/VII-61 г.

Галка милая, — я живу в 7 километрах от города, в мягких предгорьях Пьемонтских Альп, среди лимонных рощ и полей, заросших нашими полевыми цветами, — кашкой, анисом и синим цикорием. Два дня дул сирокко, я немного задыхался, а сейчас, к ночи, прошла гроза, в окно дует свежий ветер с гор, и на старинной колокольне-кампанилле очень медленно звонит ночной колокол.

Нас часто возят в город (в Турин) на «пульманах» сквозь сплошные туннели листьев и цветов. Турин — весь в бегонии, розах и огромной герани.

К нашей делегации приставлен в качестве гида отставной адмирал Джакомо Леви — прелестный старичок, любитель литературы.

Я рассказал ему, как ты наугад отметила на карте Турина место, я обещал его сфотографировать. Адмирал пришел в полный восторг и после шумного обсуждения этого необыкновенного случая с шофером тотчас повез меня на это место. Очень живописное, кстати.

Видел Мон-Блан. Завтра я выступаю на конгрессе и завтра же уеду в Сен-Винсент. Это — около Аосты (на карте на северо-западе Италии, у самой швейцарской границы). Потом полечу в Рим, а оттуда в Москву.

Как вы все там? Будь очень ласковой с мамой. Поцелуй всех.

Твой К. Г.»

«20/XII-62, Марсель.

Алешенька, — в Марселе жара, веселье, тысячи баров...

Сидим в кафе на берегу старого порта с сотнями кораблей. Мне не удалось снять остров Иф, где сидел в тюрьме граф Монте-Кристо, но я купил открытку с видом Ифа.

Обедаем на воздухе, на тротуаре, голуби рвут хлеб из рук. Сейчас едем в Авиньон, а оттуда — в Париж...»

Собираясь в любую поездку, Константин Георгиевич изучал литературу о тех местах, где ему предстояло побывать. Когда я однажды довольно поспешно собиралась в туристическую поездку на машине по Скандинавии и по легкомыслию не была готова к встрече с новыми странами, Константин Георгиевич, человек обычно очень мягкий и доброжелательный, на этот раз довольно резко сказал

На Капри. 1965 г.

С пионерами в Солотче. Июль 1952 г.

С детьми Алешей и Галей (Г. А. Арбузовой).
Москва, 1956 г.

мне: «А зачем ты едешь?.. Все равно ты там ничего не увидишь». Он всегда говорил, что только знающему человеку откроется по-настоящему новый край. Об этом же он напоминал и в своих письмах.

«Рома, 15/X-65.

Алеша-балабоша,—здесь пишут письма на бумаге всех цветов радуги,—такая уж страна!

Учи или французский, или английский язык, чтобы потом не чувствовать себя круглым идиотом, когда ты попадешь в Европу. Совершенно иначе (ярче, интереснее, богаче) воспринимаешь страну, людей и пейзаж, когда знаешь язык.

Pronto, Sigvioso!

Мы живем в гостинице (allergo)—это по-итальянски в «гостинице», тогда как вы, хмурые северяне, называете это учреждение отелем. Кстати, ресторанов здесь нет, а есть «траттории» — от этого слова и произошел, должно быть, наш русский трактир. Вчера в одной из тратторий нас кормили раковыми шейками, жареными на вертеле.

Народ веселый, шумный, и, можешь себе представить, все хорошо (певуче) говорят по-итальянски, не хуже, чем Леонид Исидорович. Все девушки похожи на Таню Алигер. Битников нет — их сразу же (uno momento!!!) забирают в полицию.

Архитектура Рима гениальная (розовый и желтоватый мрамор) за исключением памятника Виктору-Эммануилу, похожего на свадебный торт.

Жара.

Мы были в Ватикане, где происходит какой-то всемирный съезд католических аббатов и монахов.

Рим сверкает. Небо густое, как синька.

Я много снимаю.

Только что я вернулся из музея Боргезе (древняя скульптура), затерянного среди тенистого и души-

стого парка, а парк затерян среди города — новых домов, обвитых глицинией, и акведуков.

Твой К. Г. (папа)».

«19/X, Капри.

Алешенька,—это снимок колокольни на пьядетте (маленькой площади), где мы часто пьем чай и кофе. Сегодня на Капри холодно. Я зябну... Ездили в крошечный и прелестный городок Анакапри в глубине острова, где такая тихая жизнь, какая была сто лет назад. Лошадь вся в лентах и бубенцах. Цветут огромные розы и особенные пунцовые цветы — бугенвиллии.

Целуем тебя, Галку, всех.

Папа».

«23/X, Капри.

Алешенька, Галочка... Такой остров, как Капри, мог придумать только гений или Александр Грин. Здесь такой воздух, что самое дыхание огромное наслаждение.

Папа».

Но всегда, где бы Паустовский ни был, он чувствовал себя «русским до последней прожилки». Много посмотрев и полюбив в других странах и оборачиваясь на свою прожитую жизнь, Константин Георгиевич писал: «Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара. Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки или за извилистую речонку Таруску — на ее скромных берегах я теперь часто и подолгу живу...

Я снова здесь в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный...»

Сказать обычную фразу: «Паустовский любил детей» — было бы не совсем точно. Константин Георгиевич любил и уважал человека, не выделяя детей, не отделяя их от взрослого мира. Не было у Паустовского в его отношениях с детьми ни заигрывания, ни тем более сюсюкающего тона, который иногда проскальзывает у взрослых. Он смотрел на каждого маленького человека, как на равного, с подлинным уважением к его занятиям и увлечениям. Прочтите, как он пишет в своем дневнике о «забавах» шестилетнего сына, которые многим взрослым показались бы пустяковыми: «Алешка сидит и приколачивает кусочек кожи от старого ботинка к игрушечному грузовику. Очень сопит, очень сосредоточен. Ясно, что это приколачивание — серьезное дело, может быть, более серьезное, чем все наши взрослые дела, в том числе и писание книг».

В своей семье Константин Георгиевич никогда не занимался «воспитанием» детей в обычном смысле этого слова, не любил наказывать и читать нотаций. Часто обращал в шутку какое-нибудь домашнее недоразумение. С маленьких лет Константин Георгиевич пытался привить ребенку чувство юмора, развить его фантазию, показать ему чудесное в самых простых жизненных случаях. Он приучал ребенка к «искусству видеть мир».

Когда Константин Георгиевич надолго уезжал из дома, он писал своим детям письма, похожие на маленькие сказки. Сколько они приносили радости!.. Может быть, они понравятся и вам?.. Прочтите три письма Паустовского к семилетнему сыну Алеше:

«Дубулты, 28/II-57.

Алешенька, маленький мой, родной мальчик! Здоров ли ты? Я очень по тебе и по всем соскучился. Если ты уже научился писать, то напиши мне письмо из трех слов, — больше тебе будет трудно писать. Постарайся немного, посопи и напиши.

Я работаю, за окном кувыркаются на соснах старые знакомые белки, все время светит солнце и море шумит и выбрасывает на песок всякие гайки, поплавки, апельсины и детские тапочки. Дети купались летом и потеряли тапочки, а сейчас море их выбрасывает, потому что они только пугают рыб.

Вчера прошел по горизонту большой желтый пароход и из трубы у него вырывался огонь. И вчера же по улицам проехал на мотороллере старик с гитарой на боку, а в рюкзаке у него за спиной была привязана черная курица. Она кудахтала на все Дубулты.

Из моего окна видно реку Лиелупу, электропоезда и мальчишек, которые играют на тротуаре в чехарду. Если ты не знаешь, что такое чехарда, то спроси Галку.

Тут еще есть собачка по имени «Литфондик» и кот по имени Держикрыс. Из твоих знакомых тут только пишущая машинка. Она тебе кланяется.

Целую тебя очень-очень, мальчик-золотайчик. Целую всех.

Твой папка (драпка)».

«14 марта 1957 г.

Дубулты.

Святая Мария, какой у нас был вчера случай!!! За моими окнами белка подралась с дятлом. Белка спала у себя в теплом дупле, а дятел сел на соседнюю ветку и начал так долбить, что даже у меня разболелась голова. Белка проснулась, выскочила, разъяренная, как тигрица, и бросилась на дятла. Дятел (дятл) начал носиться вокруг дерева и

удирать, но белка его догнала и так ударила по хвосту, что полетели перья. Тогда дятел изловчился и стукнул белку, и белка сорвалась с дерева, но зацепилась на лету лапками за ветку и так защелкала и зашипела от злости, что из всех дупел (или дуплов) повыскакивали все белки и загнали дятла в водосточную трубу на нашем доме, где он сидел всю ночь и боялся выйти. А сегодня утром он провалился по трубе вниз и упал в бочку для воды, весь вымок и улетел от досады в Ригу.

Это все было на самом деле.

У нас уже как будто весна, снег весь растаял и прилетели дикие гуси. Они всю ночь кричали на море.

Я очень соскучился по тебе и Галке, твоей сестричке. Смотрите, не обижайте друг друга. «Ссор, ссор — никогда, мир, мир — навсегда».

В Риге продают воздушные шары, и на них нарисованы золотые крокодилы. Латышские школьники ходят в очень красивой форме, в круглых низеньких шапочках, с белым кантом и с портфелями из змеиной кожи.

Может быть, завтра напишу тебе получше и побольше. Тороплюсь на почту.

Целую тебя, мой маленький мальчишечка.

Твой Папка».

«5/X-57.

Мальчик наш дорогой,—

«Адмирал Нахимов» подходит к Новороссийску,— там я брошу в почтовый ящик это письмо. Высота «Нахимова» такая же, как у десятиэтажного дома, у него две трубы и все устроено очень красиво. Вчера с палубы я видел Алупку и тот домик, где мы жили с тобой и мамой в прошлом году. На крыше домика стоял наш старый знакомый петух и хлопал крыльями.

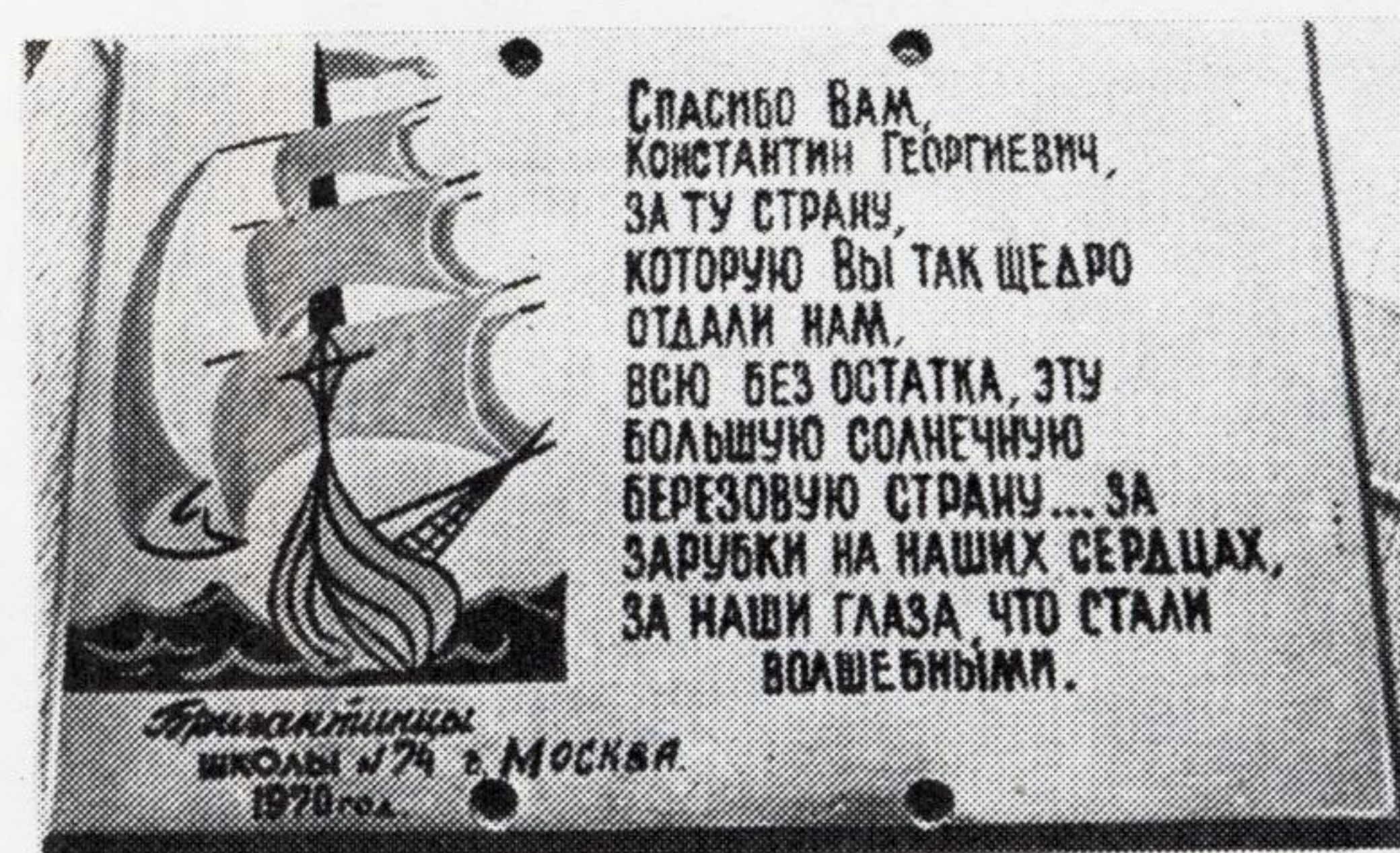
Твой папка».

* * *

Константин Георгиевич Паустовский похоронен в Тарусе на краю высокого обрыва. С обрыва видна маленькая речка, где он любил удить рыбу и слушать шум воды у каменного переката.

На могиле Константина Георгиевича лежит простой камень-валун, который нашли недалеко от этих мест.

Летом у могилы Константина Георгиевича часто можно увидеть пионеров из недалеких лагерей и запыленных ребят с тяжелыми рюкзаками, которые прошли не один километр, чтобы постоять у этого места. Они приносят сюда цветы, корзины с еловыми шишками, ветки рябины или вот такие слова любви и благодарности:

Письма К. Г. Паустовского и фотографии из семейного архива публикуются впервые.

Рисунки В. ДУДКИНА.

«И мошки не меньше нужны, чем слоны...»

Кто не знает сейчас, что нельзя рвать в лесу первоцветы, нельзя стрелять в птиц из рогаток, нельзя убивать зверьков, лягушек, жаб... А вот к насекомым отношение до сих пор иное. Поймали бабочку на опушке, раздавили жука на дороге, прихлопнули... Да мало ли насекомых мы походя прихлопываем, давим, ловим, не задумываясь, хорошо это или плохо, даже не замечая иногда того, что делаем.

А тем временем живые краски природы тускнеют. Исчезают постепенно и бабочки и многие жуки. Исчезают шмели, стрекозы... Исчезают крупные насекомые и мелкие, красивые и невзрачные.

Все слышали, конечно, о «Красной книге». В нее записывают животных, которым грозит смертельная опасность — они могут исчезнуть с

лица земли уже в ближайшее время, если человек не будет строго их охранять. Так вот, в «Красной книге СССР» сейчас около двухсот видов насекомых. Около двухсот! Половина (сто четыре вида) — бабочки. Но в этом печальном списке есть кузнечики, осы, пчелы, много-много других шестиногих.

Они и в нашу Красную тетрадку должны войти...

Конечно, главная причина этой беды не в том, что насекомых ловят ребята. Сложилось так, что люди на Земле не всегда обдуманно вели хозяйство. Хищнически, без меры вырубали леса, загрязняли реки и озера... Лишали насекомых, как и других обитателей Земли, их дома.

И ребята, бессмысленно уничтожая насекомых, только усугубляют их беды.

А ведь маленькие и, казалось бы, слабые шестиногие существа играют в природе очень важную роль. Судите сами. Восемьдесят процентов всех цветковых растений образуют семена и плоды только при помощи насекомых-опылителей. Яблони, груши, сливы и вишни в том числе. Исчезнут опылители — исчезнут и эти растения. Насекомые-санитары очищают леса, поля, пастбища. Наконец, питаюсь насекомыми, живут многие звери, птицы, рыбы... Непозволительно нам смотреть свысока даже на крохотную бабочку.

Борис Заходер хорошо об этом написал:

Все — все,
Все на свете,
На свете нужны!
И мошки
Не меньше нужны,
чем слоны...

Глазастые охотники

Посмотрите в глаза стрекозе. Если, конечно, сумеете осторожно приблизиться к ней, сидящей на листе или веточке. Глаза не просто большие, они огромные. Они круглые и гладкие, как бока глобуса, загадоч-

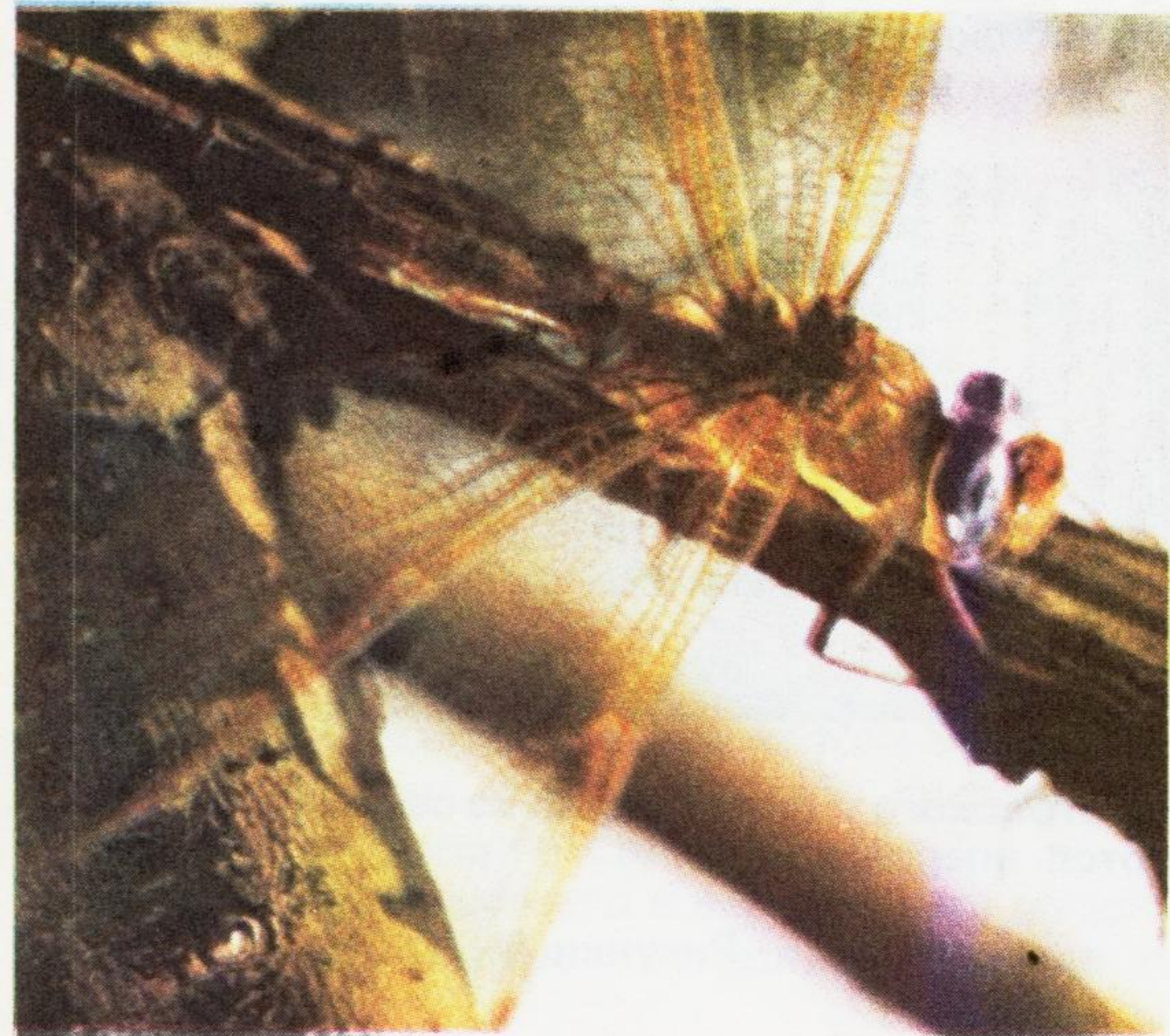
ные, как жемчужины. Глаза стрекозы сверкают на солнце. Отражают синее небо, зеленый лес, желтую дорогу — мир, в котором стрекоза живет.

Потом она взлетит. И вы услышите сухой шелест ее силь-

ных крыльев, если стрекоза большая. Или, если маленькая, ничего не услышите, но увидите, как крылья, придя в движение, засветятся, заиграют в солнечных лучах...

С мая и до осени летают

Коромысло — стрекоза крупная, лихая охотница.

стрекозы над заросшими берегами рек и речушек, прудов и озер, вдоль лесных опушек и над полянами — охотятся. Трудно даже представить, как много мух, комаров, слепней развелось бы на земле, исчезни вдруг стрекозы, удивительно прожорливые хищники!

Добычу ловят они «ловчей корзиной», которая всегда при них, — это их ноги. У стрекоз они покрыты шипами и щетинками, в полете согнуты и сближены, так что получается вроде каркаса, корзины. Стремительный воздушный зигзаг — и комар или муха в этой «корзине». Комара стрекоза съедает прямо на лету. А муху — садясь на веточку, неторопливо, и потом некоторое время отдыхает.

«Мне неоднократно приходилось видеть, — писал Альфред Брем в своей замечательной книге «Жизнь животных», — что стрекоза оказывалась проворнее меня, захватывая у меня из-под носа пяденицу или другое насекомое, которое я хотел поймать...»

Понаблюдайте, как охотится над лесной дорогой стрекоза-коромысла, крупная, сантиметров десять в размахе крыльев. У нее свой участок, по которому она летает вперед-назад. Других стрекоз, особенно того же вида, на этот участок не пускает — атакует решительно и прогоняет. Летают коромысла, да и многие другие стрекозы превосходно. Скорость развивают до пятидесяти километров в час!

Умело используют воздушные течения над лужайками и

опушками: могут парить, как птицы, расправив крылья и покрывая между взмахами метров по десять — пятнадцать...

Но есть и другие стрекозы. Словно бабочки, порхают они у воды, легкие, нежные. Никогда не торопятся, на тростинки и листья присаживаются так деликатно, будто знают свои имена: красотка-девушка, стрелка красивая, стрелка изящная...

Терпеливые исследователи, изучавшие с фотоаппаратами, биноклями и секундомерами в руках охотничьи повадки разных стрекоз, называли крупных и сильных стрекоз — преследователями, а красоток и стрелок — собирателями.

Есть среди стрекоз и третья группа охотников — подстерегатели. Разбуженные утренним солнцем, они начинают летать, выискивая на лесных полянах удобный сучок или веточку, чтобы потом весь день высоко сидеть и далеко смотреть. Завидев добычу, они срываются с места, ловят молниеносно и так же быстро летят обратно. Усаживаются на свой сучок, спокойно едят и снова ждут...

Стрекозы — очень древние насекомые. Триста миллионов лет назад на земле не было еще ни ос, ни пчел, ни бабочек. Не было птиц и зверей. Не было цветов. А вот стрекозы под сенью древовидных папоротников уже летали. Многие были громадными — достигали в размахе крыльев (вы не поверите!) почти метра.

Сейчас, к сожалению, во многих странах стрекоз стано-

вится все меньше. В ФРГ, например, под угрозой вымирания шестнадцать видов, под большой угрозой — еще двадцать четыре, а два совсем исчезли. Особенно уязвимы те стрекозы, личинки которых привыкли жить в чистых водоемах: чистых водоемов в Европе почти не осталось...

В «Красной книге СССР» больше десятка видов стрекоз, среди них некоторые стрелки, коромысла, красотки. Но не только они — все стрекозы заслуживают бережного отношения. Вы, ребята, многое можете для них сделать. Остановите, например, того, кто собирается в речке помыть машину, мотоцикл; это ведь очень загрязняет воду. Не ловите стрекоз, а наблюдайте за ними. Может быть, вам удастся увидеть то, чего не знают еще даже ученые.

А. ПЛЕШАКОВ

НЕ ЛОВИТЕ СТРЕКОЗ!

Июньское задание Красной тетрадки

Тебе понятно наше задание? Не только самому не ловить стрекоз (и в июне и в любое другое время), но и стараться другим ребятам объяснить, почему этого нельзя делать.

Ждем твоего сообщения о том, как ты справился с июньским заданием Красной тетрадки, какие у тебя были приключения и встречи. На конверте напиши: «НЕ ЛОВИТЕ СТРЕКОЗ!»

*А красотка легкая и нежная,
как бабочка.*

ПЕЧЕНАЯ КАРТОШКА

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Началось все с того солнечного воскресенья, в которое друзья ездили с родителями Антона на подмосковную дачу. Вернувшись домой, Максим долго рассказывал маме, как здорово было, какой вкусной была картошка, печенная на настоящем костре в настоящем лесу... С того времени ребята стали реже ссориться. Однажды даже Сережка Гусаров, яростный почитатель «Спартака», признал, что и «Торпедо» (болельщиком которого был Максим) не самая плохая в стране команда.

Главным в их жизни стало путешествие.

Как-то в начале декабря друзья сидели в подъезде на подоконнике и ждали, когда подсохнут варежки и носки. Снежки — удивительная игра. Вроде и не падаешь в снег, а все равно мокрый, как после хоккея.

— Кажется, так давно уже зима, — сказал Сережка, — а до весны еще целая жизнь...

— Не говори, — сказал Антон. — Еще у-гу-гу сколько...

— Да уж, — согласился Максим.

— А весна — хорошая штука, — сказал Сережка.

— Тепло, — расплющив нос о черное обледенелое оконное стекло, сказал Антон.

— Сейчас бы печеной картошечки...

— Брат говорил, что можно ее печь даже в газовой плите. Но лучше в лесу.

— В каком лесу? — сказал Максим. — Живем почти в центре Москвы.

— Сразу за Москвой начинаются леса!

— Это идея. Надо как следует подготовиться, продукты с собой взять, консервы... Я предлагаю по Киевскому шоссе идти, — предложил Антон.

— Потому что у тебя там дача? — спросил Сережка. — Нет, лучше куда-нибудь подальше, где нас никто не знает. Не на один же день мы поедем, и не ради одной только картошки!..

— Тогда на Урал! Там Чапаев воевал.

— Нет, лучше на Кавказ!

— Конечно же, нужно идти на Север. «Два капитана» смотрели?

— Смотрели. И «Три мушкетера» — тоже!

— Париж слишком далеко. Лучше на Кубу!

— Но Куба дальше, чем Париж!

— Не может быть, Куба рядом!

— В Америке, в другом полушарии!..

Место для тайника на стройке выбрал Максим. Прошлым летом он нашел там сибирского котенка и знал стройку как свои пять пальцев. За ржавым чаном, между оконными рамами и грудой рубероидных свертков ребята размели снег и закопали в мерзлую землю большой фанерный ящик с плотной тяжелой крышкой на петлях. Когда темнело, они приносили сюда в карманах тушенку, фрикадельки в томатном соусе, шпроты... Однажды Сережка приволок даже баночку красной икры.

Был у друзей тайник и для сухого пайка.

В первом подъезде в дворницкой уже много лет стоял под привинченным к полу столом кованый сундук. Когда-то Сережка нашел в этом сундуке прожженную телогрейку, и ребята решили, что

принадлежала она погибшему на фронте солдату. Как она попала туда, никто, естественно, не знал. Решили спросить у кого-нибудь из взрослых. Оказалось, что телогрейку недавно бросил в сундук дворник дядя Витя. В этот сундук ребята складывали чай, сухофрукты, печенье, конфеты. Сэкономленные на кино и мороженом деньги отдавали единогласно избранному казначею — Антону. Он прятал их за ванной, обернув в целлофан.

На Кузнецком мосту купили толстый атлас мира.

На глазах темнели и грузно оседали пористые сугробы. Сонно жмурились на солнце мокрые коты, лежащие на скамейках у подъездов. Трамваи колесами разбивали мутные лужи на тысячи осколков. Все оживало. Ожила и стройка. Подъемный кран, неизвестно откуда появившийся, поднимал железобетонные плиты в самое небо. Ржавого чана, за которым находился тайник, уже не было на месте.

— Теперь куда? — спросил Антон.

— Спокойно! — хлопнул его по плечу Сережка Гусаров. — У нас ведь запасы не только на этой стройке!

Но сколько они ни толкали, ни скребли, ни царапали, — дверь дворницкой открыть так и не удалось.

— А теперь что? — спросил Антон.

— Обсудить надо, — сказал Максим.

— Да что там обсуждать, — упрямо крикнул Сережка. — Дома никого нету сейчас? Встречаемся здесь через двадцать минут. Кто что сможет...

У Максима дома оказалась только бабушка, она ничего не заметила. Он набил карманы печеньем и конфетами, положил пачку чая, взял из мешка у плиты семь больших картофелин...

...С одной стороны часы на вокзальной башне показывали половину восьмого, с другой — без тринадцати пять. Был полдень. Солнце поднялось высоко над Москвой. В луже у выхода из метро плавали размокшие окурки, бродили тощие мокрые сизари.

Найти кассы поездов дальнего следования оказалось делом нелегким. Ребята ходили по вокзалу, разглядывая объявления, расписания, витрины газетных киосков и буфетов, пассажиров, ожидающих поездов...

В кассу стояло человек пять. Минут через сорок, когда очередь почти подошла, окошечко захлопнулось.

— На обед ушла, — грустно выдохнув, сел на чемодан бритоголовый солдат. — Это надолго.

— Как? — возмутился Сережка. — И другие кассы обедают?

— И другие, — ответил солдат. — Садитесь, хлопцы, отдыхайте.

Из разговора с солдатом выяснилось, что на скопленные двенадцать рублей двадцать четыре копейки и одного билета не купить: ни до Урала, ни до Кавказа. И вообще: с этого вокзала поезда идут только в западном направлении — на Украину, за границу...

— Что будем делать? — спросил Максим, когда солдат отошел.

— Брат рассказывал, — сказал Антон, — что они с проводниками договаривались.

— Идея!

К платформам поездов дальнего следования Сережка бежал легко, тонким прутиком стегая себя по голенищу резинового сапога. С котелком за ним попевал Максим. Антон отставал. Рюкзак тянул его к земле, на груди болтался полевой бинокль, сбоку гремела банками хозяйственная сумка, привязанная к ремню. Сзади, под рюкзаком, дребезжал какой-то загадочный прибор, прозванный Сережкой астролябией, — для измерения земли и прогноза погоды. Карманы Антона были набиты вареными яйцами, картошкой, луковицами.

— Не отставать! — командовал писклявым голосом Сережка.

Ребята подбежали к красному поезду. Окна его были завешены чистенькими занавесками.

— Тетенька, — переводя дыхание, обратился Гусар к полной румяной проводнице. — Можно нам с вами?

— Куда? — улыбнулась женщина, глядя на раздувшийся рюкзак с двумя заплатами.

— Нам бы до...

— На Украину, — оттолкнул его Максим. — У нас есть деньги, двенадцать рублей!

— Ох, ребятки, не до вас тут, — отвернулась проводница и крикнула в сторону первого вагона: — Кость, скорей давай! Через десять минут отправляемся...

— Ничего, — подтягивая рюкзак на Антоновой спине, уверял Сережка. — Первый раз сорвалось — ерунда! Потолкаемся, глядишь, и поедem.

В дверях восьмого вагона стояла девушка. Ее большие густо накрашенные глаза смотрели в весеннее пространство. Положив левую руку на бедро, она ритмично пристукивала острым носком сапога. Светло-серые чулки блестели на солнце.

— Кто к ней подойдет первым? Орел — решка, — Антон. Скажи, что ты видел ее по телевизору, — напутствовал его Сережка. — Я точно помню, она шпионку играла.

К платформе Сережка бежал легко, прутиком стегая себя по голенищу. С котелком за ним попевал Максим. Антон отставал.

Вернулся Антон через десять секунд.

— Сам к ней иди.

Сережка с Максимом выждали минут пять и подошли к девушке.

— А я вас видел...

— В роли шпионки? — перебила она Сережку. — Слышала уже. Дальше что?

— И в роли нашей разведчицы тоже. На прошлой неделе многосерийный фильм был!

— И что мне теперь, не жить?

— Жить... — растерялся Сережка.

— Не могли бы вы взять нас с собой на Украину? — спросил Максим. — У нас есть деньги...

Девушка поменяла позу.

— А в Париж не хотите?

— Хотим, — тихо сказал подошедший Антон. — Очень хотим.

— Еще куда?

— Еще хотим в Америку, на Кубу...

— А в Австралию?

— Конечно! Но больше хотим на Огненную Землю!

— Не слушайте его, — толкнул Сережку в спину Антон. — Больше всего мы хотим в Париж. Граф Монте-Кристо, замок Иф, мушкетеры, д'Артаньян!

Издали в клетчатых кепках и несуразных плащах шли иностранцы.

— В Париж им хочется, видите ли! — сжала она яркие губы. Прижавшись другу к другу, ребята ждали, стоя в луже. — Идите отсюда, некогда мне с вами разговоры разговаривать!

Девушка торопливо достала из кармана форменного пиджака белый носовой платок, на мгновение скрылась в вагоне и вышла навстречу пассажирам уже другой — ослепительно счастливой.

Друзья сошли с перрона, сели на мокрую облезлую скамейку. Антон снял с плеч рюкзак и поставил его на асфальт.

— Что делать будем, орлы? — спросил Сережка.
— Знаешь, Гусар, — начал тихо Антон, глядя себе под ноги. — Ты не обижайся, но я не поеду. Дома рыбки не кормленные. С Кингом гулять надо...

— Так, — встал Сережка. — А ты?

— У меня вообще-то Мухтар... и марки не разложены... — пожал плечами Максим. — Но Колумба эта размалеванная не остановила бы!

— «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»...» — пропел Гусар.

— Кто куда, а я — домой, — поднялся с асфальта Антон.

— А если я понесу твой рюкзак? — спросил Сережка.

— Нога болит.

— Хиляк ты! Давай твою сумку. На что не пойдешь ради общего дела!

— Нет, я — домой.

— Черт с ним, и астролябию твою давай!

— Это твоя астролябия.

— Ладно, моя! Решай, идешь или нет? Кто не с нами, тот против нас, правда, Максим?

— Так и быть, иду, — пробубнил Антон.

— Спасибо за одолжение. Ого-го! — вскинул себе на плечи рюкзак Сережка. — Увесистый. Вперед!

Антон уныло поплелся за ним.

Максим смотрел на них сзади и улыбался. Маленький Гусар под махиной рюкзака напоминал ежа, наколовшего на свои иголки громадный, раза в три больше себя самого арбуз. Тощий Антон в голубом берете походил на голодного, подбитого на одну ногу жирафа.

Возле булочной друзья развернули карту Москвы. Вот кончается проспект. Кинотеатр. На

«Ничего больше в жизни не надо, — думал Максим, — лежать вот так на боку, хрустеть печеной картошкой и смотреть в темное небо...»

запад, через Кунцево. Привал за Кольцевой дорогой.

— Запе-вай! — скомандовал Гусар.

— Сам пой.

Пересекая улицы и перекрестки, ныряя в подземные переходы, они прошагали больше часа. Антон начал отставать. То носок подтягивает, то завязывает шнурок, то берет поправляет... Наконец, он топнул по асфальту натертой ногой, плюнул и сел на ящик.

— Дальше не пойду! И «Человек-амфибия» сегодня по телевизору. И контрольная завтра по арифметике. Не пойду, и все!

— Еще немного, до Кольцевой тут рукой подать...

— Сказал, не пойду!

— Какая амфибия! — взорвался Сережка. — Какая контрольная? Я всегда знал, что ты — маменькин сынок. Бери свой дурацкий рюкзак и проваливай отсюда!

— Чего кричишь-то?

— Катись!

— Кончай, Гусар, — встал между ними Максим.

— Да я ему щас! — кричал Сережка. — Сам ведь затеял это путешествие. Начитался всяких книг — поедem-поедем... Да я тебя! — Гусар вырвался из рук Максима и вlepил Антону в ухо, но промахнулся, попал по плечу.

— Получишь! — пытался схватить его за руки Антон. — Не от меня, так от брата! Не волнуйся, он еще в армию не ушел.

Сережка еще раз врезал Антону. Тот отлетел шагов на пять. Гусар подбежал, но поскользнулся и полетел в глубокую грязную лужу. Тут же встал, догнал удирающего Антона, и они покатались по серому снегу, смешанному с жидкой глиной. Лишь визг тормозов разнял их. Долго они стояли друг против друга, задыхаясь, мокрые, грязные...

— Дурак ты, понял?

— Сам ты осел!

— Все брату скажу!

— Козел! Твой фингал всю Москву освещает!

Максим вытер снегом их лица, поднял и выжал берет. Хотел положить к себе в карман, но Антон вырвал берет и яростно натянул на уши.

— Пошли,—бросил он через плечо.— Нечего время терять. Будем идти, пока не свалимся от усталости. Поняли? Колумба все это ни за что бы не остановило.

— А как же «Человек-амфибия»? — усмехнулся Максим.

— Не твое дело,— оборвал Антон.— И ты хочешь получить?

— Ой, как страшно. Прямо Змей Горыныч...

— Кончай, Максим,—неожиданно вступился за своего врага Сережка.— Полегче на поворотах.

— Теперь оба на меня?

— Антон прав.

— Ну ладно,—поднял рюкзак Максим.— Пошли.

— И астролябию неси. А то мы всю дорогу ее тащили. Может, из-за нее все так и получилось.

Через километр Сережка начал жаловаться на боль в руке, на вымокшую одежду. Устал и Максим. Лямки рюкзака больно резали ключицы, астролябия грохала сзади. Но Антон, возглавлявший теперь колонну, был неумолим. Упрямо шел вперед.

Темнело. Небо делалось темно-фиолетовым. Пахло весной, шумело по-весеннему. Зажигались фонари. Они отражались в черных блестящих лужах и напоминали маленьких медвежат, съезжившихся от холода.

— Давайте здесь перекусим,—предложил Сережка возле каких-то ящиков и коробок.

— Нечего! — отрубил Антон.— До Кольцевой еще далеко.

Но вскоре Антон снова захромал. Вперед пошел Максим и, закусив нижнюю губу, вел друзей еще кварталов пять. У парка, под толстым дубом, он остановился и сбросил рюкзак на кучу прошлогодних листьев.

— Все. Приехали.

Друзья собрали хворосту, старых газет, сгребли листья, сложили щепки колом и быстро раздули костер. Антон притащил тяжелое и сухое полено. Максим рубил тесаком рогатульки и перекладину для котелка. Сережка где-то раздобыл воды.

Что может быть вкуснее печенной на углях картошки? Выкатываешь ее черную, пузатую из самого жара, начинаешь потихоньку чистить, она дышит на тебя ароматным теплом... Густо посыпав ее крупной солью, осторожно, одними губами притрагиваешься, кусаешь рассыпчатую, белую. А если запить горячим чаем, мастерски заваренным Антоном, да еще с настоящими конфетами?!

«Ничего больше в жизни не надо,—думал Максим.— Лежать вот так на боку, хрустеть печеной картошкой и смотреть в темное небо, на звезды, на деревья... Жизнь прекрасна потому, что можно путешествовать. С друзьями. Сидят они рядышком, в черных от сажи руках держат общую походную кружку, дуют на кипяток. А ссоры никакой и в помине не было. Как старательно развешивал над костром Антон Сережкины носки!.. Глаза слезятся от дыма. И ноги гудят.

Торопятся, спешат по небу тяжелые темные тучи, похожие на волшебников, стараются проглотить звезды и луну... Зачем? Куда они бегут? Может быть, на Урал или в Париж? Или еще дальше? Пусть себе бегут. Лучше, чем возле этого костра, нигде не будет.

Даже на Огненной Земле...»

Г. ДОЛОТКАЗИН

Объяснительная

ЮМОРЕСКА

Урок в четвертом классе шел уже пять минут. В это время раздается стук в дверь и появляется Вася Ерошкин:

— Разрешите войти?

— О, Ерошкин, как всегда, в своем репертуаре,—говорит учительница.— Что опять у тебя стряслось?

— Да... так... получилось...

— Все, Ерошкин! — нервничает учительница.— Так дальше продолжаться не может. Садись и напиши объяснительную записку, почему ты опоздал.— И продолжает: — Итак, ребята, сегодня мы рассматриваем с вами...

Пока учительница рассказывает, Ерошкин проходит в класс и садится за парту. Достает лист бумаги и авторучку.

— Людмила Викторовна,—поднимает он руку,—а как писать объяснительную?

— Опять, Ерошкин, ты мешаешь нам работать. Напиши: я, такой-то сякой-то, опоздал на урок по тому-то, сему-то и так далее... Понятно?

— Понятно,—кивает Ерошкин и начинает писать.

— Теперь, дети, переходим к новому материалу.

Раздается звонок. Урок окончен.

— Написал, Ерошкин? Принеси свою объяснительную.

Ерошкин подает, и учительница начинает читать:

«Обиснительная.

Я, такой-то сякой-то, опоздал на урок потому-то, сему-то и так далее...»

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Где жили первобытные люди?

Ученица. Они находили норки крупных животных и украшали их.

Саша Курбатов,
с. Городенск,
Курская область.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Игорь, расскажи о городах Черноморского побережья.

Ученик. На Черном море города теплые.

Игорь Борцов,
г. Могилев.

Учитель. Какие условия необходимы для образования атмосферных осадков?

Ученица. Для образования атмосферных осадков необходима туча.

Наташа С.,
г. Чита.

Учительница. Расскажи о климате в тундре...

Ученик. Летом в тундре наступает зима.

Женя Чистова
и Люда Вирченко,
г. Тула.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Что такое метеориты?

Ученица. Это маленькие камушки, которые раскаляются и свистят.

Олеся Молина,
г. Саранск.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учительница. Для чего зайцу длинные уши?

Ученица. Для того, чтобы прятаться от страшных зверей.

Таня Верейкина,
пос. Медведево,
Марийская АССР.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Саша, расскажи, как движутся молекулы.

Ученик. Молекулы движутся дикообразно.

Лена Деревянкина,
с. Новопетровка,
Амурская область.

НА УРОКЕ ХИМИИ

Учительница. Какие вещества не растворяются в воде?

Ученик. Рыбы.

Светлана Павлова,
с. Икряное,
Астраханская область.

Из школьных сочинений

«Дождь тихо прошел по террасе».

«Его правая щека весело улыбалась».

«Синицы свистом делают гнезда».

«На картине изображен летний вечерний день».

«Все их хозяйство состояло из тельенка, поросенка и двух мальчиков-близнецов».

«Два ершика, лещ и маленькая щучка щурятся на солнце».

«Поезд с грохотом помчался по шоссе».

«Троекуров был как бы хулиган».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Что нам
читать?

22 июня А. С. Некрасову, детскому писателю, автору книги «Приключения капитана Врунгеля» и многих-многих других рассказов и очерков, члену редколлегии, большому другу журнала «Пионер», исполняется 75 лет.

— Андрей Сергеевич, запомнился ли вам самый первый день в «Пионере»?

— Конечно, и не только день, но и задание, которое я получил тогда в редакции. В 1934 году я вернулся в Москву с Дальнего Востока, где плавал матросом сначала на спасательной шлюпке, потом на ледоколе «Добрыня Никитич». К тому времени у меня было уже несколько рассказов, и я решил отнести их в «Пионер».

Редакция помещалась тогда в небольшом трехэтажном домике на улице Горького — сейчас на этом месте построена гостиница «Москва» — и занимала всего две комнаты.

Встретил меня Борис Житков — замечательный писатель, работавший в то время в «Пионере». Он внимательно выслушал меня и стал расспрашивать. Его интересовало все: и мои путешествия, и люди, с которыми я вместе плавал, и даже киты, которых мне приходилось видеть довольно часто. Я, польщенный таким вниманием, собрался уже писать чуть ли не роман, но не тут-то было. Житков предложил мне

сделать небольшой — на две-три странички — очерк. Слегка разочарованный, я все же взялся за дело и через несколько дней принес готовый материал. Прочитав его, Житков снова обратился ко мне с вопросом: «Вот что, Некрасов, скажите честно, вы все это сами видели или прочитали у Брема?» «Конечно, сам, — отвечаю я. — Я же вам рассказывал: путешествия, море... А кит — такая громадина! Смотришь на воду и видишь остров. Остров как остров, не за что глазу зацепиться. Вдруг этот остров медленно, почти незаметно скрывается под водой, и тут только ты понимаешь, что это не остров, а самый настоящий кит. Помните, я вам еще фотографию показывал, где мы сидим за столом и пьем чай в пасти кита...» «Да я вам верю, верю. Только написали вы об этом плохо — неинтересно, неубедительно. Почему не сказали, что кит погружается в воду головой, а не хвостом — это же деталь, которую знает только очевидец? Идите-ка к художнику, попросите его нарисовать ваш рассказ. Может, тогда вам станет легче». Так я и сделал.

Действительно, дело пошло быстрее, правда, и после этого еще пришлось поработать над этими страничками, прежде чем их напечатали в журнале. С тех пор я старался писать все, как было, ничего не выдумывая, и героев своих рассказов тоже срисовывал с настоящих людей.

— А как же капитан Врунгель? О его невероятных похождениях знают все ребята.

— Да, здесь, пожалуй, особый случай, хотя и у этого героя тоже был прототип. На Дальнем Востоке я работал в китобойном тресте, который возглавлял лихой, энергичный человек, наделенный огром-

ным чувством юмора. Звали его Андрей Васильевич Вронский. Он часто рассказывал нам о том, как, еще будучи учеником школы для подготовки капитанов, задумал со своим товарищем совершить кругосветное путешествие на двухместной парусной яхте. Уже был составлен план путешествия, и старая яхта, найденная невесть где, была отремонтирована, но... путешествие не состоялось. Зато у Вронского появилась блестящая возможность сочинять забавные истории и небылицы.

Приехав в Москву, я решил записать все его рассказы и, зацепившись за фамилию Вронского, назвал героя своей новой повести — добродушного старичка капитана — Врунгелем.

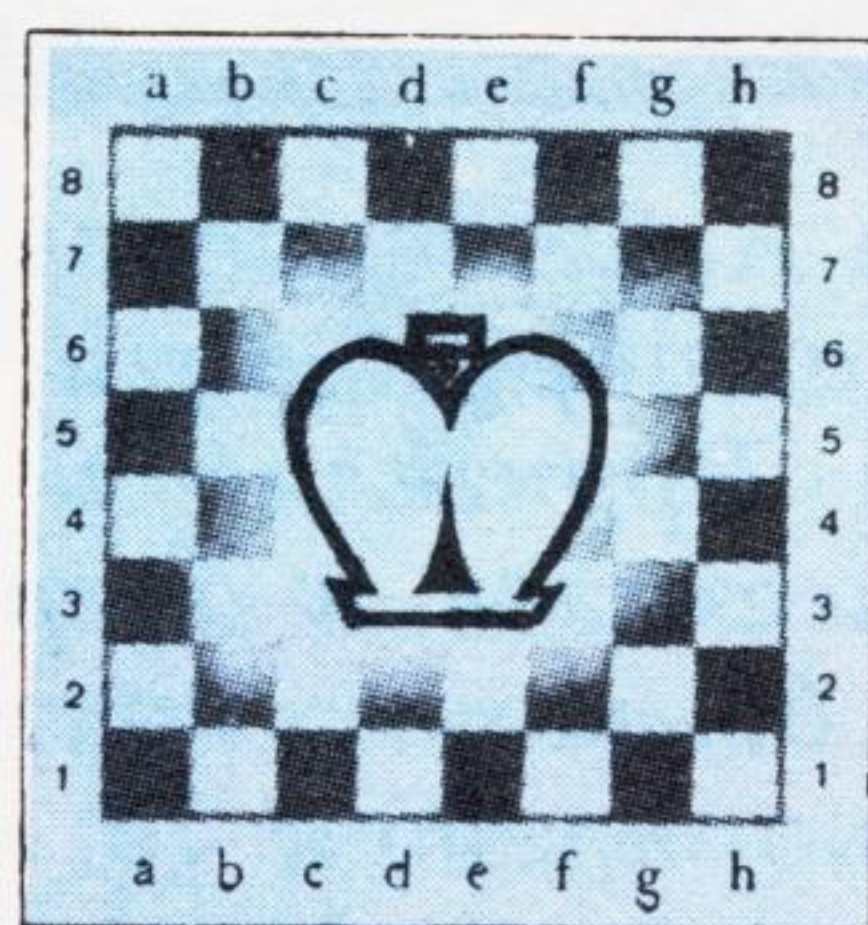
Дорогой Андрей Сергеевич! Редакция журнала «Пионер» от имени всех ребят — читателей ваших рассказов и очерков — поздравляет вас с днем рождения! Здоровья вам и больших творческих успехов!

Нарисовал «Приключения капитана Врунгеля» Константин Павлович Ротов.

ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ

В СТРАНЕ ШАХА —

И БЕЛЫХ ПОЛЕИ

Легкий ход

Многие ребята любят не только решать шахматные задачи, но и составлять их. Только не всегда удачно это у них выходит. Наши читатели **Алексей Чернов** (г. Корсаков, Сахалинская область), **Алик Русин** (г. Черемхово, Иркутская область), **Саша Белинский** (г. Кишинев), **Ярослав Ненашев** (г. Пермь), **Сергея Жилин** (г. Ростов-на-Дону), **Володя Степнов** (г. Новокузнецк), **Руслан Водяницкий** (г. Орехов, Запорожская область) и другие просят объяснить, почему задачи, которые они составляют, решать неинтересно и скучно.

Главный недостаток ваших задач, дорогие друзья, в том, что решения их очевидны, сразу бросаются в глаза. Очень часто они начинаются с таких ходов, как шах или взятие фигур. И тогда первым ходом решения отнимается единственное свободное поле у черного короля, а найти такой ход, согласитесь, нетрудно.

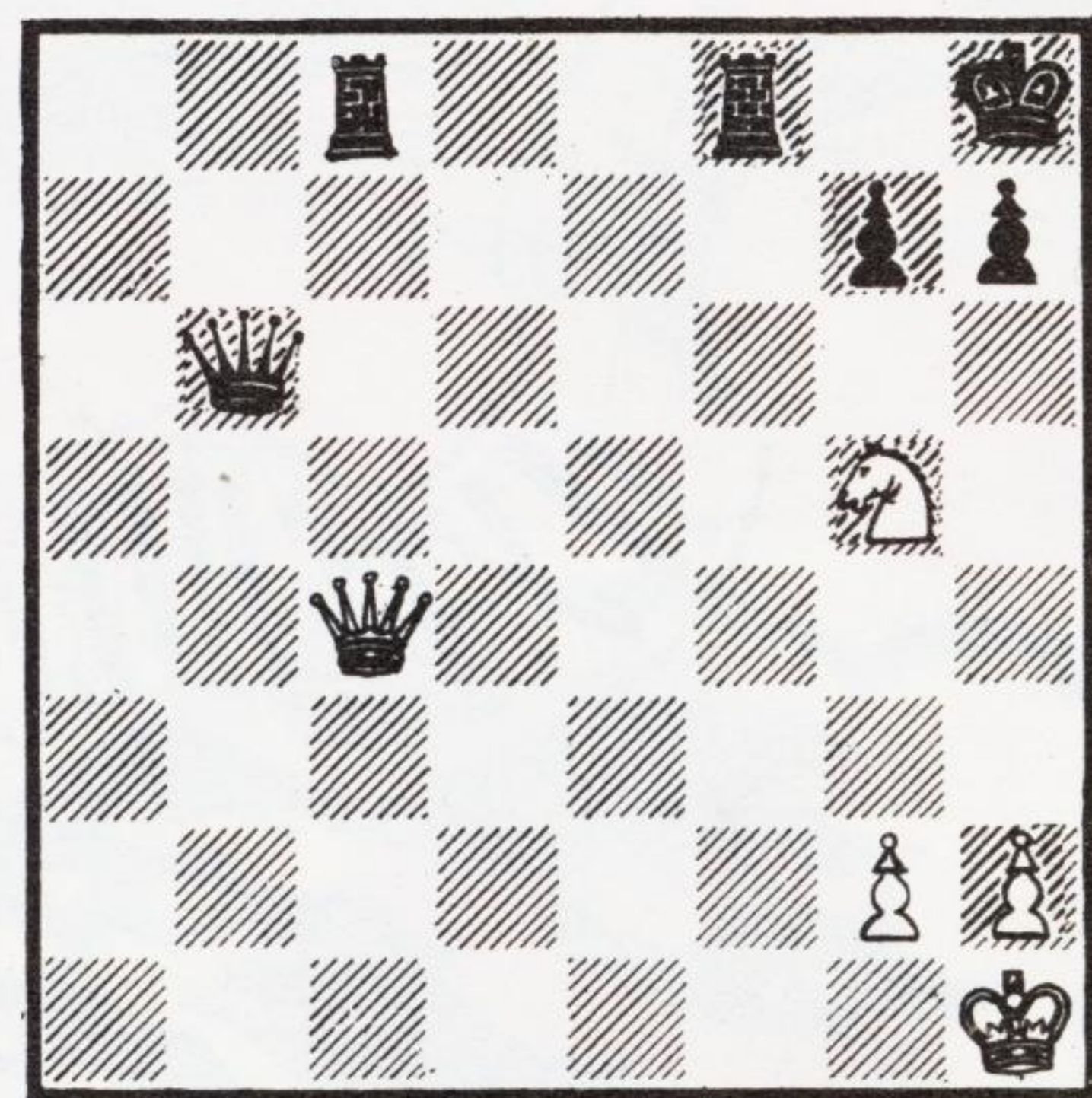
Вот, например, позиция, которую прислал **Кирилл Урусов** (г. Энгельс, Саратовская область). Белые: Kph3, Ch6, Ch7; черные: Kph1, пешки a2, b2, c2, h2, h4. Мат в два хода. Белые играют 1. Се3 и затем дают мат слоном на е4. Конечно, решать такую задачу просто и неинтересно.

Чтобы научиться составлять шахматные задачи интересные, заставляющие думать, надо побольше решать задачи, которые мы помещаем, учиться у мастеров. Но только не так, как шахматист второго разряда Олег из г. Брянска. Он прислал Пешкину этюд известного русского мастера В. Платова и написал, что составил этот этюд сам. Мы уверены, что таких ошибок в почте нашего журнала больше не будет.

Интересна по замыслу задача, которую прислал ученик 166-й новосибирской школы **Даниил Якимович**.

Белые: Kph2, Lg1, Cg4, Ke5; черные: Kph4, Lf6, Cg6, Kd6, пешки e6, h5. Мат в два хода. Задачу решает маневр слона 1. Cf5!, и черные неизбежно получают мат конем на f3 или g6. Но при этом ходе у черного короля отнимается единственное свободное поле f5, а потому жертву слона найти нетрудно.

Закончим наш разговор о задачах трехходовкой, которую составил шестиклассник **Слава Тырин** (г. Киев).

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода.

Наше справочное бюро

Таня Наумова (г. Горький), **Лена Темникова** (г. Первомайский, Читинская область), **Витя Оноприенко** (г. Донецк) просят разъяснить, как записывать шахматные партии.

Посмотрите, ребята, на первую диаграмму. Шахматная доска здесь размечена буквами и цифрами. Название каждой фигуры пишется сокращенно: король — Кр, ферзь — Ф, ладья — Л, слон — С, конь — К. Чтобы записать ход, надо указать поле, на котором стояла фигура, и поле, на которое она пошла.

«Как записывается рокировка и что значит знак +?» — спрашивает **Володя Каменев** (г. Ленинск-Кузнецкий).

Короткая рокировка обозначается так: 0—0; длинная — 0—0—0. Знак + означает шах.

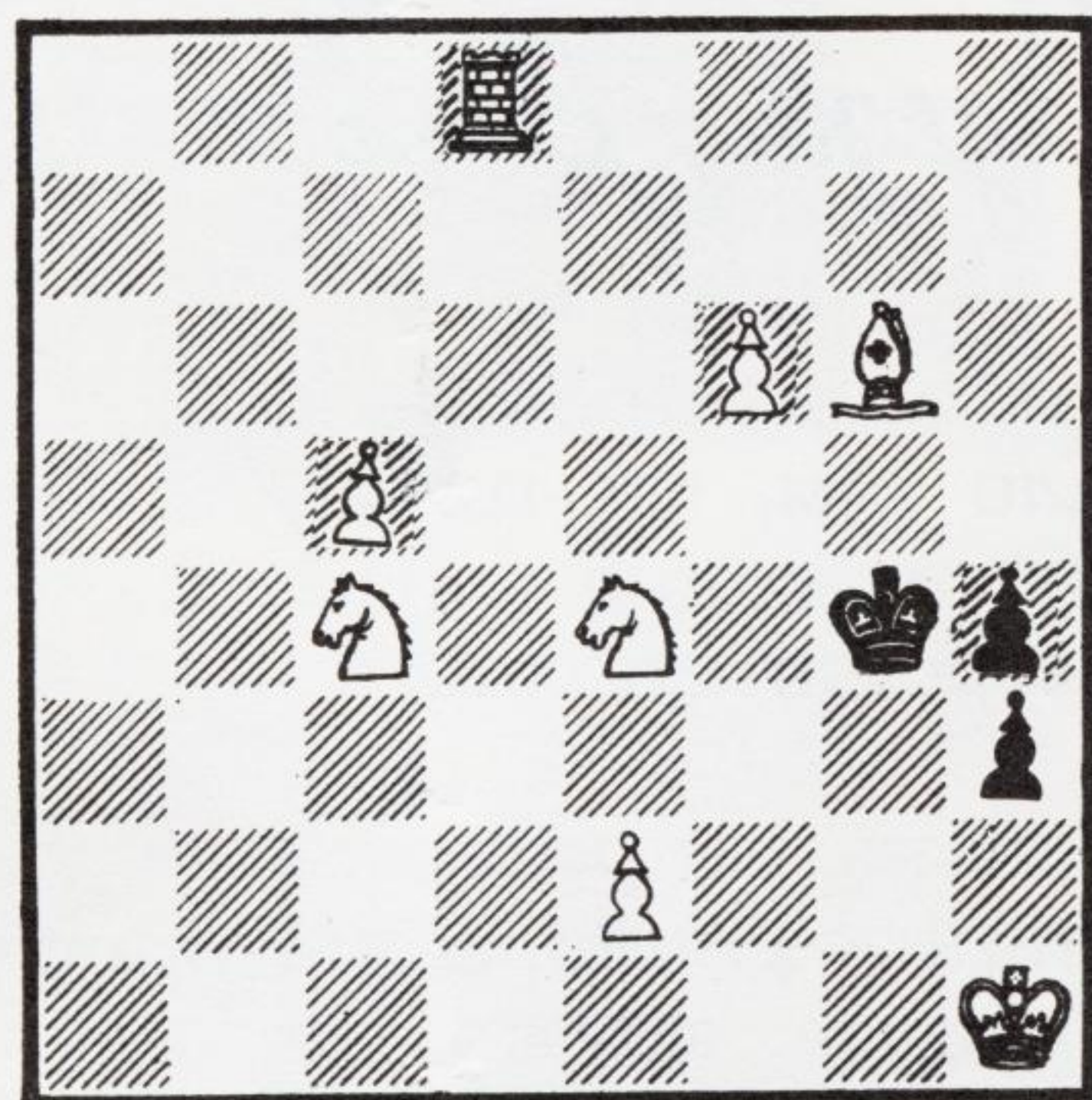
Некоторые ребята спрашивают, можно ли во время игры брать ходы обратно?

Ни в коем случае! Есть такое правило для соревнований: взялся за фигуру — ею должен ходить; поставил фигуру на ка-

кое-либо поле и отпустил руку — ход считается сделанным.

«Какая фигура сильнее: слон или конь?» Об этом спрашивает **Славик Коновалов** (г. Нижняя Салда, Свердловская область).

Эти фигуры примерно равны по силе, все зависит от позиции на доске. Есть положение, где «свирепствует» слон, а есть и такие, где конь творит чудеса.

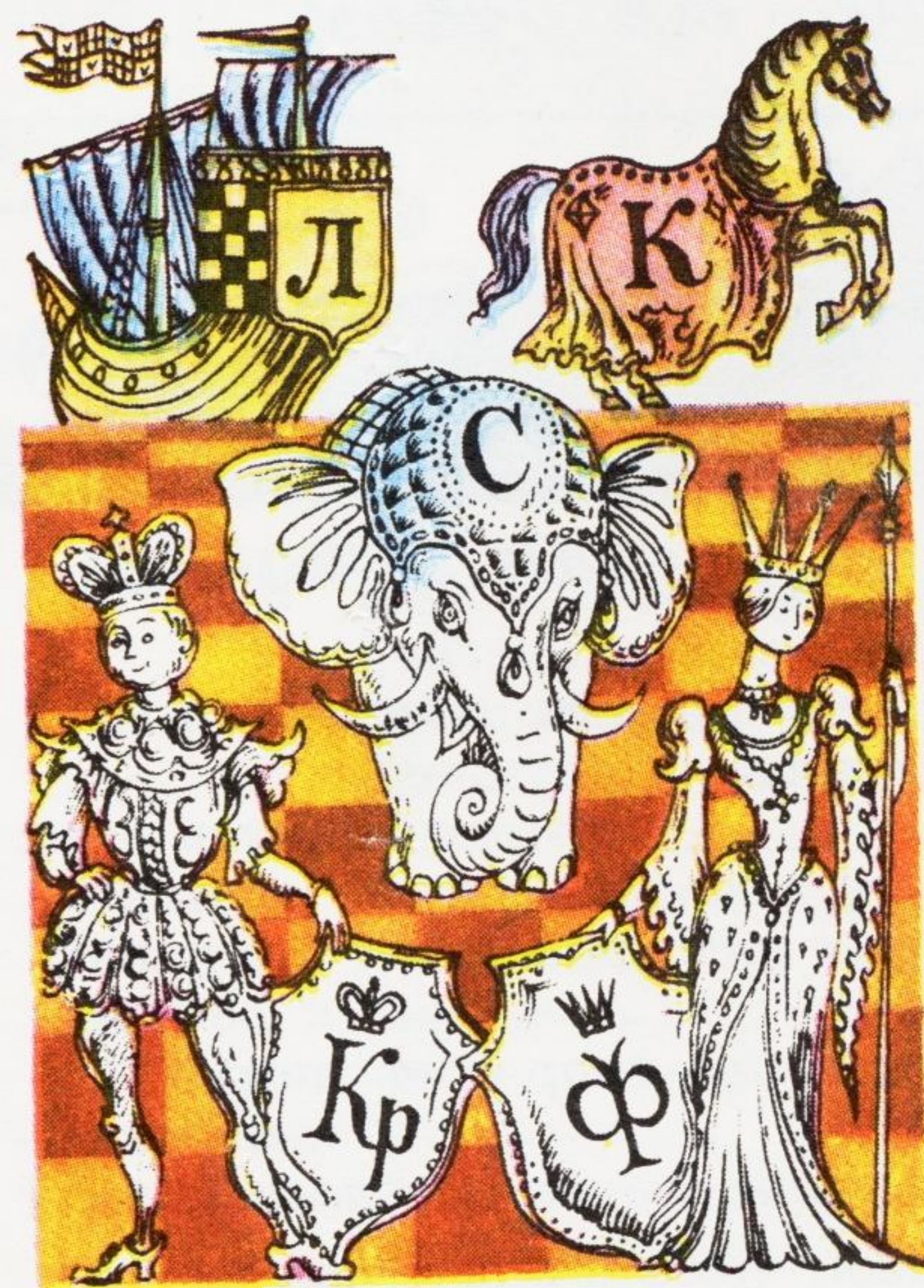

Мат, который здесь дали белые, называется «спертый». Черный король погиб «от удушья». Игра может развиваться так:

1. Kq5—f7+ Kph8—g8 (ладья не могла брать коня, тогда остается без защиты ладья c8)
2. Kf7—h6++ Kpg8—h8 3. Фс4—g8+! Лf8:g8 4. Kh6—f7 мат.

Второй ход белых отвечает и на вопрос **Вадима Пантелеева** (г. Алма-Ата), который хотел узнать, что такое «двойной» шах?

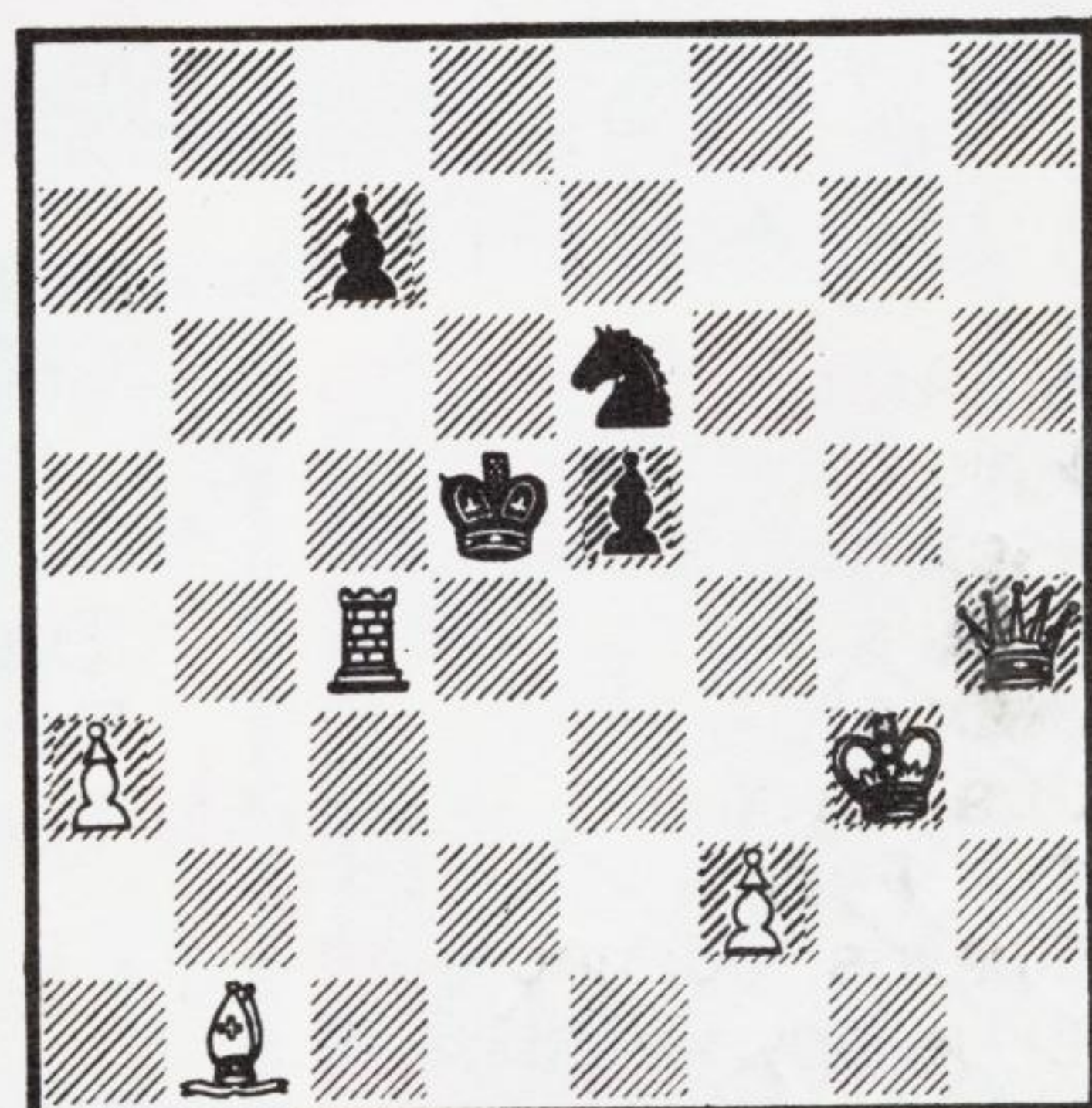
Обратите внимание — от двойного шаха закрыться нельзя: король может спастись только бегством.

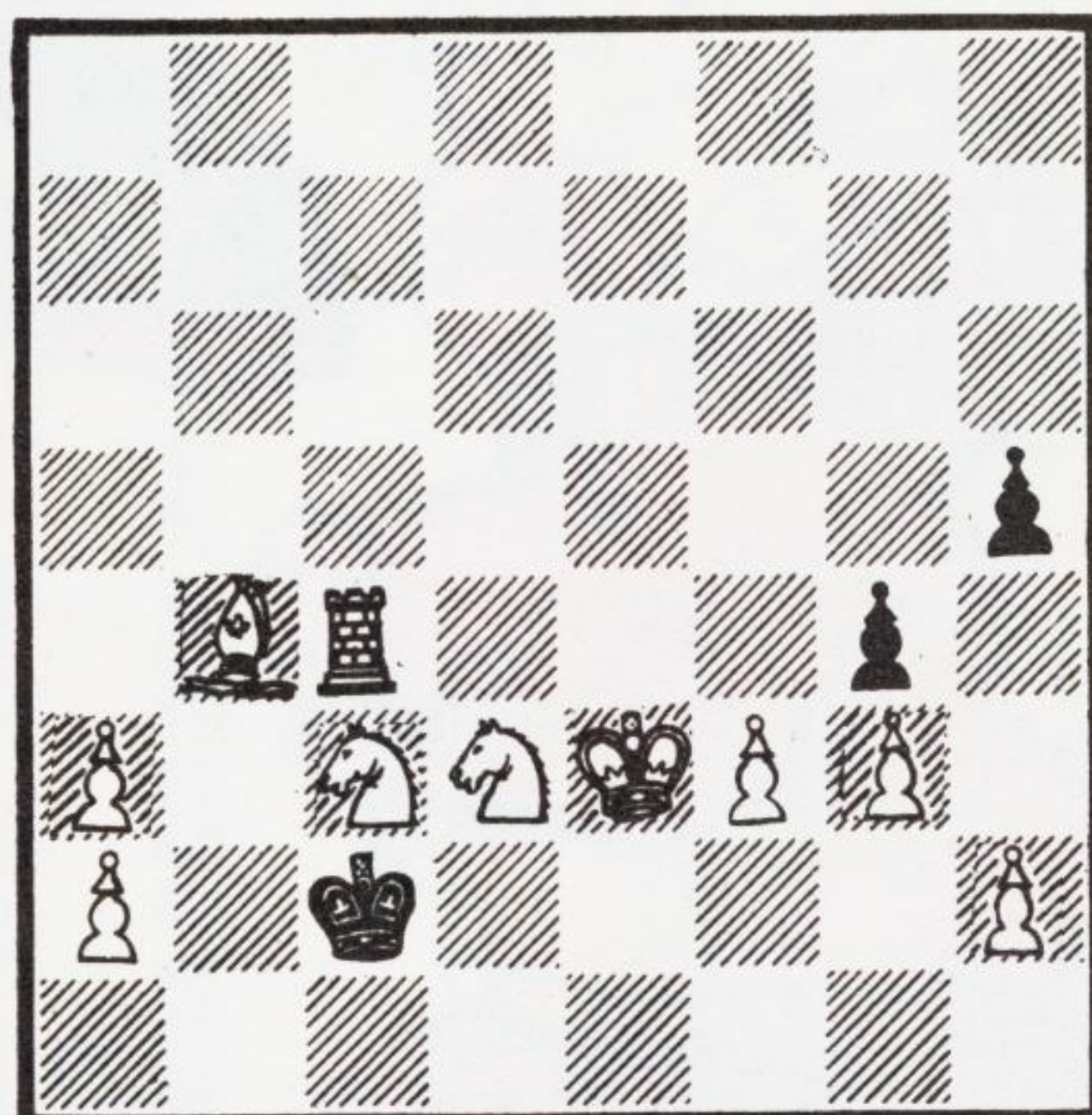
Кто получит награды?

В очередное заочное соревнование Пешкин включил две задачи и этюд. Обратите внимание на то, что в задачах игру начинают белые, а в этюде — ход черных. Хотя их пешки идут в ферзи, белые все же добиваются ничьей.

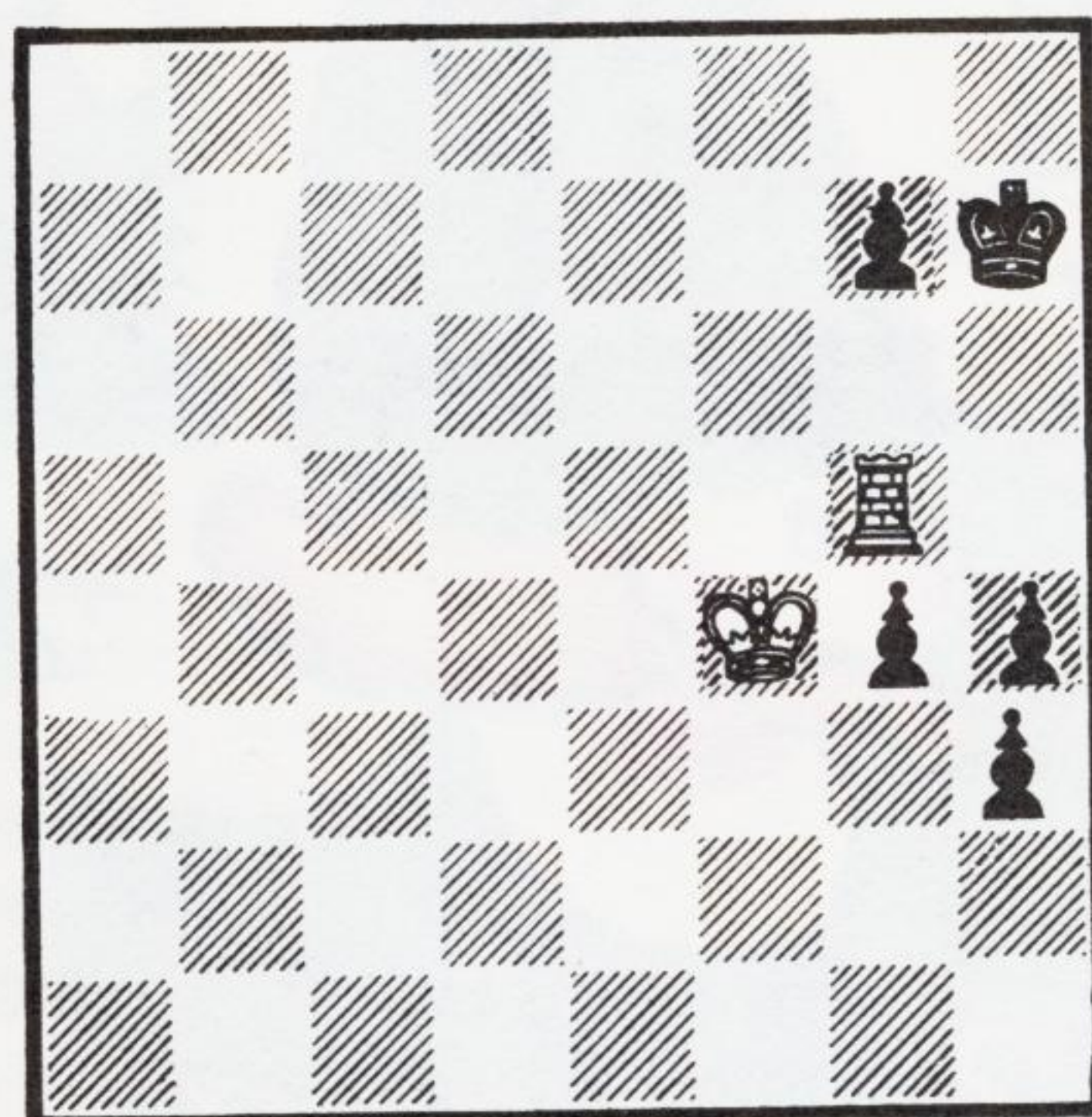
Десять победителей конкурса будут награждены грамотами и премированы сборником партий межзональных турниров первенства мира.

В этом положении белые дают мат в три хода.

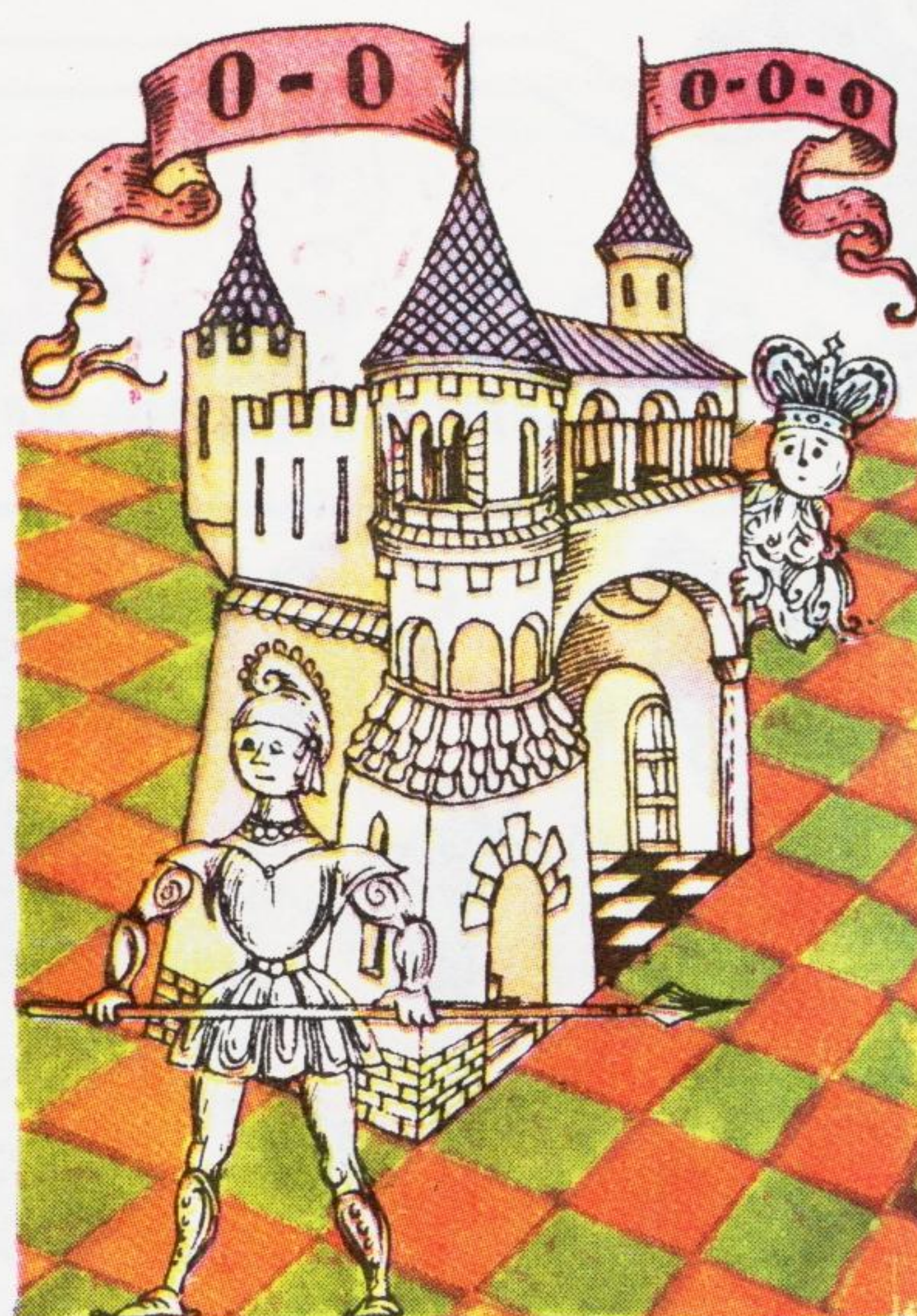

И здесь мат достигается в три хода.

Ход черных. Белые добиваются ничьей.

Ждем ваших решений, ребята!

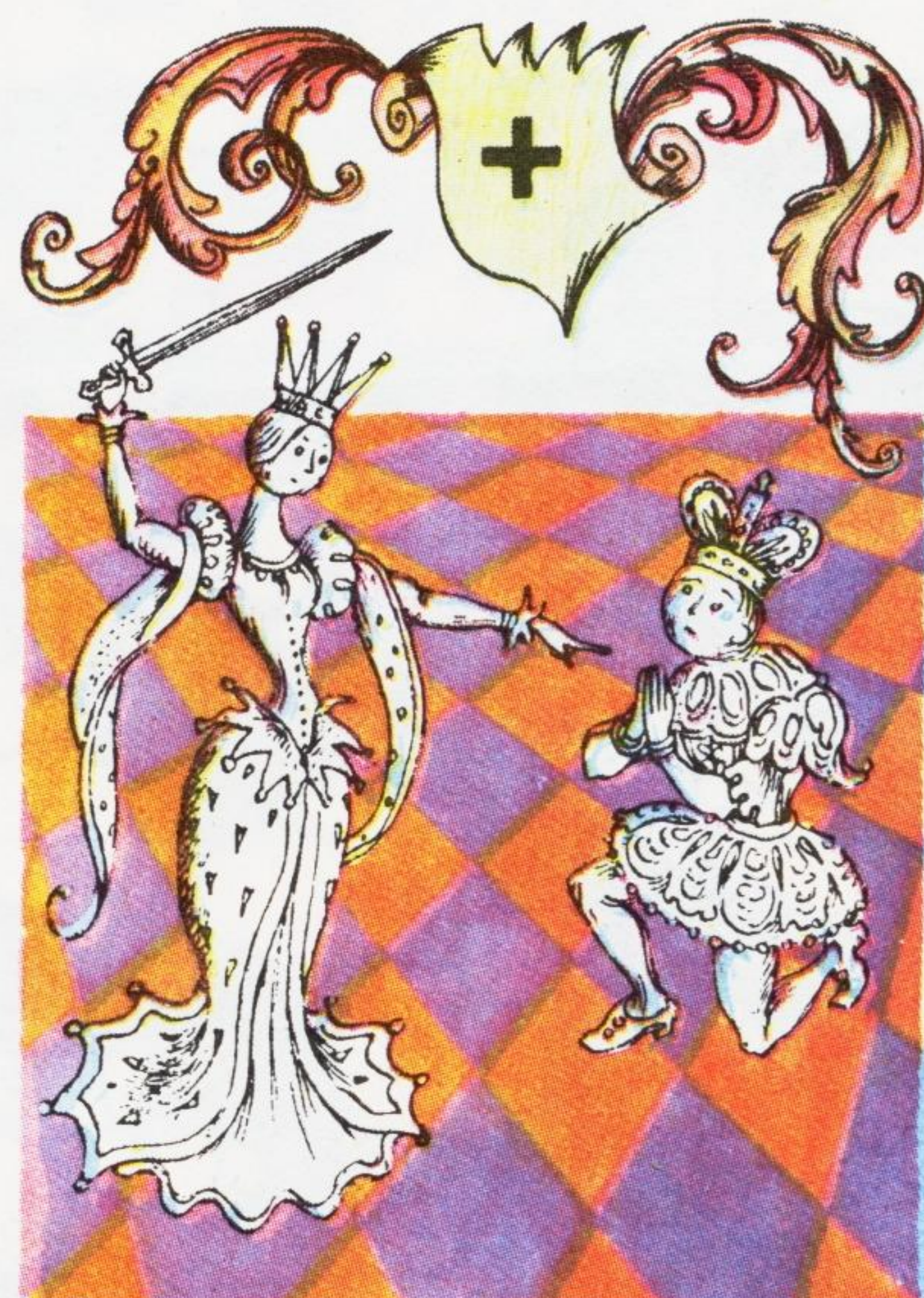
Наши чемпионы

Вот кто победил в заочных соревнованиях Пешкина в 1981 году:

Ира Васютина (п. Двуречная, Харьковская область), **Алексей Сухоруков** (совхоз «Знамя труда», Ставропольский край). Эти ребята получили второй спортивный разряд, они награждаются грамотами журнала и шахматными книгами.

Третий спортивный разряд присвоен **Владиславу Буга** (с. Перегоновка, Кировоградская область), **Александру Горячеву** (с. Сосновка, Саратовская область), **Юре Мелехову** (г. Череповец), **Серее Сорокину** (г. Москва), **Кириллу Урусову** (г. Энгельс).

Эти юные шахматисты также премируются шахматными книгами.

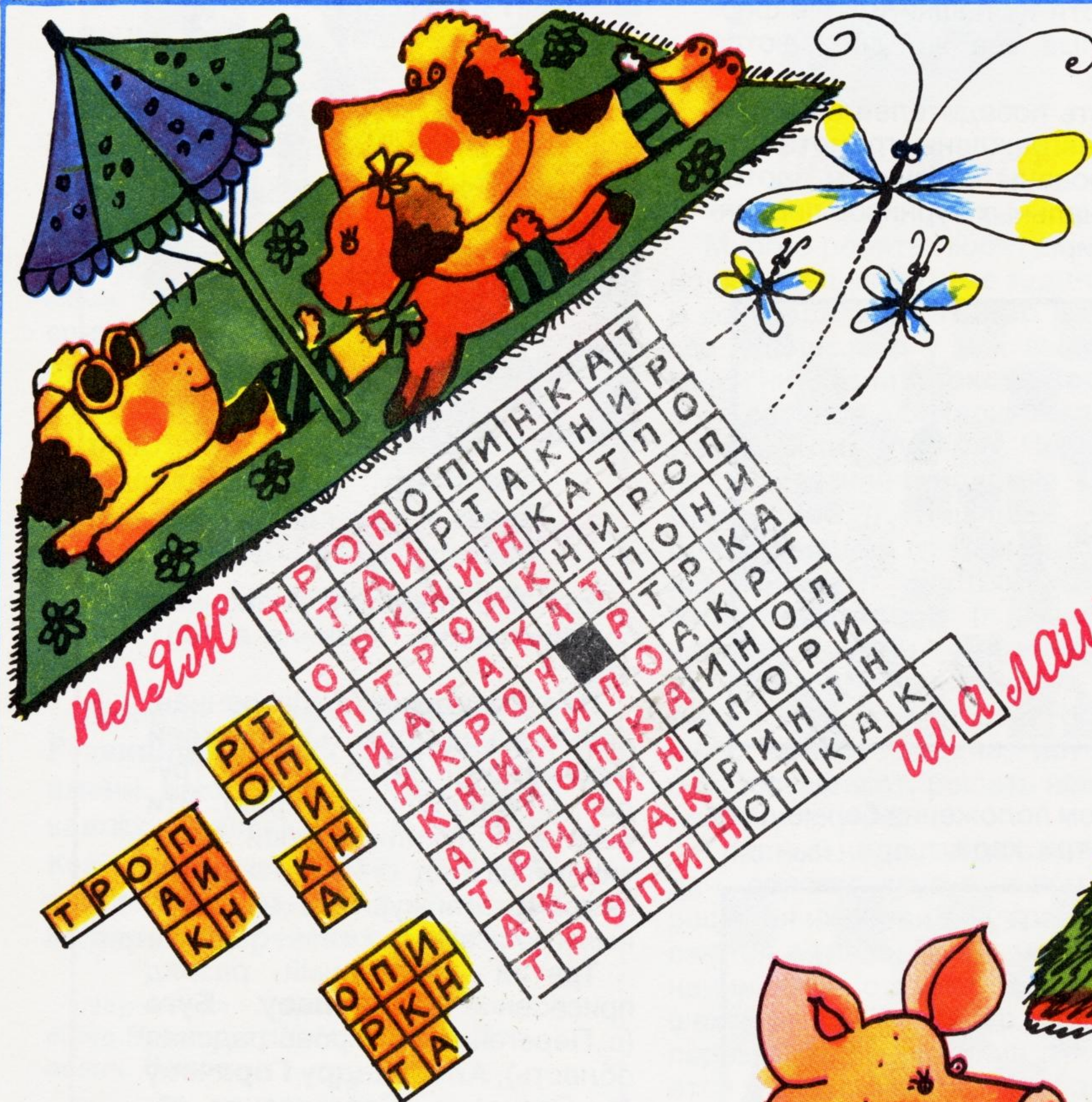

УМА

ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Тропинка

Игры деда Буквоеда

Бежит от озера тропинка,
Ее начало там, где пляж,
А на другом конце три свинки
Себе построили шалаш.

Задача очень непростая:
Ты хочешь к свинкам заглянуть —
Так потрудись, кружа, петляя,
Тропинкой весь проделать путь!

Примечание: на всем пути следует читать слово «тропинка», клеточки букв должны соприкасаться сторонами. Красными буквами показана часть дороги, пройденная Живживкой. Проверьте его маршрут и следуйте дальше.

В игре должны принять участие все буквы!

Живживкины загадки

У этой загадки забавный конец!
Паслись на опушке
шестнадцать овец.
У леса ходили они по опушке,
Вдруг пять побежали с опушки
к речушке.
Подумай — вопрос не лишен
интереса! —
Сколько овечек осталось у леса?
Совет: чтобы в ответе был ты прав,
прошу учесть овечий нрав!

КОЛЛЕКЦИЯ СЛОНА

ТАБЛИЦА

Вкус превосходный у слона,
Считают зебры и пантеры:
Слон собирает письма
Древнейших лет и нашей эры.
И в письма былых времен
Вникать умеет мудрый слон.
Глаза такой же остроты
Имеешь, может быть, и ты?
Найди — непросто ухитриться! —
Тот иероглиф, что у нас
Пять раз встречается в таблице
И на австрийской марке — раз!

Удар головой

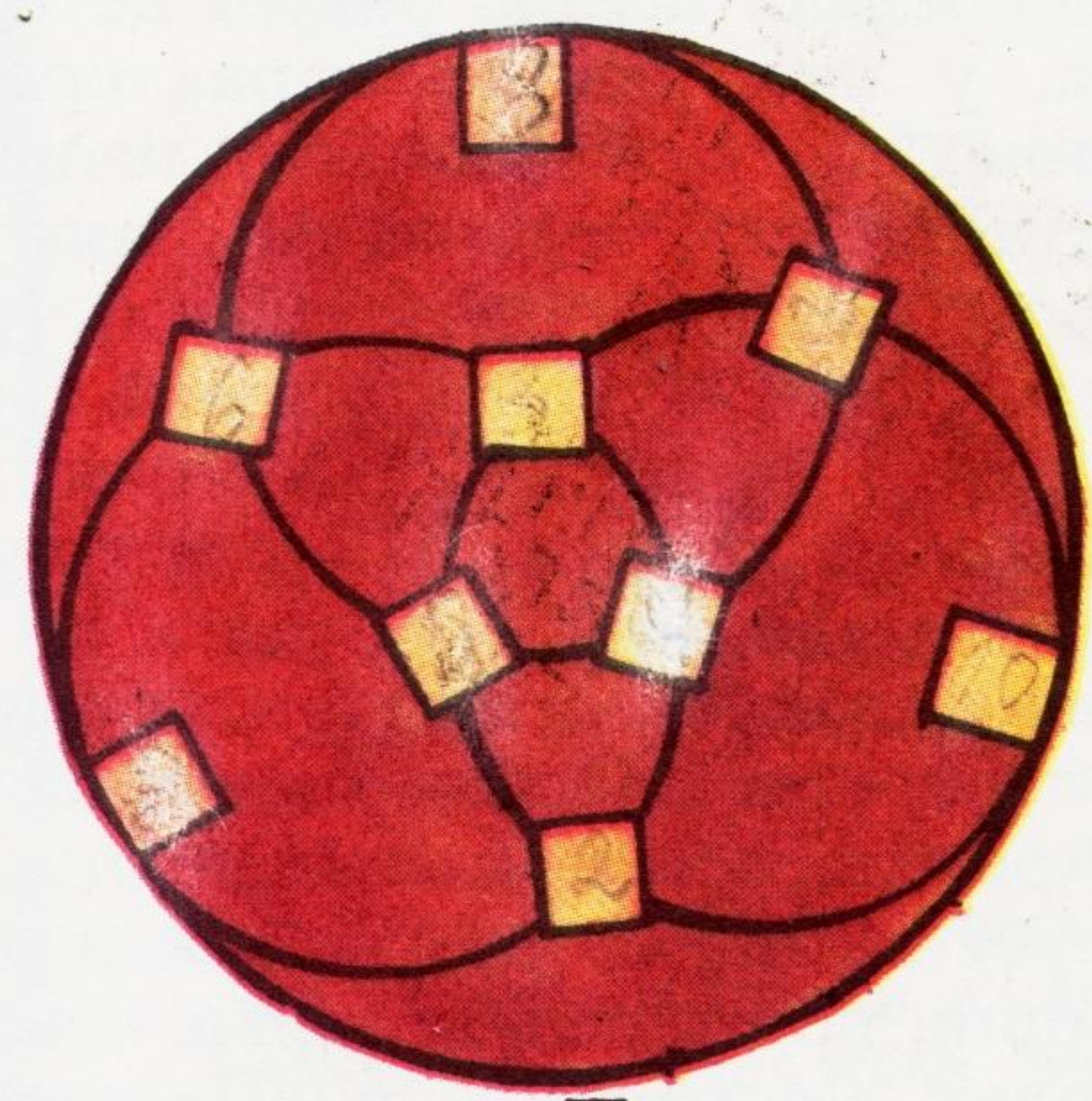
Капитан Перо ищет помощника

Хитрейшая из всех задач!
Перед тобой — футбольный мяч.
Ты видишь сам: четыре круга
Искусно в нем вплелись
друг в друга.

Простой приказ дается всем:
В квадраты числа так впишите,
Чтоб в сумме было 27
На каждой круговой орбите.

И это будет — смело в бой! —
Удар под штангу — головой!

Примечание: в игре участвуют
числа — 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 — каж-
дое по одному разу!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 5

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Назовите номера. А-1, Б-4, В-2, Г-8, Д-5,
Ж-7.

Канарейка и рейка. Канарейка стоит 41
коп., рейка — 1 коп.

Художник рисует детей

«Больше всего в жизни я люблю искусство, а ребят люблю вдвойне: они у меня в жизни, они у меня в искусстве» — это слова народного художника СССР Николая Николаевича Жукова, человека, который всю жизнь рисовал детей.

Рисовать детей очень трудно. Для этого мало любить их и интересоваться их жизнью. Для этого, наверное, надо быть особенным человеком, немножко волшебником.

«Дети,— писал Жуков,— это особый и большой народ; нужно научиться понимать их язык, уметь быть им нужным и интересным, быть другом, чтобы они доверились нам и впустили в тайник своей чудесной души».

Художник постоянно наблюдал за детьми, пристально изучал их поведение, жесты, выражения лиц... Именно поэтому образы, созданные им, поражают своей правдивостью и естественностью. Жуков рисует детей разного возраста, у них разные характеры, разное настроение, но каждый — это неповторимая индивидуальность, человек со своим внутренним миром, со своими мыслями и чувствами.

«Дети научили Жукова рисовать», — в шутку сказал кто-то из друзей художника. Отчасти так оно и было: когда в 1943 году у художника родилась первая дочь — Наташа, он увлеченно рисовал ее, сделал сотни набросков, зарисовок, портретов. Потом появилась вторая дочь — Арина, потом сын Андрюша. Художник рисует сцены из детской жизни, создает композиции, портреты, которые публикуются в журналах «Мурзилка» и «Пионер».

Во время Великой Отечественной войны Николай Николаевич Жуков был на фронте. И когда часть, в которой он служил, останавливалась в какой-нибудь деревне, художник, улучив свободную минутку, тут же доставал блокнот и карандаш и рисовал деревенских ребятшек. А потом дарил им эти рисунки...

Конечно, творчество Н. Н. Жукова не исчерпывается одной лишь «детской» темой. Более 30 лет работал он над «Ленинианой» и знаменит тем, что создал прекрасный образ Ленина. В годы Великой Отечественной войны плакаты Николая Жукова звали на борьбу с фашизмом. После войны художник иллюстрировал «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого и «Репортаж с петлей на шее» Юлиуса Фучика.

Это был замечательный художник и замечательный человек — в самом высоком смысле этого слова, человек щедрого таланта и щедрой души.

Несколько работ Н. Н. Жукова напечатано на первой странице этого номера «Пионера».

Т. АЛАТЫРЦЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

Счастливые дети счастливой страны — С. Фури. Рисунки Н. Жукова.....	II обл.
Путешествие в Спортландию.....	2
Я с ним дружу. Сурок. Дома — очень хорошо! Песенка в дорогу. — Стихи Н. Юрковой.....	6
Слеток. Прогулка. Поражение. Вратарь. Пастух. — Стихи Т. Ларионовой, А. Кондратьева, М. Вейцмана, А. Суровой, В. Кремнева.....	7
Ты, я, наш отряд Здравствуй, лето пионерское! — Записали И. Андрианова, А. Воробьев. Фотографии Б. Задвиля.....	8
Происшествие в путешествии. — Повесть Ю. Томина. Продолжение. Рисунки Л. Хачатряна.....	11
Малая пионерская энциклопедия.....	24
В комсомольском строю Сын комбайнера. — В. Близненкова. Рисунок П. Пророкова.....	25
Постреленок. — Рассказ В. Лебедева. Рисунок В. Мочалова.....	27
В атаку. Дети. — Стихотворения М. Найдича.....	29
Союз нерушимый Чинара сильна своими корнями... — Р. Файзи.....	30
Лесные тропинки. — Игра-картинка Е. Шабельника.....	32
Синий лен. — Рассказ В. Шаповалова. Рисунок А. Гришина.....	34
Международный пресс-центр «Пионера». — П. Григорьев. Рисунки Е. Шабельника.....	36
«Кораблик».....	40
Сами о себе.....	42
«Желание все знать, все видеть, путешествовать...» — Г. Арбузова.....	43
Красная тетрадка — А. Плешаков. Рисунок А. Дугина. Фотографии Ю. Аракчеева.....	52
Печеная картошка. — Рассказ С. Маркова. Рисунки М. Петрова.....	54
Объяснительная. — Юмореска Г. Долотказина.....	57
«Переменка».....	58, III обл.
Что нам читать? Путешественник, писатель, фантазер... — К 75-летию писателя А. С. Некрасова. Записала Т. Шаронова.....	59
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — М. Юдович. Рисунки Н. Доброхотовой.....	60
Ума палата.....	62
Художник рисует детей. — Т. Алатырцева.....	64
Палех. — Из сюиты «Музыка русских узоров». Музыка Ю. Чичкова. Стихи П. Синявского. Фотографии А. Шпикилова.....	IV обл.
На обложке: Сегодня — «Кожаный мяч», завтра — большой футбол. — Рисунок А. Борисова.	

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, В. П. КРАПИВИН, С. Л. МАКЕЕВ (ответственный секретарь), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), И. Н. ХРИСТОВАЯ (редактор отдела коммунистического воспитания), Ю. М. ЧИЧКОВ.

Редактор отдела оформления А. М. ГРИШИН.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет Ю. Л. РОДИНА.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1982.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 31.03.82.
Подписано к печати 14.04.82. А 05075. Формат 84×60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 1084. Заказ № 2302.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

Помните, в фантастическом фильме «Через тернии к звездам» его героиня Нийя остается на своей планете Десса? Помните, Нийя провожает печальным взглядом наш космический корабль, и мы так жалеем, что она не летит с нами на Землю?..

И вот она, Нийя, на Земле! В Москве, в Доме моделей на проспекте Вернадского. Похожа? Очень! Только темные волосы, большие очки и теплый свитер делают ее взрослее и «земнее», что ли. Знакомьтесь — **Елена МЕТЕЛКИНА**. Это она сыграла «искусственного человека» Нийю в фильме, который снял режиссер Ричард Виктор по сценарию Кира Булычева.

Корреспондент. Как вы стали Нийей? Об этом спрашивают многие читатели «Переменки».

Метелкина. Нашли меня случайно — прямо на улице. Я спешила на работу в Дом моделей, и меня увидел ассистент режиссера будущего фильма. Увидел и очень обрадовался: вот она, Нийя! Но, когда меня показали режиссеру, тот вовсе не пришел в восторг: «Какая же это Нийя? Худая, сутулая, да еще и в очках... А Нийя должна быть очень спортивной — должна нырять с большой высоты в воду, быстро бегать, легко прыгать — почти летать... Она же инопланетянка!»

Но все же со мной не распрощались, стали репетировать, и после нескольких месяцев проб из ста возможных «Ний» (а среди них были и мастера спорта, и разрядницы!) выбрали меня... Режиссер сказал мне: «Лена, в сценарии у Нийи короткие искусственные волосы, как шерстка. Ты уж извини...»

И мне пришлось свои волосы сначала остричь, а потом и обрить. Посмотрела я тогда на себя в зеркало и говорю: «Эх ты, лыска!»

Так меня и прозвали потом на съемках Лыской. Но я не обижалась и два года, пока снимался фильм, ходила на съемочной

площадке с Нийиными волосами — в наклейке из буйволиного волоса длиной в полсантиметра, а сразу же после съемок надевала длинноволосый парик или просто косыночку повязывала. Тогда старушки на улице вздыхали: «Видно, уши у девочки болят...»

Корреспондент. Трудно согласиться на такое!

Метелкина. Да что вы! Подумаешь, волосы! Зато какая роль!

А сниматься мы должны были на Черном море. Я радовалась: вот уж позагораю! Но режиссер сказал: «Леночка, в сценарии у Нийи очень белая кожа и бледное лицо. Ты уж извини...»

И я ни разу в те два лета не загорала! Купалась в море только после восьми вечера. А чтобы солнце меня не коснулось, даже в самую жару ходила в наглухо застегнутом платье с длинными рукавами и шляпу надвигала на нос.

Но все это, конечно, ерунда по сравнению с самым главным — я стала Нийей! Я была Нийей два года. Я научилась всему тому, что умела она...

Корреспондент. А как же вы, Лена, научились проходить сквозь стены?

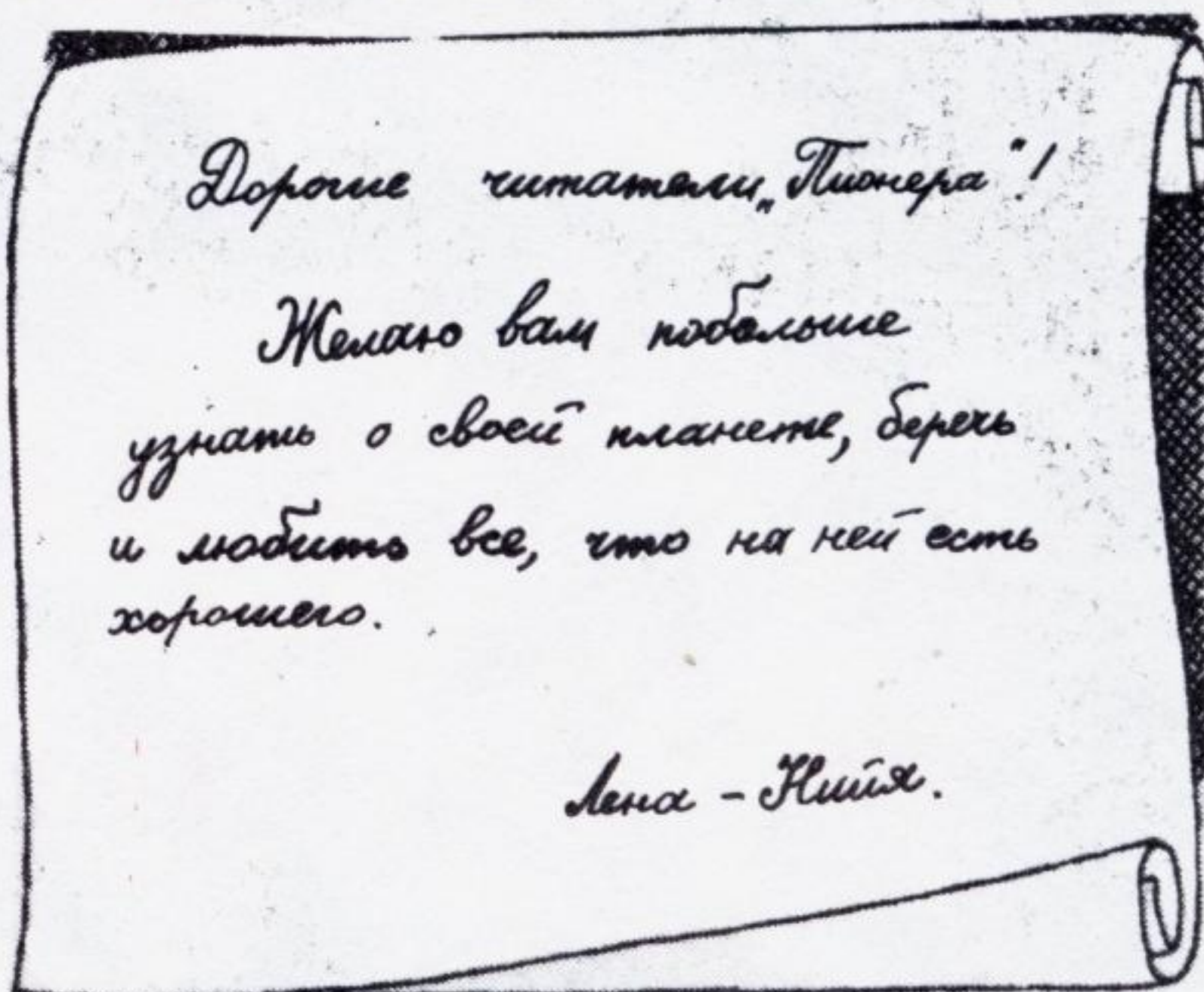
Метелкина. Ну... тут мне немножко помогли операторы комбинированных съемок.

Корреспондент. Лена, а где снимали вашу планету?

Метелкина. Мы на нее летали! В самом деле, летали в Исфару — есть такое место в Средней Азии. Там каменистая, выжженная почва, земля без деревьев и цветов — как на Дессе... Грустно об этом говорить, но ведь и гарь, и копоть, и чадающие трубы — все это тоже снимали на Земле! Очень обидно за нашу планету. Ребята-зрители, я думаю, это поняли. Я получила такое письмо от девочки: «После вашего фильма не могу сорвать даже зеленый листок с дерева. Мне его жалко. Я буду стараться, чтобы наша Земля не стала похожа на Дессу!»

Корреспондент. Что передать от вас читателям «Переменки», Лена?

Метелкина. Что я и Нийя были рады с ними встретиться! А остальное я им сама напишу:

Беседу вела М. ПОТОЦКАЯ.

Палех

Из сюиты «Музыка русских узоров».

Музыка Ю. ЧИЧКОВА,
лауреата премии имени Ленинского комсомола.

Стихи П. СИНЯВСКОГО.

Плещутся звезды в мерцающих далях,
Светится снег, хоть в ладони бери.
Сказочный Палех, загадочный Палех
Скачет на тройке в отсветах зари.

Ожили краски и в душу запали,
Русским напевом заслушался мир.
Сколько кудесников вырастил Палех,
Сколько диковин красою затмил.

Вешнее солнце в шкатулке хранится,
Не увядает старинный секрет.
Кисти взлетают как крылья Жар-птицы,
Палех рисует России портрет.

